

Эрнст Бельфорт Бакс
ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Перевод с английского
Петроград, 1918

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm), 14 июля 2012

Материалы для сравнения, дополнения и исправления,
как в целом по истории Великой французской революции,
так и по отдельным проблемам, - в нашей библиотеке

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Об авторе: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#bax>

ОГЛАВЛЕНИЕ

- I. Литературный пролог
- II. Экономическая прелюдия в провинциях
- III. Открытие действий в Париже
- IV. Бастилия
- V. Продавцы конституции
- VI. Новая конституция
- VII. «Конституция» при смерти
- VIII. Законодательное собрание
- IX. Десятое августа
- X. Первая парижская коммуна и сентябрьские убийства
- XI. Национальный конвент
- XII. Суд над королем и казнь его
- XIII. Борьба на смерть между Горой и Жирондой
- XIV. Вопросы экономического характера
- XV. Падение Жиронды
- XVI. Санкюлоты у власти
- XVII. Диктаторство коммуны
- XVIII. Террор
- XIX. Падение эбертистов
- XX. Правление Робеспьера
- XXI. Термидор
- XXII. Реакция начинается
- XXIII. Реакция усиливается
- XXIV. Заговор Бабефа и конец Французской революции
- XV. Национальная собственность
- XVI. Заключение

к.в. М 10246

ВЕЛИКАЯ
Французская революція.

I.

Литературный пролог.

Кардинальной идеей французской революции была политическая эмансипация среднего класса. Средневековая феодальная иерархия во Франции, как и в других странах, подразделялась на три главные социальные группы или сословия: 1) высшее земельное духовенство, 2) дворянство и 3) мелкие землевладельцы, свободные арендаторы и граждане независимых городских общин. Простой *сервъ*, или *вилланъ* (отбывавший барщину), или простой рабочий похож был на раба в древности и не входил в эту классификацию. Владение, или безбарщинная аренда, землей составляло условие свободы. Это третье сословие было зародышем нашего среднего класса. Великая задача французской революции заключалась в том, чтобы достигнуть для третьего сословия независимости и преобладания. Цель эта выражена в следующих словах представителя

третьего сословія, аббата Сийеса: „Что такое третье сословіе? Ничто. Чѣмъ оно желаетъ быть? Всѣмъ“. Но хотя политическое преобладаніе средняго класса являлось центральной идеей, единственной, которой суждено было осуществиться (чѣмъ на практикѣ было опровергнуто мнѣніе нѣкоторыхъ политиковъ, утверждающихъ, что всякія насильственные революціи не удаются), наряду съ ней возникло и много побочных теченій, выходившихъ далеко за ея предѣлы. Однако, приливъ революціи не знаменовалъ собой окончательной и прочной побѣды прогресса. Волны ея отхлынули назадъ отъ вышшаго пункта, достигнутаго броженіемъ, оставивъ, какъ прочный слѣдъ своего присутствія, освобожденіе буржуазіи.

Первымъ изъ предшественниковъ этого могучаго переворота былъ женеvскій мыслитель Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778). Эта замѣчательная личность можетъ быть названа мессіей революціоннаго кризиса. Произведенія его цитировались и читались словно новое евангеліе почти всѣми выдающимися представителями эпохи. Доктрины Руссо заключались въ его раннемъ опытѣ о цивилизаціи, въ его „Эмиль, или трактатъ о воспитаніи“ и „Общественномъ договорѣ“, его главномъ произведеніи.

Въ первомъ своемъ произведеніи Руссо настаивалъ на преимуществахъ дикаго состоянія надъ цивилизаціей, а все его послѣдующее ученіе имѣло центральнымъ пунктомъ стремленіе устранить лживость и искусственность современнаго ему общества и вызвать въ его сознаніи неотложную необходимость вернуться, поскольку это возможно, къ естественному состоянію во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ. Это положеніе онъ особенно примѣняетъ къ воспитанію въ „Эмиль“, гдѣ даетъ очеркъ воспитанія воображаемаго ребенка.

„Общественный договор“, крупнѣйшее его произведеніе, заключаетъ разборъ основныхъ принциповъ соціального и политическаго строя. Уже здѣсь можно

найти магическія формулы, служившія лозунгами во время революціи, формулы въ родѣ: „свобода, равенство, братство“, „священное право возстанія“, названіе „гражданинъ“, употреблявшееся тогда же въ качествѣ обращенія, и многое другое. Заглавіе книги вело начало отъ теоріи Локка (или, вѣрнѣе, Гоббса), предполагавшей, что когда-то между правящими лицами и управляемыми былъ заключенъ договоръ, и выставленной въ противобѣдъ теоріи „божественныхъ правъ“ королей. Мысль эту Руссо кладетъ въ основаніе своего сочиненія, но отрицаетъ безусловный характеръ договора, на которомъ настаивали первые авторы теоріи. Вначалѣ не существовало никакой разницы между управляющими и управляемыми. Договоръ, если и былъ установленъ, то сводился просто къ политическому соглашенію на строго опредѣленныхъ условіяхъ. Правители были только делегатами или уполномоченными народа. Форма правленія имѣла для Руссо значеніе болѣе или менѣе второстепенное. Хотя демократія и обладала наибольшими преимуществами, тѣмъ не менѣе уполномоченнымъ народа могла быть и особая группа лицъ (аристократія) и даже одно лицо (король). Но при всякой формѣ правленія воля народа должна была признаваться выше всего.

Классицизмъ французской революціи также въ достаточной степени нашелъ себѣ представителя въ лицѣ Руссо. Римское государственное устройство неизмѣнно служить ему источникомъ для иллюстраціи его положеній и достойнымъ подражанія образцомъ. Что касается терпимости, то Руссо склоненъ былъ считать необходимымъ предоставить государственной власти право подавлять мнѣнія, противорѣчація доброй гражданственности. Подобно римлянамъ, онъ признавалъ возможнымъ относиться терпимо ко всѣмъ религіямъ, не угрожавшимъ государству опасностью. Ни одна книга, вѣроятно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не оказала такого огромнаго вліянія, какъ „Общественный договор“. Она была на-

етольной книгой для французской революціи. Всякій указъ, всякій законъ, всякій параграфъ конституціи несутъ на себѣ отпечатокъ ея вліянія. Но хотя теорія разработана у Руссо и съ большей логичностью и послѣдовательностью, чѣмъ у ея первыхъ основателей, его собственные взгляды отличаются крайней узостью и отсутствіемъ исторической точки зрѣнія, что неизбежно во всякой системѣ, имѣющей дѣло лишь съ политической стороной историческихъ явленій. Конечно, можно восхищаться энергичностью его осужденія окружающаго его общества, „оранжованнаго лицемѣрія“, называемаго религіей и нравственностью; но въ ту эпоху еще невозможно было отыскать ихъ историческихъ корней, а потому для насъ критическія разсужденія пылкаго женева теряютъ значительную часть своего эффекта.

Вліяніе второго важнаго предшественника французской революціи, Франсуа-Маріи Аруэ де-Вольтера (1694—1778) было гораздо болѣе косвеннымъ, чѣмъ вліяніе Руссо, и отличалось почти чисто отрицательнымъ характеромъ. Своей ѣдкой насмѣшкой онъ уничтожилъ въ умахъ современниковъ послѣдніе остатки уваженія къ формамъ старой, отживавшей феодально-католической организаци. Хотя въ личномъ характерѣ Вольтера была достаточная доза ловкой пронырливости (*selg-seching*), все-таки нельзя отрицать, что его негодованіе противъ жестокости и его отвращеніе къ католическому лицемѣрью проникнуты были искренностью и истиннымъ благородствомъ и оказали большое вліяніе на послѣдующія событія. Въ произведеніяхъ Вольтера, этого француза изъ французовъ, вѣетъ духъ созвѣтнаго космополитизма и презрѣнія къ національности, впервые распростиравшіяся во время французской революціи и выраженный въ знаменитой деклараціи 1793 г.

Но и въ этихъ взглядахъ, какъ и въ другихъ, Вольтеръ не былъ одинокъ. Онъ частью самъ вызвалъ, частью же отражалъ въ себѣ преобладавшее направленіе

въ „салонномъ“ французскомъ образованіи XVIII вѣка. Начало его можно отнести въ главныхъ чертахъ къ возрожденію наукъ при дворѣ Медичисовъ. Здѣсь мимоходомъ умѣстно будетъ напомнить ту истину, что индивидуальный гений представляетъ собой лишь особую способность концентрировать и выражать такъ называемый „духъ времени“, подготовленный и созданный предыдущими вѣками. Такимъ образомъ, Вольтеръ и Руссо были обязаны результатами, ими достигнутыми, своей способности воспроизводить въ словахъ смутныя и неоформленныя мысли милліоновъ. Относительно Вольтера надо еще упомянуть о необычайно широкой интеллектуальной симпатіи, привлекавшей его ко множеству самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

Кромѣ Вольтера и Руссо упомянемъ еще на блестящую группу литературныхъ работниковъ и мыслителей, во главѣ съ Дидро и д'Аламберомъ, создавшихъ великую французскую Энциклопедію, этотъ памятникъ трудолюбія и настойчивости. Огромныя затрудненія встрѣтили издавіе этого важнаго труда, несмотря на стараніе избѣгнуть въ немъ выраженій открытаго презрѣнія или враждебности противъ господствовавшихъ предрассудковъ. Сыграли свою роль также и матеріалисты-атеисты, среди которыхъ центральной фигурой былъ баронъ Гольбахъ, анонимный авторъ знаменитой „Системы природы“, которая, при всей ея незрѣлости на нашъ современный взглядъ, сдѣлала въ свое время доброе дѣло, чего не достигло бы произведеніе болѣе глубокаго философскаго достоинства. Достоинно вниманія, что большинство другихъ выдающихся именъ среди писателей, предшествовавшихъ революціи, включая сюда Руссо и Вольтера, принадлежатъ горячимъ деистамъ. Въ числѣ славныхъ предшественниковъ революціи надо упомянуть и Монтескье (1689—1755), „Духъ Законовъ“ котораго сталъ какъ бы руководствомъ юридической философіи для революціи.

Всѣ эти люди внесли свою долю участія въ закладку умственного фундамента для послѣдовавшаго вскорѣ великаго переворота. Но ни одному изъ нихъ, однако же, не удалось видѣть практическихъ результатовъ своихъ трудовъ. Руссо, оказавшій самое непосредственное вліяніе на революцію, умеръ за 11 лѣтъ до взятія Бастиліи; Вольтеръ въ тотъ же годъ; Дидро дожилъ до 1784 г.; д'Аламберъ умеръ за годъ передъ тѣмъ; одному Мирабо пришлось видѣть начало великаго кризиса, въ подготовкѣ котораго онъ самъ участвовалъ. Но и онъ умеръ въ 1791 г., за полтора года до фактическаго паденія монархіи. Немногіе изъ перечисленныхъ лицъ выходили за предѣлы круга идей и воззрѣній свободомыслящей аристократіи и класса литераторовъ. О движеніи внизу, въ слояхъ народа, они знали очень мало, быть можетъ даже не догадывались о его существованіи. Въ самомъ дѣлѣ, хотя уже съ начала столѣтія, особенно въ царствованіе Людовика XV, у всѣхъ было предчувствіе близости грозящаго переворота и хотя дважды уже, въ 1734 и 1771 г.г., старая система, казалось, готова была рухнуть, она все-таки продолжала существовать, и, повидимому, ей суждено было пережить еще не мало подобныхъ потрясеній. Для многихъ, безъ сомнѣнія, тронъ казался столь же прочнымъ и религія столь же популярной, какъ и прежде. Несмотря на это, черезъ нѣсколько лѣтъ оба учрежденія ожидала сильная катастрофа.

II.

Экономическая прелюдія въ провинціи.

Десять лѣтъ неурожаевъ, отзывавшихся на народѣ особенно тяжело влѣдствіе недостатковъ промышленной, фискальной и политической системы, закончились губительнымъ лѣтомъ 1788 года. Сильный градъ, сопро-

вождавшійся жестокій бурей, произвелъ повсюду опустошенія. Урожай оказался еще хуже, чѣмъ когда-либо раньше. Не только зерновой хлѣбъ, но и вино, каштаны, сливы, однимъ словомъ, всѣ земледѣльческіе продукты потребления и вывоза собраны были по всей Франціи лишь въ жалкомъ количествѣ. Но даже собранное было настолько попорчено, что оказалось почти негоднымъ для употребленія. Изъ всѣхъ провинцій приходили однообразныя извѣстія объ опустошеніяхъ, голодѣ и эпидеміяхъ. Даже сравнительно зажиточные крестьяне принуждены были питаться ячменнымъ хлѣбомъ самаго плохого качества и водой, между тѣмъ какъ менѣе достаточные довольствовались хлѣбомъ изъ сухого сѣна и моченой мякны, что „причиняло смерть многимъ дѣтямъ“. Англичанинъ Артуръ Юнгъ, путешествовавшій въ томъ году по Франціи, всюду, куда ни появлялся, слышалъ одну и ту же безконечную жалобу на нужду и на дороговизну хлѣба. „Хлѣбъ который можно достать, отзываетъ плѣсенью и часто вызываетъ дизентерію и другія болѣзни. Болѣе крупные города находятся въ такомъ положеніи, словно они выдержали всю тяжесть долговременной осады. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весь запасъ зерна и ячменя сгнилъ и полонъ бѣлыми червяками“.

Въ довершеніе всѣхъ ужасовъ за жаркимъ и сухимъ лѣтомъ наступила необычайно суровая зима. Начало новаго 1788 года ознаменовалось замерзаніемъ Сены отъ Парижа до Гавра. Такой неблагоприятной погоды не было съ 1709 г. Съ наступленіемъ весны нужда возросла. Промышленный кризисъ разразился въ городахъ, тысячи рабочихъ были выброшены на мостовую влѣдствіе введенія новыхъ привезенныхъ изъ Англій машинъ, которыя во многихъ отрасляхъ промышленности стали вытѣнять ручной трудъ. Бунты и мѣстные возмущенія, въ единичныхъ случаяхъ уже давно наблюдавшіеся, съ каждымъ днемъ учащались, и, начиная

съ марта, все крестьянство Франціи можно было считать въ открытомъ возстаніи, такъ какъ за четыре мѣсяца, предшествовавшіе взятію Бастиліи, въ провинціяхъ насчитывалось до трехсотъ отдѣльныхъ возстаній.

Въ 1787 г. министръ Ломери де-Бриеннъ созвалъ 19 новыхъ провинціальныхъ собраний. За окружными собраниями, установленными за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, слѣдовали только собранія приходскія. Во всѣхъ этихъ собраніяхъ, начиная съ приходскаго и кончая провинціальнымъ, „народъ, фермеры и пр. сидѣли бокъ-о-бокъ съ мѣстными властями“, — фактъ, значительно способствовавшій уничтоженію послѣднихъ остатковъ феодальной приниженности и благоговѣнія передъ родо-витостью. Въ ноябрѣ 1787 г. король обнародовалъ свое намѣреніе созвать генеральные штаты. 5 іюля 1788 г. всѣмъ мѣстнымъ корпораціямъ предложено было составить cahiers, „наказы“ для представленія ихъ королю и генеральнымъ штатамъ, гдѣ представители „третьяго чина“ присутствовали въ двойномъ числѣ. Эти cahiers даютъ массу интереснаго матеріала, иллюстрирующаго положеніе Франціи наканунѣ революціи, и до сихъ поръ еще не вполне разработаны. „Король“, гласило воззваніе, „желаетъ, чтобы съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ его королевства, изъ самыхъ затерянныхъ поселеній всякій съ довѣріемъ приносилъ ему свои пожеланія и жалобы“, а эти и подобныя имъ выраженія были истолкованы крестьянами въ томъ смыслѣ, что король, дѣйствительно, желаетъ освободить ихъ отъ голодной смерти и нужды. Это придавало имъ смѣлости настолько, что они рѣшили взять дѣло въ свои руки. Въ январѣ указы были готовы, въ немъ народъ впервые формулировалъ свои бѣдствія. Споры на собраніяхъ привели ихъ въ сильное возбужденіе. Генеральные штаты должны были заняться разсмотрѣніемъ свершаемыхъ надъ ними несправедливостей, — это правда, но вѣдь штаты соберутся только въ маѣ, а они сейчасъ

мрутъ съ голоду. Ясно было только одно, что имъ нуженъ хлѣбъ. И вотъ, сообразно съ этимъ, не довѣряя мѣстнымъ властямъ и не взирая на охранителей порядка, по всей Франціи стали составляться шайка числомъ отъ 300 до 400 и болѣе человекъ, которыя захватывали и грабили житницы, церковные дома, всякаго рода склады, именемъ народа врывались въ общественныя зданія, уничтожая всѣ юридическіе документы (на которые смотрѣли, какъ на орудія своего порабощенія), попадавшіеся подъ руку, провозглашали отмену всѣхъ мѣстныхъ повинностей и налоговъ, предавали смерти всѣхъ, осмѣливавшихся возражать имъ во имя закона и порядка, и ободренные успѣхомъ, принимали жечь замки и истреблять и присваивать безъ разбору дома и прочую собственность достаточныхъ лицъ. Число этихъ шайекъ увеличивалось не только лишившимися заработка рабочими Парижа, Руана и т. д., но и профессиональными ворами. Мѣстныя власти были безнадежно неспособны къ борьбѣ съ бунтовщиками; центральная власть въ Парижѣ казалась парализованной. Обыкновенно, читатели исторіи революціи, слѣдя за ходомъ дѣйствій въ столицѣ, склонны бываютъ забывать, что всѣ событія въ ней служатъ лишь отраженной въ увеличенномъ видѣ картиной того, что происходило въ сотняхъ мелкихъ городковъ и деревень по провинціямъ. Еще до знаменитаго 14 іюля въ большинствѣ французскихъ провинцій установленной власти пришелъ конецъ. Никто не дерзалъ отказывать въ повиновеніи требованіямъ повстанцевъ. Невозможно, да и скучно было бы перечислять всѣ обстоятельства этихъ мѣстныхъ возстаній или даже главныя изъ нихъ. Всюду происходило почти одно и то же, и слѣдующій рассказъ о возстаніи въ Страсбургѣ можетъ служить достаточной иллюстраціей сказаннаго. Пятьсотъ или шестьсотъ крестьянъ, ремесленниковъ, безработныхъ, бродягъ и пр. воспользовались праздничнымъ днемъ, чтобы напасть на зданіе

городской думы, причѣмъ собравшіяся тамъ власти поспѣшно скрылись черезъ задній ходъ. Стекла разлетѣлись отъ тучи пущенныхъ камней, двери были выбиты ломами, и толпа, словно бушующій потокъ, ворвалась въ зданіе. „Тотчасъ же“, читаемъ въ сообщеніи, „посыпались ставни, осколки стеколъ, стулья, столы, диваны, книги, бумаги и т. д.“

„Общественные архивы были пущены по вѣтру и сосѣднія улицы покрылись клочками архивныхъ документовъ. Акты, хартіи и пр. погибли въ пламени. Въ подвалахъ были разбиты бочки съ дорогими винами; мародеры, напившись до-сыта, оставили вино течъ, вслѣдствіе чего образовалась громадная лужа въ пять футовъ глубиной, въ которой утонуло пять человѣкъ. Нѣкоторые же изъ нихъ, нагруженные добычею, убились на глазахъ у солдатъ, которые скорѣе одобряли, нежели противодѣйствовали грабителямъ. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней городъ находился во власти черни. Въ домахъ, принадлежащихъ мѣстнымъ знатымъ и богатымъ лицамъ, все было перевернуто вверхъ дномъ отъ подвала до чердака. Возмущеніе быстро распространилось по всѣмъ окрестностямъ“ (Тэнъ, т. 1, стр. 81—82). За нѣсколько недѣль до открытія генеральныхъ штатовъ въ Парижѣ въ рабочемъ кварталѣ предмѣстья св. Антуана произошло возмущеніе, окончившееся кровопролитіемъ и стоившее многихъ человеческихъ жизней. По сообщеніямъ, еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Парижъ сталъ наполняться отчаянными, готовыми на все голодными людьми, стекавшими туда подъ давленіемъ нужды со всѣхъ концовъ Франціи.

Въ нѣкоторыхъ округахъ вожаки объявляли себя дѣйствующими по приказанію короля. Результатъ всюду былъ одинъ и тотъ же—насилъственное установленіе максимальной цѣны на хлѣбъ и уничтоженіе налоговъ. Конечно, недостатка въ жестокостяхъ не было. Тамъ

чуть ли не сожгли живымъ юриста, требуя у него выдачи предполагаемой хартіи; въ другомъ мѣстѣ замучили до смерти синора; въ третьемъ разорвали на клочки какого-то духовнаго. Странѣ грозили голодъ и разореніе, особенно рѣзкому выраженію которыхъ содѣйствовали финансовыя неурядицы двора и средство отъ которыхъ для того, кто умѣлъ читать въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо, сдѣлалось непосредственной причиной французской революціи. Такое же неизбѣжное банкротство королевства, вызванное расточительностью двора и повлекшее за собой созваніе генеральныхъ штатовъ, косвеннымъ образомъ привело также къ основанію якобинскаго клуба, этой главной причины революціи. Споръ между дворомъ и мѣстными легальными совѣтами, т. н. „парламентами“, повелъ къ ограниченію ихъ правъ королемъ, а это, въ свою очередь, вызвало протестующія депутаціи со стороны оскорбленныхъ городовъ. Одна изъ этихъ депутацій изъ Ренна въ Бретани образовала для выработки своихъ жалобъ и протестовъ клубъ, извѣстный подъ именемъ Бретанскаго, члены котораго собирались въ старомъ монастырѣ св. Іакова въ улицѣ С.-Оноре. Первоначальный составъ этого клуба скоро значительно расширился, а названіе „Бретанскій“ было измѣнено въ „Якобинскій“, по мѣсту его собраній. Таково было происхожденіе обширной клубной организаціи, пользовавшейся въ послѣдующіе годы колоссальнымъ вліяніемъ не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи.

III.

Открытіе дѣйствій въ Парижѣ.

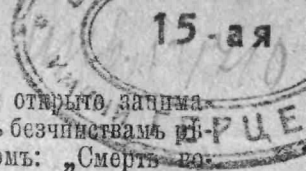
5 мая 1789 года королевская резиденція Версаль была пышно разукрашена флагами; играла музыка, сверкали эполеты, глаза рѣзало отъ блеска яркихъ ко-

стюмовъ и красоты женщинъ. То былъ день открытія генеральныхъ штатовъ, созванныхъ впервые послѣ 1614 года, какъ послѣднее средство противъ грозившаго государству разложенія и банкротства, и въ то же время это былъ день *начала французской революціи*.

Въ полдень можно было видѣть процессію феодаловъ, направляющуюся въ церковь св. Людовика. Послѣ короля и его семейства первое мѣсто заняло „высшее духовенство“, одѣтое въ пурпурныя мантии съ батиловыми рукавами; „низшее“ носило простыя рясы и четырехугольныя шапочки. Затѣмъ шли дворяне, въ черныхъ костюмахъ, съ залитой серебромъ грудью, съ кружевными галстуками и въ шляпахъ съ перьями; замыкала шествіе, слѣдовали скромные представители третьяго сословія — средняго класса — кушцы, фермеры, мелкіе землевладѣльцы — тоже въ черномъ, но безъ всякихъ украшеній, кромѣ короткаго плаща и простой шляпы. Съ этою памятною процессіей судорожно испустилъ духъ средневѣковый строй, въ теченіе двухъ столѣтій медленно приближавшійся къ смерти. Занятія генеральныхъ штатовъ пошли не такъ весело, какъ церемонія ихъ открытія. Между сословіями тотчасъ же произошло столкновеніе относительно порядка засѣданій, въ результатъ чего третье сословіе образовало изъ себя Національное Собраніе Франціи, отказавшись допустить на свои засѣданія другія сословія иначе, какъ при условіи общаго равенства. Король выразилъ свое неудовольствіе, закрывъ передъ ними двери генеральныхъ штатовъ. Собраніе отвѣтило знаменитою клятвой 20 іюня въ манежѣ для игры въ мячъ (Salle de jeu de romme), которою обязалось не расходиться, пока не дастъ Франціи конституціи. Черезъ два дня послѣ этой клятвы Національное Собраніе восторжествовало надъ дворомъ, вернувшись въ залъ своихъ засѣданій и бросивъ открыто вызовъ королю; оно не признало независимости духовенства и знати, формально подтвердило свои поста-

новленія предыдущаго дня, въ которомъ король отнесся такъ презрительно, и продолжало свои засѣданія. Занавѣсъ поднялся, и начался первый актъ революціонной драмы.

Между тѣмъ, броженіе, вызванное событіями въ Версалѣ, охватило всю столицу и стало быстро распространяться по провинціямъ. Нѣсколько недѣль спустя, въ началѣ іюля, получилъ отставку министръ финансовъ Неккеръ, любимецъ средняго класса. Неккеръ, надо замѣтить, былъ самымъ безобиднымъ изъ тѣхъ господъ, которые подъ именемъ министровъ финансовъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ грабили государственные доходы. По сравненію съ ними онъ казался почти честнымъ и добродѣтельнымъ, и населеніе, снисхожденіе и восхищеніе котораго никогда не имѣютъ границъ по отношенію къ официальнымъ лицамъ, оказавшимся не особенно плохими, сдѣлало его предметомъ своего обожанія. Процессія, устроенная въ видѣ протеста противъ отставки министра, была разсѣяна вооруженной силой, при чемъ два человѣка были убиты. Весь городъ былъ скоро въ открытомъ возстаніи. Пале-Рояль, громадное зданіе для общественныхъ собраній и политическихъ дебатовъ, было биткомъ набито болѣе чѣмъ десятью тысячами человѣкъ. На столѣ, служившемъ вмѣсто трибуны, стоялъ молодой человѣкъ съ тонкими чертами лица и изящной осанкой и обращался къ толпѣ съ рѣчью. То былъ Камилль Демуленъ, популярный журналистъ. „Граждане, сказалъ онъ, нельзя терять ни минуты. Удаленіе Неккера — набатъ для Варооломеевской ночи патріотовъ. Сегодня вечеромъ швейцарскіе и нѣмецкіе батальоны придутъ съ Марсова поля, чтобы перебить насъ! У насъ осталось одно только средство: къ оружію!“ Съ этими словами онъ прикрѣпилъ къ себѣ на шляпу зеленую вѣтку, такъ какъ зеленый цвѣтъ есть символъ надежды. Всѣ послѣдовали его примѣру, и скоро на каштановыхъ деревьяхъ Парижа не осталось ни одного листочка. Въ

то же время трехцветный флаг впервые был принят в качестве знамени народной партии.

Толпа двинулась по улицам, с триумфом неся бюсты Неккера и Филиппа Эгалите, двоюродного брата короля, бывшего с ним не в ладах; численность ее увеличивалась с каждым шагом, пока она не была у королевского моста остановлена немецким отрядом королевской гвардии. Последняя была отбита градом камней, и толпа дошла до площади Людовика XV. Здесь произошла громадная свалка, так как против народа выдвинуть был эскадрон драгун. Регулярные королевские войска послы сильного сопротивления разбили, наконец, мятежных парижан, но побьда их имела для защищаемого ими дела больше роковых последствий, чем поражение. Разъяренная толпа по всему Парижу разнесла негодующий крик: „Къ оружію!“ Полкъ французскихъ гвардейцевъ, расквартированныхъ въ Парижѣ, возмутился и обратилъ въ бѣгство наемныя иностранныя войска, посланныя для его усмиренія. Цѣлую ночь раздавался набатъ съ городской думы (Hôtel de Ville), гдѣ засѣдалъ комитетъ выдающихся гражданъ, задавшихъ цѣлью собрать оружіе. Утромъ 12 июля Парижъ былъ въ полномъ возстаніи; со всѣхъ колоколенъ гудѣлъ набатъ; трескъ барабановъ раздавался по всѣмъ главнымъ улицамъ; на всякомъ открытомъ мѣстѣ собирались возбужденныя группы людей; цѣлый потокъ лицъ „обездоленного“ класса хлынулъ во всѣ ворота Парижа; лавки оружейниковъ были разбиты; отысканіе повсюду оружія было лозунгомъ дня. Комитетъ, собравшійся въ думѣ, на всѣ настойчивыя требованія оружія могъ отвѣтить только, что у него его нѣтъ. Гражданскія власти, вытребованныя мятежниками, затачивали время и уклончиво обѣщали свое содѣйствіе. Дома были обшарены сверху до низу; останавливали на улицахъ экипажи. Въ суматохѣ, понятно, не было недостатка въ негодяяхъ, воспользовавшихся случаемъ по-

ловить рыбу въ мутной водѣ, которые открыто зачинались грабежомъ. Но всѣмъ подобнымъ безчинствамъ вслѣдствіе полагали конецъ съ крикомъ: „Смерть ворагамъ!“ Экипажи и другія, принадлежавшія „аристократамъ“ вещи въ случаѣ захвата ихъ народомъ или тутъ же уничтожались, или отвозились на центральную станцію на Гревской площади. Послѣ обѣда „купеческій прево“ (должностное лицо средневѣковой іерархіи, соответствующее современному „мэру“—городскому головѣ) объявилъ о скоромъ прибытіи мушкетовъ и амуниціи, съ такимъ нетерпѣніемъ всѣми ожидаемыхъ. Подъ именемъ Парижской гвардіи была сформирована изъ гражданъ милиція (ополченіе) числомъ до 48.000 человекъ; повсюду раздавали кокарды красного, голубого и зеленого цвѣта; но часы шли за часами, а мушкетовъ все не было. Паника охватила городъ при мысли, что въ слѣдующую ночь на Парижъ двинутся наемныя войска. Наконецъ, прибыли ожидаемыя съ амуниціей ящики; они жадно были раскрыты, и въ нихъ оказалось... старое полотно и обломки деревянной мебели.

Комитету и „купеческому прево“ еле удалось ускользнуть. Но прево, увѣряя, что самъ онъ былъ обманутъ, попытался отвлечь вниманіе народа, пославъ его на Шартрѣ. Наконецъ, комитетъ порѣшилъ вооружать гражданъ пиками, вмѣсто огнестрѣльнаго оружія, и издалъ приказъ выковать 50.000 пикъ. Съ цѣлью защиты отъ воровъ и грабителей городъ былъ освѣщенъ въ теченіе всей ночи.

88-5088

IV.

Бастилія.

На слѣдующій день, 14-го, съ утра пѣзъ усть въ уста переходилъ призывъ—„Къ инвалидамъ!“, т. е. въ военный госпиталь. Тамъ, наконецъ, можно было достать

11892

Гео. Русл. Библиот. им. В. Т. Соловья

оружіе. И народъ, дѣйствительно, былъ вознагражденъ за свое смѣлое сопротивленіе собравшимся на Марсовомъ полѣ войскамъ, пробившимся къ этому большому военному складу.

Съ триумфомъ взято было отсюда 28 тысячъ мушкетовъ, кромѣ пушекъ, сабель и пикъ. Между тѣмъ, разнесся слухъ, что королевскіе полки, расположенные въ Сень-Дени, идутъ на Парижъ и что, кромѣ того, пушки изъ Бастиліи направлены на бульваръ Сень-Антуана.

Все вниманіе Парижа тотчасъ же обратилось на первый пунктъ, дѣйствительно, господствовавшей надъ самыми населенными кварталами города. Все утро немудчно раздавался одинъ только крикъ— „На Бастилію!“ Бастилія была великой эмблемой королевской власти и авторитета. Въ средніе вѣка она служила королямъ оплотомъ противъ буйныхъ феодальныхъ бароновъ. Но хотя французское дворянство давно уже превратилось изъ „буйныхъ бароновъ“ въ изящныхъ и лѣтвыхъ придворныхъ, Бастилія, тѣмъ не менѣе, оставалась великимъ воплощеніемъ централизованной теперь власти французскаго короля. Такимъ образомъ, взятіемъ Бастиліи былъ бы нанесенъ самый чувствительный ударъ „престижу“ короля. Добавьте къ этому, что, давно уже переставъ служить своему первоначальному назначенію, Бастилія была особенно ненавистна народу, какъ мѣсто заключенія для лицъ, захваченныхъ по тайному приказанію короля (по такъ наз. *lettres de cachets*). И вотъ, передъ Бастиліей со всѣхъ кварталовъ начала собираться вооруженная толпа, пока передъ крѣпостью не образовался какъ бы цѣлый лѣсъ всякаго рода оружія. Начались переговоры съ комендантомъ Делонэ, но народъ настойчиво кричалъ: „Намъ нужна Бастилія.“ Отъ словъ перешли къ дѣлу, ударами топоровъ, какъ говорятъ, двухъ человѣкъ, мостъ былъ разрушенъ. Толпа хлынула и атаковала второй подъемный мостъ, храбро защищаемый небольшимъ гарнизономъ.

Довольно много нападающихъ пали убитыми и ранеными. Осада продолжалась уже болѣе четырехъ часовъ, когда прибыла съ пушкой французская гвардія, ставшая уже, какъ мы видѣли, на сторону революціи. Гарнизонъ, видя бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія, заявилъ коменданту о необходимости сдаться. Но старый Делонэ предпочиталъ взорвать крѣпость и самому погибнуть подъ ея развалинами. Однако, товарищи помѣшали ему выполнить этотъ планъ. Послѣ этого солдаты сдались на условіи, что имъ пощадятъ жизнь. Вожаки народа, стоявшіе въ первыхъ рядахъ и давшіе въ томъ слово, употребили всевозможныя усилія, чтобы защитить гарнизонъ отъ неистовства толпы. Но среди тысячъ, ворвавшихся въ крѣпость, мало кто зналъ толкомъ, что, собственно, произошло. Въ результатъ, Делонэ и нѣсколько швейцарскихъ солдатъ изъ гарнизона погибли жертвами народного гнѣва.

Между тѣмъ, въ городской ратушѣ царилъ трепетъ и смятеніе. Больше всего трепеталъ „купеческій прево“ Флессель, опасаясь мести за свое предательство. Страхъ этотъ нимало не уменьшился, когда крики „свобода!“, „побѣда!“, раздававшіеся изъ тысячи глотокъ, достигали до ушей засѣдавшихъ въ ратушѣ и становились громче съ минуты на минуту. То были завоеватели Бастиліи, съ триумфомъ несше своихъ героев въ городское зданіе.

И вотъ, въ залѣ ратуши вступила восторженная, безпорядочная толпа, растрепанная, испачканная кровью, вооруженная пиками, мушкетами, топорами и всѣмъ, что только подвернулось подъ руку. Надъ головами толпы кто то держалъ ключи Бастиліи, другой „правилъ“ тюрьмы, третій воротникъ (*collar*) коменданта.

Всеобщая амнистія захваченныхъ защитниковъ Бастиліи была принята послѣ сильнаго сопротивленія. Но „купеческому прево“ отдѣлаться было еще труднѣе. На группѣ Делонэ найдено было письмо, въ которомъ Флессель заявилъ, что онъ пока забавляетъ парижанъ ко-

кардами и обещаніями, и что если крѣпость продержится до ночи, то помощь подоспѣтъ. Въ Пале-Рояль рѣшено было учинить надъ нимъ импровизированный судъ, но по дорогѣ туда кто-то застрѣлилъ его изъ пистолета.

Когда прошло возбужденіе, были удвоены предосторожности противъ возможныхъ попытокъ со стороны королевскаго двора овладѣть столицей. Повсюду строили баррикады, выворачивались камни изъ мостовой, ковали пики. Все населеніе цѣлую ночь занято было работой на улицахъ. Насколько основательны были опасенія парижанъ, становилось очевиднымъ для всякаго, побывавшаго въ то время въ Версалѣ, гдѣ Бретель, первый министр, только что обѣщаль королю въ три дня возстановить авторитетъ королевской власти; въ эту ночь назначено было нападеніе на мятежниковъ, и королевскимъ войскамъ раздавались подарки и происходило угощеніе.

Собраніе, засѣдавшее непрерывно, собиралось послать личную депутацію къ королю (двѣ уже оно посылало раньше), какъ онъ явился лично. Получивъ ночью сообщеніе обо всемъ происшедшемъ отъ своего „grand maitre de garde-robe“, онъ воскликнулъ: „Да это бунтъ!“ — „Нѣтъ, ваше величество“, отвѣтилъ тотъ, „это—революція“. Когда король въ Собраніи сталъ увѣрять въ своихъ неизмѣнныхъ чувствахъ къ подданнымъ, заявивши, что онъ отдалъ приказъ объ удаленіи чужеземныхъ войскъ изъ Парижа и Версаля и ввѣряетъ себя охранѣ однихъ только народныхъ представителей и т. д., Національное Собраніе въ восторгѣ поднялось съ своихъ мѣстъ и въ полномъ своемъ составѣ проводило короля до дворца.

Новость распространилась быстро. Чувства кругомъ сразу же измѣнились: страхъ перешелъ въ воодушевленіе, ненависть — въ благодарность. Общій восторгъ еще увеличился благодаря возвращенію Неккера на постъ министра, вступленію Людовика XVI въ Парижъ

и принятію имъ трехцвѣтной кокарды. Такъ закончился подготовительный періодъ революціи. Нечего и говорить, что впечатлѣніе, произведенное на всю Францію побѣдой народа, было огромно, и съ тѣхъ поръ каждый городъ сталъ революціоннымъ центромъ съ опредѣленной революціонной организаціей.

На два пункта слѣдуетъ указать въ этой старой, давно веѣмъ извѣстной исторіи паденія Бастиліи. Первый—это громадное значеніе народной „силы“, примененной въ удачно выбранный моментъ. Прежде могло бы показаться нелѣпымъ утвержденіе, что грубая, „недисциплинированная чернь“ могла взять крѣпость и парализовать усилія реакціи, обладающей регулярной арміей. На самомъ же дѣлѣ оказалось именно такъ.

Далѣе слѣдуетъ указать на ненадежность людей, принадлежащихъ къ производящему революцію классу и даже называющихъ себя его представителями, какъ скоро ихъ личный интересъ и положеніе оказываются связанными съ существующимъ порядкомъ. Флессель, принадлежавшій къ третьему сословію, главный его представитель въ Парижѣ, какъ оказалось, больше всѣхъ боялся ниспроверженія феодальной іерархіи. А почему? Потому что онъ составлялъ часть ея. „Третье сословіе“ включено было въ средневѣковую систему. Онъ былъ его представителемъ, какъ одного изъ феодальныхъ сословій. Правда, оно находилось въ подчиненномъ положеніи, но теперь, когда его значеніе стало возрастать, руководители его могли выиграть значительно больше, держась за хвостъ аристократіи и помогая ей противъ революціи, къ которой стремился весь средній классъ, нежели содѣйствуя осуществленію послѣдней, ибо тогда они потеряли бы свое личное привилегированное положеніе. Исторія повторяется. Современные трѣдъ-юніоны завоевали себѣ признаніе и покровительство со стороны средняго класса. Но вожди ихъ не обнаруживаютъ особеннаго стремленія къ пере-

мѣнамъ, которыя, освобождая и доставляя торжество представляемому ими классу, въ то же время отодвинули бы въ область прошлаго какъ трѣдъ-юніоны, такъ и кабинетъ министровъ и лордъ-мэровъ, запыривающихъ съ парламентскими представителями полѣднихъ. Нѣтъ, подобныя перенективы вовсе не улыбаются вождямъ трѣдъ-юніодовъ.

V.

Продавцы конституціи.

Конституція была въ полномъ ходу. Революція была официально признана.

Отступать было уже поздно. Фулонъ и Бертье, „два перворазрядныхъ администратора“ стараго режима, были публично повѣшены народомъ на фонарномъ столбѣ—à la lanterne. Первый рядъ революціонеровъ уже занялъ свои посты. Мирабо, Лафайетъ, Бальи были центральными фигурами учредительнаго собранія; Дюпоръ, Барнавъ, Ламетъ—его крайними элементами. Графъ Мирабо (1749—1796), одинъ изъ до-революціонныхъ писателей, являлся вождемъ умѣренной партіи въ собраніи. Громадное ораторское дарованіе дѣлало его полезнымъ союзникомъ и опаснымъ противникомъ. Дворъ не замедлилъ понять это, и Мирабо былъ скоро подкупленъ, чтобы не пропускать въ собраніи ни одного полезнаго для народа постановленія; тѣмъ не менѣе, на словахъ онъ продолжалъ горячо стоять за дѣло свободы и народа. Потерпѣвъ въ этомъ неудачу, популярный ораторъ не задумался прибѣгнуть къ заговору и интригамъ.

Маркизь Лафайетъ (1757—1834), приобрѣтшій извѣстность въ американской войнѣ за независимость, тоже аристократъ, усвоившій себѣ еще до революціи quasi-передовые взгляды и стремленія, популярныя тогда

среди его класса, былъ военнымъ представителемъ умѣренной партіи въ собраніи, въ качествѣ командира національной гвардіи, и вѣрнымъ пажемъ Мирабо. Бальи (1736—1793), избранный мэромъ Парижа черезъ день послѣ взятія Бастиліи, тоже старался внести больше умѣренности въ дѣйствія революціи. Что касается крайнихъ, то въ дѣйствительности они стояли лишь за самую умѣренную форму конституціонной монархіи. Положеніе партій ясно видно изъ того факта, что Барнавъ стоялъ за право короля временно пріостанавливать постановленія собранія. Мирабо горячо настаивалъ на безусловномъ veto. Надо замѣтить, что право налагать запрещеніе на вредныя мѣры было бы не одной только простой формальностью. Такимъ образомъ, даже самыя передовые парламентаристы того времени не шли дальше современной прусской конституціи. Тѣмъ не менѣе, обстоятельство уже рано заставило это робкое и сравнительно реакціонное собраніе прибѣгнуть къ энергичнымъ политическимъ мѣрамъ и, прежде всего,—въ знаменитую ночь 4 августа,—къ отмѣнѣ всѣхъ синьоральныхъ правъ и привилегій. Впослѣдствіи, когда собраніе перешло въ Парижъ, крики съ галлерей и трибунъ, занятыхъ передовыми революціонерами, оказывали несомнѣнное вліяніе на постановленія собранія. Члены его отлично знали, что жизнь ихъ въ рукахъ парижскаго населенія, а жизнь ихъ женъ, дѣтей, не говоря уже о собственности, въ рукахъ деревенскаго населенія.

Первымъ важнымъ постановленіемъ собранія послѣ взятія Бастиліи была декларація правъ челоуѣка, въ подражаніе американской, провозглашенной по окончаніи войны за независимость. Декларация правъ челоуѣка содержитъ рядъ параграфовъ, излагающихъ принципы политическаго равенства. Большая часть ихъ неопровержимы и даже элементарны; характеренъ параграфъ 17-й, категорически утверждающій абсолютную неприкосновенность частной собственности. Возникшій

вслѣдъ за тѣмъ вопросъ объ организаціи палаты представителей и ея отношеніяхъ къ королю не представляеть для насъ особеннаго интереса. Достаточно замѣтить, что, пока собраніе забавлялось спорами относительно „временнаго veto“ и „абсолютнаго veto“, дворъ, т. е. королева и ея приближенные въ Версаль, задумывали переселеніе короля въ Мецъ, гдѣ расквартированы были наемныя нѣмецкія войска и откуда легко было вступить въ сношенія съ эмигрировавшими изъ Франціи аристократами и реакціонными иностранными державами. Планъ заключался въ томъ, чтобы объявить Парижъ и Національное Собраніе мятежными и двинуться на нихъ съ войсками для возстановленія монархіи. Эти версальскія махинаціи интересны тѣмъ, что дали поводъ къ первой демонстраціи парижскаго пролетаріата во время революціи. Ближайшимъ толчкомъ къ этой демонстраціи послужилъ совѣтъ Марата, популярнаго журналиста, высказанный имъ за нѣсколько дней (въ газетѣ „Другъ Народа“) по поводу недостатка и дороговизны хлѣба.

Вспышка разразилась такимъ образомъ. Женщина грошла по улицамъ, ударяя въ барабанъ, съ крикомъ: „хлѣба, хлѣба!“ Скоро ее окружила большая толпа другихъ женщинъ, двинувшаяся къ думѣ съ требованіемъ хлѣба и оружія. Въ то же время поднялся крикъ: „Въ Версаль“, подхваченный всѣмъ парижскимъ населеніемъ съ характерной для него быстротой и стремительностью. Къ толпѣ присоединилась національная гвардія и французская гвардія съ такимъ единодушіемъ, что Лафайетъ послѣ нѣсколькихъ часовъ тщетныхъ переговоровъ принужденъ былъ стать во главѣ ея, такъ какъ она было двинулась въ путь безъ него.

Неожиданное появленіе толпы съ женщинами впереди и внушительной вооруженной силой въ арьергардѣ естественно повергло королеву и дворъ въ удивленіе и сматеніе. Лейбъ-гвардія тотчасъ же окружила дворецъ.

Женщины, впрочемъ, обнаружили миролюбивыя намѣренія и черезъ свою представительницу изложили передъ королемъ и Собраніемъ свои жалобы на голодъ и дороговизну хлѣба. Между тѣмъ, передъ дворцомъ, на дворѣ, переполненномъ толпой, произошла ссора, причѣмъ королевскій офицеръ ударилъ національнаго гвардейца. То было сигналомъ немедленнаго столкновенія между двумя вооруженными отрядами. Народъ и національные гвардейцы разсвирѣпли, и стычка кончилась бы болѣе значительнымъ кровопролитіемъ, если бы не наступила ночь и если бы королевскимъ солдатамъ не было отдано благоразумнаго приказанія прекратить стрѣльбу и отступить.

Суматоха мало-по-малу улеглась, толпы постепенно разсѣялись съ приближеніемъ ночи. Королевская семья разошлась спать въ два часа. Лафайетъ, всю ночь оставшійся на ногахъ, въ 5 часовъ утра рѣшилъ немного отдохнуть. Но напрасно. Часовъ около шести нѣкоторые изъ вчерашней толпы, не покидавшіе Версаля, оскорбили одного лейбъ-гвардейца, который выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ нихъ. Неусыпный „герой двухъ міровъ“ былъ скоро на мѣстѣ происшествія; онъ нашелъ значительные остатки вчерашней толпы, бѣшено рвавшіеся во дворецъ. Нападающіе скоро были разсѣяны, но тотчасъ же собрались снова, требуя короля. Король появился на балконѣ, обѣщая, въ отвѣтъ на требованіе народа, вернуться въ Парижъ вмѣстѣ съ семействомъ.

Королева, главная виновница всего происшествія, вскорѣ тоже появилась на балконѣ въ сопровожденіи утонченно-вѣжливаго Лафайета, съ глубокимъ почтеніемъ поцѣловавшаго руку женщины, задумывавшей избіеніе того самаго народа, предъ которымъ этотъ лицемѣрный шарлатанъ разсыпался въ выраженія преданности. Но униженіе парижанъ еще не кончилось. Лафайетъ ушелъ и скоро вернулся съ однимъ изъ зловредныхъ лейбъ-гвардейцевъ; приколотивъ къ груди его трехцвѣтную

кокарду, онъ обнялъ его. При всѣхъ этихъ комедіяхъ собравшаяся толпа разражалась одобрительными криками. Затѣмъ королевское семейство отбыло въ Парижъ, и Тюльери стало съ тѣхъ поръ его постоянной резиденціей.

VI.

Новая конституція.

Послѣ только что описанныхъ событій, относящихся къ 5 и 6 октября 1789 г., теченіе революціи на нѣкоторое время отличалось мирнымъ, парламентарнымъ характеромъ. Національное Собраніе, засѣдавшее до того времени въ Версалѣ, послѣдовало за дворомъ въ Парижъ. Переселеніе это какъ бы послужило сигналомъ для энергичной переборки феодальной системы со стороны этого столь умѣренного до той поры учрежденія. Главными верхами и бастионами, подвергшимися нападенію, были собственность и независимая организація церкви. Впрочемъ, предварительно Національное Собраніе возстановило карту Франціи, уничтоживъ старое дѣленіе на провинціи и замѣнивъ его существующимъ до сего времени дѣленіемъ на департаменты. Въ средніе вѣка провинціи фактически являлись какъ бы отдѣльными независимыми государствами. Раздѣленіемъ на департаменты все королевство подчинялось одной центральной администраціи и влекло за собой полное преобразование судебной системы. Было образованно 83 департамента, раздѣленныхъ на округа, дѣлившіеся на кантоны. Департаментъ имѣлъ свой административный совѣтъ и исполнительное правленіе, кантонъ же былъ лишь избирательной единицей. Коммуна, или городъ, управлялся генеральнымъ совѣтомъ и муниципалитетомъ, подчиненнымъ департаментскому совѣту. Выборы всѣ были не прямые, и все здѣсь было какъ бы нарочно устроено

съ такимъ расчетомъ, чтобы устранить рабочій классъ и крестьянство отъ вліянія на законодательство.

Объявленіе церковныхъ земель и вообще церковныхъ имуществъ національной собственностью было ускорено въ виду жалкаго состоянія казначейства. Некеръ придумывалъ всевозможные планы, чтобы выпутаться изъ бѣды, но неудачно, когда, наконецъ, предложенъ былъ указанный проектъ, какъ единственное средство, хотя временно удовлетворяющее требованіямъ положенія. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ не представляется возможнымъ подробно описать всѣ послѣдовательныя стадіи, черезъ которыя проектъ прошелъ въ Національномъ Собраніи. Декретъ объ обращеніи церковныхъ имуществъ въ національную собственность былъ изданъ 2 декабря, и съ того момента духовенство, какъ корпорація, стало заклятымъ врагомъ новаго режима. Началь духовенство, повидимому, болѣе тѣмъ дворянство было склонно на уступки въ надеждѣ удержать за собой свои владѣнія, но теперь, когда жребій былъ брошенъ, оно стало неумолимо. Трудности, сопряженныя съ продажей церковной собственности, были однако велики, и въ виду настоятельныхъ нуждъ казны невозможно было ожидать ея реализаціи. Отсюда явилась необходимость въ выпускѣ ассигнацій, бумажекъ съ принудительнымъ обращеніемъ, обезпеченныхъ цѣнностью экспропрированной земли. Подобная мѣра сводилась къ примѣненію бумажной денежной системы въ обширныхъ размѣрахъ и грозила неминуемо финансовымъ крахомъ.

Мѣропріятія эти были очень интересны и указывали на похвальное стремленіе къ дѣятельности со стороны собранія; но они мало касались толпы, которую можно было видѣть ежедневно у булочныхъ и которая то и дѣло подымала уличные бунты. Рабочіе Парижа ходили въ Версалъ просить просто хлѣба, а Лафайетъ далъ имъ королевскую семью. Всякій дальнѣйшій ропотъ, вѣчно, надо было подавлять энергичными мѣрами. Сообразно

съ этимъ изданъ былъ военный законъ и муниципалитету предоставлено право силой разгонять всякое скопление народа послѣ однократнаго приглашенія разойтись. Лафайетъ ждалъ только случая, чтобы примѣнить на дѣлѣ это постановленіе. Но случай пока не представился.

Клубы теперь начали играть руководящую роль во влияніи на общественное мнѣніе. Главными изъ нихъ были клубъ якобинцевъ и клубъ кордильеровъ. Потомъ былъ основанъ Лафайетомъ третій клубъ — фельянтинцевъ, представителей „конституціонныхъ принциповъ“. Якобинскій клубъ, предназначенный стать впоследствии какъ бы великимъ неофициальнымъ воплощеніемъ революціи, мало могъ насчитать своихъ приверженцевъ въ Национальномъ Собраніи, хотя Барнавъ и Ламетъ были его членами; случайное покровительство оказывали ему и нѣкоторые „созидатели конституцій“, вмѣстѣ съ самимъ Мирабо. Среди якобинцевъ выдѣлялась одна трупобразная фигура, всегда безукоризненно одѣтая, произносившая не менѣе безукоризненно подготовленные рѣчи. То былъ одинъ изъ депутатовъ, Максимиліанъ Робеспьеръ, адвокатъ по профессіи, уроженецъ Арраса.

Клубъ кордильеровъ состоялъ изъ передовой кучки якобинцевъ. Среди его постоянныхъ посѣтителей можно было замѣтить стройнаго и дюжаго землевладѣльца Дантона и короткаго, коренастаго, съ рѣзкими чертами лица журналиста Марата. Но пока еще клубъ и ихъ ораторы оказывали лишь самое отдаленное и косвенное влияніе на ходъ событій, хотя они и энергично обсуждали всякіе возникавшіе вопросы.

Тѣмъ временемъ, несмотря на случайныя смуты и опасенія, что король готовится къ бѣгству, дѣло сравнительно гладко подвигалось впередъ къ завершеціи конституціи, къ установленію политическаго господства средняго класса.

Шли приготовленія къ торжественному празднованію

годовщины паденія Бастиліи. Поэтому поводу засѣданіе Национальнаго Собранія должно было состояться на Марсовомъ полѣ. „Передовые“ изъ дворянства, чтобы не отстать въ патриотизмъ, предложили ради національнаго праздника уничтожить титулы, гербы и прочія эмблемы феодалныхъ привилегій. Предложеніе это съ энтузіазмомъ было принято Собраніемъ. Конечно, оно возбудило живѣйшее негодованіе среди остальной знати и содѣйствовало дальнѣйшему развитію организовавшагося движенія эмиграціи аристократовъ.

14 іюля 1790 года, несмотря на дурную погоду, населеніе Парижа хлынуло со всѣхъ концовъ въ праздничныхъ костюмахъ, среди развѣвающихся трехцвѣтныхъ знаменъ, къ Марсову полю, гдѣ въ центрѣ искусственнаго амфитеатра былъ воздвигнутъ гигантскій алтарь. Королевское семейство, Национальное Собраніе и муниципалитетъ сгруппировались вокругъ него, и популярный епископъ Талейранъ (впоследствии знаменитый дипломатъ и острякъ) въ полномъ епископскомъ облаченіи совершилъ передъ ними богослуженіе. Лафайетъ первый подошелъ къ алтарю и отъ имени національной гвардіи всего королевства принесъ торжественную присягу въ вѣрности „націи, закону и королю“. Салюты артиллеріи и громкіе крики: „да здравствуетъ нація!“, „да здравствуетъ король!“ сопровождали эту клятву. Ту же присягу принесли затѣмъ президентъ Национальнаго Собранія, депутаты, департаментскіе совѣты и пр. Но самымъ торжественнымъ моментомъ былъ тотъ, когда самъ Людовикъ XVI, король Франціи, приблизившись къ алтарю, далъ клятву хранить конституцію, данную Национальнымъ Собраніемъ. Эта часть церемоніи, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, закончилась появленіемъ королевы съ дофиномъ на рукахъ, къ великому восторгу и восхищенію собравшейся толпы, прѣдѣствовавшей ее долгими кликами. День прошелъ среди радостныхъ восклицаній и выраженій благодарности.

Таково было объявление первой французской конституции. Несмотря, однако, на новую и блестящую свободу, толпы голодных парижан продолжали ежедневно тесниться у булочных и уходили оттуда ни с чемъ.

VII.

„Конституція“ при смерти.

Всѣ государственные чиновники, военные и гражданскіе, а также духовенство должны были принести теперь присягу новому порядку вещей. Это повело къ возмущенію со стороны большинства дворянъ и духовенства, негодованіе которыхъ дошло до высшаго предѣла вследствие утраты ими своихъ привилегій и доходовъ. Офицеры-аристократы массами стали покидать армию и страну, чтобы присоединиться къ своимъ собратьямъ за границей. Другіе, какъ, напр. Булье, подчинились, въ расчетѣ воспользоваться арміей для контръ-революціи. Въ то время офицерство состояло почти исключительно изъ аристократовъ, и это подавало поводъ къ многочисленнымъ вспышкамъ и возстаніямъ. Бунтъ трехъ полковъ въ городѣ Нанси былъ устроенъ Булье лишь послѣ большого кровопролитія. Большая часть духовенства отказалась какъ дать присягу, такъ и покинуть свои помѣстья добровольно, при чемъ находила себѣ поддержку со стороны громаднаго большинства епископовъ, съ папой во главѣ. Они заявили, что новая конституція, подчинивъ духовную власть свѣтской, ведетъ къ захвату привилегій духовенства; папа отказался посвятить новыхъ епископовъ вмѣсто старыхъ, удаленныхъ за неуступчивость, и не признавалъ избранія всѣхъ новыхъ духовныхъ, сдѣланнаго согласно новой конституціи. Между тѣмъ, удаленіе непримиримыхъ священниковъ продолжалось, и ихъ преемники посвящались епископами отенскимъ и ладскимъ, безпрекословно при-

нявшими конституцію. Противоположная же партія стала отлучать отъ церкви всѣхъ признававшихся „самозванцевъ“, какъ она ихъ называла. Такъ началась междоусобная война церкви и революціи. Духовенство само подготовило народный умъ къ воспріятію и усвоенію ученій писателей - предтечь революціи, которая до того времени являлись, главнымъ образомъ, достоинствомъ не занятыхъ и образованныхъ классовъ, приведя народъ къ логической дилеммѣ—дружественное отношеніе къ революціи и враждебное къ христіанству, или обратно.

Что касается аристократовъ „эмигрантовъ“, то ихъ цѣлью было возбудить ненависть иностранныхъ державъ къ революціи и сплотить ихъ въ коалицію для насильственного неиспроверженія ея путемъ вторженія извнѣ. Почти три года эти интриги съ „иностранцами“ велись при полномъ потворствѣ со стороны королевскаго двора, пока, наконецъ, паденіе монархіи не привело къ „борьбѣ на ножахъ“ съ державами, извѣстной подъ названіемъ „революціонной войны“.

Для пониманія положенія дѣлъ надо вспомнить, что со времени паденія феодализма, какъ живого политическаго строя, съ его ссорами между королемъ и его болѣе или менѣе номинально вассальными баронами, власть все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ короля; въ то же время національности вполне точно опредѣлились и обособились. Въ результатѣ этого внутренняя политика, преобладавшая въ феодальный періодъ, начиная съ XVI вѣка, стала уступать мѣсто политикѣ внѣшней, при которой монархи Европы, переставъ бояться соперничества и притязаній дворянства въ области ихъ юрисдикціи, нашли поводы для столкновеній со своими же собратьями-монархами, обыкновенно—въ цѣляхъ пріобрѣсти новыя владѣнія. Наконецъ, французская революція для материка открываетъ собою новый періодъ въ борьбѣ монарховъ, борьбѣ не съ дворянствомъ внутри страны и не другъ съ другомъ, но съ народомъ, т. е.

со средними классами, за спиной которых стоял пролетариат. Борьба эта началась в Англии лет за сто раньше, чем на материке, но, в действительности, снова стихла с революцией 1689 года.

Главными европейскими державами были в это время Англия, Франция и Австрия. Пруссия еще только находилась в период развития, а большая Московская империя была где-то на заднем плане. Владения мелких германских князей могли стать на ту или другую сторону, сообразно с обстоятельствами.

Когда со смертью Мирабо в апреле 1791 года исчезла всякая надежда на успешный удар в пользу роялизма в учредительном собрании, королевский двор с усиленной энергией обратил все свое внимание на заговор в войсках. С другой стороны, король чувствовал некоторую неловкость при мысли, что он будет восстановлен в своей власти исключительно при помощи чужеземных штыков, а в особенности потому, что главарем всего движения был его двоюродный брат граф д'Артуа, который, в случае удачи, мог получить больше чем следует влияния во вновь восстановленном королевстве. Эти соображения заставили королевский двор сочувственно отнестись к предложению генерала Булье, план которого состоял в том, чтобы покончить с революцией при помощи войск, уже находившихся на службе у короля. Армию предполагалось двинуть к границе, королевское семейство должно было ускользнуть под ее прикрытием, после чего учредительному собранию должна была быть объявлена война и войска должны были пойти на столицу. План этот почти безпрепятственно подвигался к своему осуществлению, вплоть до бегства короля, 21 июня 1791 года. Булье с армией был уже наготове и ждал короля, но бедный Людовик был случайно узнал в Варенне и пленником был возвращен в Париж. Народное негодование было безгранично. Короля ввели

в Париж среди мрачной и свирепо настроенной толпы народа. В первый раз за все это время стали серьезно поговаривать о республике. Барнав и Ламет стали в учредительном собрании вождями конституционной партии. Но с трудом конституционастам удалось восстановить короля после его добровольного и предательского отречения. Они достигли успеха лишь тогда, когда согласились поставить условием, что если король снимет с себя присягу, данную конституции, если он станет во главе армии или позволит другим сделать это, то он лишится своей неприкосновенности и должен быть разсматриваем, как простой гражданин.

Но общественное мнение за стенами учредительного собрания далеко не было удовлетворено таким выходом дела. Вожди якобинского клуба (ставшего теперь центром федерации подобных же клубов по всей стране), среди которых находились такие люди, как Бриссо, Петюнь, Ребесьер, Дантон, Марат и др., т.е. передовые представители среднего класса и люди народа, задумали восстановить нацию против упомянутого постановления учредительного собрания, настаивая на отречении Людовика и отвергая по этому вопросу компетентность собрания. Они составили петицию, в которой от собрания апеллировали к народу. Эта петиция была отнесена на Марсово поле и возложена на алтарь отечества. Тысячи явились подписывать ее; толпа, разогнанная Лафайетом, вернулась еще в большем количестве, чем прежде. Тогда явился командир национальной гвардии в сопровождении мэра Вальи. Был развернут красный флаг, служивший тогда символом военного закона, потребовали от толпы, чтобы та разошлась, а когда это не было исполнено, Лафайет отдал приказ стрелять. Последовал страшный залп. Сотни были убиты и ранены. Но, несмотря на то, что республиканцы были на время усмирены, предательский двор и его соумышленники по выработке конституции

скоро почти сошли со сцены, хотя предварительно была предъявлена съ начала старая комедія. Король еще разъ призналъ конституцію и новыя, добавочныя условия своего возстановленія въ королевской власти, произнесъ трогательную рѣчь къ собранію, былъ принятъ съ выраженіями чувства привязанности и любви и т. д. Затѣмъ учредительное собраніе, выросшее, какъ извѣстно, изъ упомянутыхъ выше генеральныхъ штатовъ, формально объявило себя распущеннымъ, и члены его великодушно отказались отъ права переизбранія.

VIII.

Законодательное собраніе.

Новое, законодательное, собраніе, названное такъ въ отличіе отъ перваго учредительнаго собранія, начало свои засѣданія 1 октября 1791 года. Извнѣ европейская коалиція противъ революціи уже сплотилась. Англія соединилась съ Пруссіей и Австріей, а маленькія германскія государства присоединились къ нимъ, чтобы подавить французскую націю. Знаменитый договоръ въ Тильницѣ являлся выраженіемъ рѣшимости въ настроеніи всѣхъ державъ, крупныхъ и мелкихъ.

Внутри страны зданіе конституціонной монархіи было воздвигнуто, но стояло, по выраженію Карлейля, подобно перевернутой пирамидѣ, готовой каждую минуту опрокинуться снова. Сразу же между королемъ и собраніемъ начались недоразумѣнія по вопросу о взаимномъ этикетѣ; впрочемъ, тронная рѣчь была принята хорошо.

Господствующей партіей въ собраніи были жирондисты, партія компромисса, являвшаяся какъ бы буферомъ между собственно конституціоналистами, бывшими въ это время въ меньшинствѣ, и народной республиканской партіей, вождя которой въ клубахъ—Робеспьеръ, Дантонъ, Марать и др.—съ каждымъ днемъ приобретали

все большее и большее вліяніе. Почти первымъ актомъ новаго собранія было изданіе декрета съ требованіемъ къ эмигрантамъ возвратиться подъ угрозой смерти и конфискаціи имущества. На этотъ декретъ король наложилъ свое запрещеніе (veto). Та же участь постигла другой декретъ собранія, по которому священники, отказавшіеся присягнуть конституціи, должны были потерять свое жалованье и быть отданы подъ надзоръ. Эти дѣйствія короля въ виду грозившаго вторженія иностранныхъ державъ и крестьянскаго возстанія въ Вандеѣ въ пользу королевской власти (имъ руководило духовенство), оказались роковыми какъ для самого короля, такъ и для поддерживавшихъ его конституціоналистовъ.

Конституціонное министерство пало, и его мѣсто заняло жирондистское, съ Роланомъ, однимъ изъ главныхъ вождей жиронды и мужемъ знаменитой г-жи Роланъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и Дюмурье— въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Новое министерство сразу же рѣшило взять быка за рога и объявило войну Австріи; мѣра эта была популярна по различнымъ причинамъ и была одобрена даже королевскимъ дворомъ, разсчитывавшемъ на пораженіе французскихъ войскъ и на вторженіе иностранцевъ. Объявленіе войны состоялось 20 апрѣля 1792 года. Три колонны войскъ направились къ границѣ, но планъ наступательной кампаніи потерпѣлъ фiasco, такъ какъ при приближеніи неприятеля войска схватила паника.

Съ этого момента французы стали придерживаться оборонительной тактики. Таково было начало революціонной войны. Извѣстія о пораженіи вызвали противъ жирондистовъ жестокіе упреки со стороны народной партіи. Жирондисты, съ своей стороны, сваливали вину на конституціоналистовъ и ихъ вождей, Лафайета, Диллона и др., а командиры войскъ обвиняли Дюмурье. Якобинцы открыто бросали въ лицо умѣренныхъ партій обвиненіе въ измѣнѣ и потворствѣ правительству. Подо-

зрительность и взаимное недоверіе стали всеобщими. Тутъ-то Марать выпустилъ свою знаменитую афишу съ требованіемъ головъ измѣнниковъ. Между тѣмъ, чтобы успокоить народъ, министерство устроило постоянный военный лагерь въ 20.000 человекъ въ окрестностяхъ Парижа, несмотря на сильное сопротивленіе конституціоналистовъ, и согласилось на введеніе въ составъ новой національной гвардіи смѣшанныхъ отрядовъ, вооруженныхъ никами—оружіемъ, игравшимъ столь важную роль въ ранній періодъ революціи. Законодательное собраніе, объявившее свои засѣданія непрерывными, присоединило къ этимъ постановленіямъ приказъ объ уничтоженіи королевской лейбъ-гвардіи. Этотъ послѣдній декретъ Людовикъ также отказался утвердить, а когда Роланъ сталъ возражать ему, распустилъ все жирондистское министерство, назначивъ на его мѣсто какихъ-то неизвѣстныхъ членовъ конституціонной партіи. Въ то же время онъ тайно отыравалъ посла для переговоровъ съ коалиціей относительно своего „освобожденія“.

Жирондисты, видя, что остались не при чемъ, присоединились къ якобинцамъ, составлявшимъ теперь передовой отрядъ революціи, при чемъ ихъ организація быстро стала соперницей законодательному собранію; такимъ образомъ жирондисты могли играть роль мучениковъ за дѣло свободы. Послѣдней надеждой для партіи, оставшейся у власти, т.-е. для потерявшихъ всякое вліяніе конституціоналистовъ, была армія Лафайета. Лафайетъ, видя положеніе дѣлъ, поставилъ послѣднюю карту и выпустилъ манифестъ съ открытымъ вызовомъ и угрозой по адресу якобинцевъ. Со стороны якобинцевъ отвѣтомъ на это было возстаніе 20 іюля 1792 года, когда сборище тысячъ въ 8 изъ пригорода С. - Дени двинулось къ законодательному собранію. Ораторъ отъ толпы говорилъ въ угрожающихъ выраженіяхъ, заявляя, что народъ готовъ употребить все свои силы, чтобы воспротивиться угнетенію. Онъ указалъ далѣе,

что по поводу введенія войны слышались очень серьезные обвиненія и что народъ требуетъ разслѣдованія. Но самый тяжелый упрекъ относится къ удаленію министровъ-патріотовъ. Законодательное собраніе отвѣтило на это, что указанія народа будутъ подвергнуты разсмотрѣнію, а пока, какъ обыкновенно, потребовало отъ толпы „уваженія къ закону“. Тѣмъ временемъ толпа достигла численности до 30 тысячъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей; среди нея видно было много національныхъ гвардейцевъ; всюду сверкали пикки, мелькали флаги и революціонныя эмблемы. Все это сборище хлынуло въ священные залы собранія съ пѣніемъ: „Дѣло пойдетъ на ладъ!“ (ça ira) и криками: „Да здравствуетъ народъ! Да здравствуютъ санкюлоты (бѣднота)!“. При выходѣ изъ собранія раздались крики: „Въ Тюльерійскій дворецъ!“ Тамъ толпа проникла черезъ открытыя ворота въ комнаты и корридоры и собралась уже разнести закрытыя двери, когда появился самъ Людовикъ въ сопровожденіи лишь немногихъ приближенныхъ. Такъ какъ толпа продолжала напирать, то онъ занялъ мѣсто въ углубленіи окна. Здѣсь онъ оставался все время, сидя на креслѣ, поставленномъ на столѣ, и охраняемый отъ напора толпы рядомъ національныхъ гвардейцевъ. На крики народа съ требованіемъ утвердить декреты онъ отвѣтилъ (по усѣреніямъ нѣкоторыхъ историковъ): „Нельзя просить этого у меня такимъ образомъ, и не время теперь мнѣ соглашаться на это“. Послѣдствія отказа могли бы оказаться для него очень неприятными, если-бы у него не нашлось достаточно присутствія духа, чтобы воспользоваться однимъ случайно происшедшимъ при этомъ обстоятельствомъ. Кто-то изъ толпы поднесъ королю на концѣ пикки красный фригійскій колпакъ, символъ народа и свободы. Людовикъ, взявъ его и надѣвъ на голову, а затѣмъ при громовыхъ одобреніяхъ выпилъ вина изъ предложеннаго ему стакана. Наконецъ, явился съ нѣсколькими крупными жирондистскими депутатами Петіонъ, мэръ Парижа, и убѣдилъ толпу спокойно разойтись.

Такъ наивный парижскій народъ еще разъ былъ одуроченъ безсмысленной и шутовскою комедіей. Но это было уже въ послѣдній разъ. Конституціоналисты были вынуждены себя отъ оскорбленія, нанесеннаго особѣ короля и закону. Лафайетъ оставилъ армию и внезапно появился у рѣшетки законодательнаго собранія, требуя наказанія и ареста зачинщиковъ движенія 20 іюля и закрытія народныхъ клубовъ. Но тѣмъ временемъ якобинцы одержали верхъ и могли принять вызовъ этого защитника законнаго порядка, какъ его представлялъ себѣ средній классъ. Лафайетъ едва избѣжалъ ареста за оставленіе армии и съ позоромъ долженъ былъ удалиться. Всѣ силы народа были на сторонѣ жирондистовъ и якобинцевъ. Дѣло быстро приближалось къ кризису.

IX.

Десятое августа.

Вскорѣ послѣ описаннаго событія законодательное собраніе, въ виду очевиднаго соглашенія королевскаго двора съ непріятелемъ, сочло себя вынужденнымъ торжественно объявить страну въ опасности. Всѣ граждане, способные носить оружіе, призывались вступить въ національную гвардію, мобилизованную, какъ въ военное время.

14 іюля, въ годовщину взятія Бастиліи, героемъ дня сталъ мэръ Петіонъ. „Петіонъ или смерть!“, таковъ былъ лозунгъ. Всѣ батальоны національной гвардіи, выказывавшіе приверженность къ конституціонализму—стѣлались предметомъ народнаго раздраженія. Ненависть къ сторонникамъ конституціи росла со дня на день. Наконецъ, народная партія добилась распуцненія полковъ гренадеровъ и стрѣлковъ, составлявшихъ главную поддержку официального средняго класса въ національной гвардіи, а также закрытія клуба фельяновъ, гдѣ скопились сторонники конституціи.

Дальнѣйшія событія содѣйствовали дѣлу народа. 25 іюля герцогъ Брауншвейгскій издалъ манифестъ отъ имени императора и короля Пруссіи, въ которомъ заявлялъ, что союзные монархи взяли за оружіе, чтобы положить конецъ анархіи во Франціи, и угрожалъ полнымъ разрушеніемъ всѣмъ городамъ, которые осмѣлятся сопротивляться, а членамъ самого учредительнаго собранія—всей строгостью военныхъ законовъ и т. д. Коалиція, состоявшая тогда изъ Пруссіи, Австріи, германскихъ княжествъ и Туринскаго герцогства, выработала планъ кампаніи, заключавшійся въ томъ, чтобы пойти на Парижъ изъ трехъ различныхъ пунктовъ—съ Мозеля, Рейна и изъ Нидерландовъ.

Знаменитый манифестъ былъ выпущенъ въ день выступленія рейнской армии изъ Кобленца. На слѣдующій день, 26 іюля, страдъ въ 600 марсельцевъ, приглашенный жирондистомъ Барбару, который былъ родомъ изъ Марсеа, вступилъ демонстративно въ Парижъ по пути къ своему лагерю въ Суассонъ; отрядъ этотъ сталъ знаменитъ благодаря гимну, который онъ пѣлъ во время своего похода; безсмертныя слова:

Идемъ, отцизны дѣти,
День славы наступилъ...

впервые раздались тогда на улицахъ Парижа. Прибытіе марсельцевъ, хотя и не имѣло, какъ предполагали, своимъ резульатомъ непосредственной вспышки парижскаго населенія, тѣмъ не менѣе привело въ движеніе весь Парижъ до самаго его основанія. Секціи или кварталы, на которые былъ раздѣленъ городъ, съ каждымъ днемъ все настойчивѣе требовали низложенія короля. Городекимъ управленіемъ и секціями была составлена въ этомъ духѣ петиція, представленная 3 августа законодательному собранію Петіономъ. Затѣмъ 8 числа было потребовано осужденіе Лафайета, но послѣ горячихъ споровъ было отвергнуто значительнымъ большинствомъ.

Это оправданіе Лафайета, на котораго народъ смотрѣлъ какъ на воплощеніе измѣны и реакціи, лишило законодательное собраніе послѣднихъ слѣдовъ народнаго довѣрія.

На слѣдующій день одна изъ секцій заявила черезъ своихъ делегатовъ законодательному собранію, что если декретъ о низложеніи короля не будетъ изданъ до наступленія ночи, то ночью они ударятъ въ набатъ, забьютъ въ барабаны и открыто провозгласятъ возстаніе; это рѣшеніе передано было 48 секціямъ Парижа и принято было всѣми, за исключеніемъ одной. Законодательное собраніе не сдѣлало этого, и въ ту же ночь якобинцы двинулись толпой въ предмѣстье С.-Антуанъ и здѣсь стали готовить нападеніе на Тюльери, которое должно было состояться на слѣдующій день.

На этомъ собраніи были рѣшены мѣры коренной важности для дальнѣйшаго хода революціи; между прочимъ — отставка жирондистскаго мера Петіона, который сталъ уже внушать глубокое недовѣріе, уничтоженіе департаментскихъ собраній и замѣна стараго муниципальнаго совѣта революціонной коммуной.

Въ полночь забили въ набатъ, раздались звуки барабана, секціи собрались, и вновь избранная коммуна заняла зданіе городской думы (Hôtel de Ville). Съ другой стороны, „лояльные“ батальоны національной гвардіи направились ко дворцу, уже переполненному наемной швейцарской гвардіей, придворными (chevalier de Cour), а законодательное собраніе послѣшно собралось на засѣданіе. При извѣстіи, что Петіонъ задержанъ въ Тюльери, собраніе приказало немедленно выпустить его и возстановить въ должности. Но прежде, чѣмъ появиться въ думѣ, онъ, по приказанію коммуны, былъ отданъ подъ стражу трехсотъ человекъ. Бѣдный Петіонъ, такимъ образомъ, оказался между двухъ огней. Затѣмъ коммуна послала за Мандатомъ, командиромъ національной гвардіи, находившемся въ Тюльери вмѣстѣ съ двумя

указанными выше королевскими батальонами. Мандатъ, не знавшій объ учрежденіи новой коммуны, неосторожно послушался приказа, но, войдя въ залъ думы и увидѣвъ вмѣсто прежнихъ городскихъ совѣтниковъ новыя лица, сильно поблѣднѣлъ. Ему было предъявлено обвиненіе въ томъ, что онъ приказалъ войскамъ защищать дворецъ противъ верховной власти народа; затѣмъ его приказали арестовать и отвести въ тюрьму аббатства, но по дорогѣ туда, на лѣстницѣ думы, онъ былъ убитъ. Главнокомандующимъ національной гвардіей вмѣсто него былъ назначенъ Сантерръ.

Тѣмъ временемъ не мало національныхъ гвардейцевъ, несмотря на свое лояльное отношеніе къ „конституціи“, пришли въ колебаніе, видя себя на одной доскѣ съ авантюристами-аристократами, — завзятыми противниками революціи во всѣхъ ея видахъ и формахъ, — и съ наемными иностранными солдатами. Съ уходомъ начальниковъ среди гвардейцевъ началась разногласія, что бросилось въ глаза Людовику, когда онъ явился дѣлать имъ смотръ, потому что крикъ: „Да здравствуетъ король!“ былъ поддержанъ немногими, а крикъ: „Да здравствуетъ нація!“ — большинствомъ. Но еще болѣе зловѣщимъ признакомъ было прибытіе двухъ новыхъ батальоновъ, вооруженныхъ пиками и ружьями, которые, привѣтствуя короля возгласами: „Да здравствуетъ нація!“ „Долой запрещеніе (veto)!“ „Долой измѣнника!“ заняли позицію у Королевскаго моста и направили привезенную пушку прямо на дворецъ. Очевидно, „лояльность“ этихъ батальоновъ представляла изъ себя величину болѣе чѣмъ сомнительную. Было раннее утро, и инсургенты нѣсколькими колоннами наступали съ разныхъ сторонъ. Федереръ, генеральный прокуроръ, встрѣтилъ ихъ, когда они направлялись ко дворцу, и сталъ убѣждать послать децугацію королю. Вначалѣ на это никто не согласился. Тогда онъ обратился къ національной гвардіи и громко прочелъ статьи закона, обязывав-

п'я ее подавлять возстаніе. Но откликъ на это былъ столь слабъ, что онъ послѣдно отправился назадъ въ Тюльери, чтобы поторопить королевскую семью покинуть дворецъ и отдать себя подъ покровительство о законодательнаго собранія, занявъ мѣсто среди него. Марія Антуанета мелодраматическимъ тономъ отвергла этотъ совѣтъ; она говорила очень возвышенно „о пригвожденіи къ стѣнамъ дворца“ и подала Людовику pistolеть со словами: „Ваше величество, теперь для васъ насталъ моментъ показать свое мужество“. Прокуроръ, очевидно, былъ того мнѣнія, что теперь не время для драматическихъ сценъ, и сталъ послѣдно возражать. Людовикъ самъ, повидимому, раздѣляя его мнѣніе или не былъ склоненъ въ этотъ моментъ показывать свое мужество и рѣшилъ идти въ законодательное собраніе. Марія Антуанета послѣдовала за нимъ съ дѣтьми, и драматическое „положеніе“ окончилось ничѣмъ.

Между тѣмъ, пессуренты окружили дворецъ, защита котораго была поручена швейцарской гвардіи; несмотря на храбрую борьбу, достойную лучшаго дѣла, швейцарцы, въ концѣ концовъ, были сломлены превосходящей ихъ численностью толпой и истреблены. Когда дворецъ былъ взятъ, всюду разнеслись побѣдные клики. Законодательное собраніе трепетало, ожидая съ минуты на минуту, что толпа ворвется въ залъ. Напрасно выпустило оно прокламацію, убѣждая народъ уважать власти, законъ и правосудіе; наконецъ, явилась новая коммуна, требуя признанія своихъ полномочій, низложенія короля и созванія національнаго конвента на основаніи всеобщаго голосованія. Депутація за депутаціей являлись въ собраніе все съ тѣми же просьбами, или, вѣрнѣе, съ тѣми же рѣшительными требованіями. Собраніе, перепуганное, по предложенію жирондиста Верньо провело резолюцію, согласную съ предъявленными требованіями, т. е. о предварительномъ отрѣшеніи короля отъ власти, о распущеніи конституціоннаго

министерства и о созывѣ національнаго конвента. Людовикъ, въ теченіе трехъ дней оставшійся подъ охраной собранія, былъ переданъ затѣмъ коммунаѣ, по приказанію которой былъ отвезенъ въ Тамплъ въ качествѣ государственнаго плѣнника. Такъ кончилось 10 августа 1792 г. Съ этого момента острая борьба завязывается уже не между среднимъ классомъ и королемъ съ дворянствомъ, но между среднимъ классомъ и пролетариатомъ.

X.

Первая парижская коммуна и сентябрьскія убійства.

Съ десятымъ августа и низверженіемъ монархіи первая часть французской революціи можетъ считаться законченной. Возстаніе собственно средняго сословія сдѣлало свое дѣло. Важное значеніе этой работы во многихъ отношеніяхъ едва ли можетъ быть переоцѣнено. Короче говоря, оно уничтожило не феодализмъ въ истинномъ значеніи этого слова—потому что онъ давно уже пересталъ существовать,—но гнилые пережитки феодализма и монархическій деспотизмъ, оставшіе послѣ него. Начало 1789 г. застало Францію раздѣленной на провинціи, представлявшія каждая во многихъ отношеніяхъ независимое государство, съ самостоятельными пошлинами и таможенными сборами, отдѣльными законами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ самостоятельнымъ правомъ отправленія правосудія. Конецъ же 1789 г., а еще больше 92 г. увидѣлъ ее, къ добру или къ худу, единой націей. Власть духовенства и дворянства была сломлена окончательно. Пытки при слѣдствіяхъ и колесованіе канули въ вѣчность. Г-жа Роланъ описывала замирающіе крики жертвъ „правосудія“, измученныхъ колесованіемъ, которыя выставлялись на рыночныхъ площадяхъ до тѣхъ поръ, „пока было угодно Богу продлить ихъ жизнь“.

Все это было уничтожено, и, кроме того, имущества духовенства и аристократов-эмигрантов были отобраны в казну. Неразрешенным только оставался вопрос, кто воспользуется этим драгоценным наследством — „национализованной“ землей, домами и движимым имуществом непокорных первого и второго сословий?

Чтобы не прерывать хода рассказа, об этом мы поговорим позже, в отдельной главе.

Теперь мы приближаемся к тому, что можно назвать сильной волной прибое революции. В это время она смыла собой все, но отхлынула так же быстро, как и поднялась. Период власти пролетариата длился с 10 августа 1792 г. по 27 июня 1794 г., т. е. почти два года. Политическая революция внезапно превратилась в революцию, главной целью которой сделалось социальное и экономическое равенство, в отличие от политического; и столь же внезапно она исчезла. Успехи и неудачи этого движения мы отметим в последующих главах.

Новое революционное городское управление, или парижская коммуна, являлось в настоящий момент самой сильной политической властью во Франции. Она предписывала действия даже законодательному собранию. Было предложено учреждение особого чрезвычайного трибунала (судилища). Собрание колебалось сослаться на это, но получило от коммуны заявление, что если такой трибунал не будет немедленно учрежден, то на следующую ночь будет повсюду организовано возстание. Собрание уступило давлению, и был образован трибунал, осудивший немногих лиц, но векорь сам упрямый коммуной, как непригодный. Во главе коммуны стояли Марать, Панись, Колло д'Эрбуа, Вильо-Варенъ, Толлиень и др., но наиболее крупную роль играл Дантонъ, неутомимо организовавший секции (так назывались участки и кварталы Парижа) и приобретший почти диктаторское влияние благодаря тому, что был главным действующим лицом в событиях 10 августа.

Тем временем прусская армия перешла границу; французские войска, стоявшие у Седана, покинутые Лафайетомъ, были дезорганизованы и лишены командира. 24 августа сдалась крепость Лонгви, а 30-го неприятель стал бомбардировать городъ Верденъ. Черезъ несколько дней дорога в Парижъ была бы открыта передъ нимъ. При этихъ известияхъ в столицѣ царило угнетенное настроеніе духа и смятеніе. Въ соединенномъ засѣданіи министерства и недавно избраннаго комитета общей обороны Дантонъ смѣло настаивалъ, въ противобѣсъ политикѣ ожиданія и политикѣ открытаго нападенія на неприятелей, на политикѣ терроризма, въ цѣляхъ сначала напугать реакціонное населеніе Парижа, а черезъ него и всей страны. „10-ое августа, — сказалъ онъ, — раздѣлило Францію на двѣ партіи. Последняя, составляющая — вѣчего этого скрывать — лишь меньшинство, представляется единственной, на которую вы можете положиться, если дѣло дойдетъ до боя“.

Робкое и нерѣшительное министерство колебалось; Дантонъ обратился къ коммунѣ, и его проектъ былъ принятъ. Въ самомъ дѣлѣ, меньшинству приходилось бороться съ большинствомъ. Ночью были произведены обыски, и была арестована такая масса подозрительныхъ лицъ, что тюрьмы оказались переполненными. Громадное число гражданъ было собрано на Марсовомъ полѣ и 1-го сентября отправлено въ армию. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, въ два часа, раздался звукъ набата, по всѣмъ улицамъ и переулкамъ забили въ барабаны; знаменитыя сентябрьскія убійства приближались. Дантонъ, явившись въ собраніе для подробнаго доклада о мѣрахъ, какія были приняты (безъ согласія собранія) для спасенія страны, произнесъ свои знаменитыя слова: „Намъ надо смѣлости, смѣлости и еще разъ смѣлости“.

Въ предшествующую ночь всѣ городскія ворота по приказанію городского управления были заперты, такъ

что никто не могъ ни войти ни выйти; въ звукамъ набата и дробн барабана присоединилась теперь еще стрельба изъ пушки. Тутъ-то и начались массовыя „казни“, какъ ихъ называли бы, если бы онѣ были произведены въ интересахъ „установленнаго порядка“ людьми, одѣтыми въ форменную одежду, или „избіенія“, какъ ихъ стали называть съ тѣхъ поръ, какъ онѣ начали производиться въ интересахъ революціи, людьми въ красныхъ колпакахъ и костюмахъ карманьолы.

Началось дѣло убійствомъ тридцати священниковъ, отведенныхъ въ аббатство. Затѣмъ толпа человекъ въ триста обошла послѣдовательно семь тюремъ. Доступа внутрь тюрьмы требовалъ себѣ лишь импровизированный судъ, который, войдя въ тюрьму, бралъ списки заключенныхъ и открывалъ свои засѣданія. Заключенные вызывались по именамъ, дѣла ихъ разрѣшались въ нѣсколько минутъ, послѣ чего ихъ удаляли—якобы для перевода въ другую тюрьму или для освобожденія. Но едва достигали они наружныхъ воротъ, какъ ихъ встрѣчало мѣсъ пикъ и сабель. Тѣ, кто были признаны невинными въ измѣнническихъ дѣяніяхъ и выпускались съ криками „Да здравствуетъ нація!“, принимались толпой съ распростертыми объятіями, но горе тѣмъ, кого подводила къ выходу въ молчаніи. Они падали подъ ударами пикъ и сабель, иногда буквально изрубленные въ куски. Принцесса де-Ламбаль, пріятельница и фрейлина Маріи Антуанеты, только что легла спать, когда толпа подошла къ тюремѣ аббатства, гдѣ она находилась. Когда ей сказали, что ее переведутъ, она попросила позволенія переодѣться и привести въ порядокъ свое платье; на это окружающіе замѣтили ей, что пройти ей придется такое короткое разстояніе, что ради него не стоитъ тратить времени на туалетъ. И дѣйствительно, у воротъ ей отрубили голову, а тѣло растоптали и выпустили изъ него внутренности. Эти массовыя казни или избіенія (какъ мы ихъ не назовемъ) внѣ тюремъ продолжались

съ перерывами съ полудня воскресенья до вечера четверга. Всего погибло, вѣроятно, до 1200 человекъ. Всѣ современные писатели единодушны въ описаніяхъ ужаса тѣхъ сценъ, когда забрызганная кровью толпа бродила по улицамъ, переходя изъ тюрьмы въ тюрьму.

Нѣтъ сомнѣнія, что главныя дѣйствующія лица въ этихъ событіяхъ не только не имѣли приказаній отъ коммуны, но даже и не были съ нею въ непосредственныхъ сношеніяхъ; впрочемъ, точный характеръ связей между ними и коммуной до сихъ поръ не установленъ. Что лица, производившія убійства, были не злодѣями и подкупленными негодяями, но фанатиками, охваченными бѣшенствомъ отчаянія, достаточно доказывается многими фактами, признаваемыми даже писателями, не сочувствующими революціи. Ихъ энтузіазмъ, когда они находили „патріота“ въ человекѣ, котораго считали „измѣнникомъ“ (какъ это было съ г. Сомбрель), ихъ отказы отъ денегъ, предлагаемыхъ измѣнниками, ихъ очевидное желаніе избѣжать случайнаго убійства невиннаго человека—показываютъ, что эти „злодѣи“ дѣйствительно не руководились никакими личными интересами. Къ тому же, никогда въ исторіи пролитіе крови не находило себѣ столькихъ извиняющихъ обстоятельствъ, какъ въ Парижѣ въ началѣ сентября 1792 г. Иностранная войска шла на столицу, чтобы сломать революцію и уничтожить все, сочувствовавшее ей. Самъ Парижъ наполненъ былъ роялистскими заговорщиками, почти открыто выражавшими радость по поводу перспективъ возстановленія королевской власти и истребленія народныхъ вождей. Такъ называемыя избіенія были, въ строгомъ смыслѣ, средствомъ самозащиты и, какъ таковое, оправдались результатами, а именно, внушили страхъ реакціи и распространили революцію по всей Франціи. А, между тѣмъ, есть лица, съ ужасомъ и омерзѣніемъ относящіяся къ этому акту самозащиты доведеннаго до отчаянія населенія, находя въ то же время „необходимыми“ или

лишь весьма мягко порицая злодѣйскія и хладнокровно-разсчитанныя избиенія версальскихъ солдатъ послѣ коммуны 1871 года. Таково классовое ослѣпленіе. Какъ и при всякомъ крупномъ историческомъ кризисѣ, такъ и во французской революціи активному меньшинству приходилось бороться и терроризовать массу реакціи и безразличія, всегда, къ сожалѣнію, оказывающихся въ большинствѣ.

XI.

Национальный конвентъ.

Во время этихъ событій въ Парижѣ Дюмурье, замѣнившій Лафайета въ качествѣ главнокомандующаго французской арміей, организовалъ на востокъ сопротивленіе непріятельскому вторженію. Верденъ былъ взятъ пруссаками почти безъ сопротивленія. Но новый главнокомандующій, который, каковъ бы онъ ни былъ въ другихъ отношеніяхъ, обладалъ несомнѣннымъ военнымъ гевіемъ, сразу же оцѣнилъ стратегическое положеніе и, вопреки военному совѣту, рѣшилъ не терять времени занятіемъ горныхъ проходовъ въ гористой мѣстности Аргоны. Ускоренными маршами онъ обошелъ врага, который скоро нашелъ дорогу въ Парижъ загражденной обрывистыми скалами и хорошо охраняемыми проходами. Тѣмъ не менѣе, пруссаки овладѣли одной изъ наиболѣе слабо защищенныхъ позицій и готовы были окружить французскую армію, какъ Дюмурье, благодаря удачному отступленію, удалось ускользнуть отъ нихъ до прибытія подкрѣпленій. Тѣмъ временемъ погода помогала защитникамъ. Сильные дожди превратили дороги въ рѣки грязи глубиной по колѣно, и лишь числу къ 20-му главныя силы непріятеля достигли высоты Вальмы, гдѣ командовалъ генералъ Келлерманъ, и попытались штурмовать ихъ. Исходъ боя рѣшилъ судьбу вторженія.

Пруссаки и австрійцы потерпѣли полное пораженіе при кликахъ — „да здравствуетъ нація!“ и отступили въ безпорядкѣ.

До сихъ поръ французамъ не везло въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но теперь наступилъ поворотъ. Съ этого момента революціонная армія, перешедшая въ наступленіе, въ которое время шла побѣдоносно впередъ. Такъ какъ настоящій очеркъ представляетъ собою не исторію революціонной войны, а самой революціи, то въ дальнѣйшемъ я буду касаться военныхъ событій постольку, поскольку они вліяли на ходъ внутреннихъ дѣлъ.

Находившееся при смерти законодательное собраніе продолжало еще существовать во время выборовъ конвента—перваго собранія, избраннаго путемъ прямого всеобщаго и равнаго голосованія и открывшаго свои засѣданія лишь 21-го числа этого мѣсяца. Послѣ обычныхъ предварительныхъ церемоній конвентъ формально упряднилъ королевскую власть и провозгласилъ республику. Слѣдующей его мѣрой было установленіе новаго лѣтосчисленія, начиная съ текущаго года, какъ перваго года республики. Эти постановленія были приняты съ возгласами одобренія. Но почти тотчасъ же въ конвентѣ начались внутреннія разногласія. Это самое замѣчательное изъ всѣхъ законодательныхъ учрежденій состояло изъ представителей всѣхъ оттѣнковъ мнѣній и почти всѣхъ лацъ, сколько-нибудь выдававшихся въ общественной жизни: Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ, Демурленъ, Давидъ, Роланъ, Барбару, Сийесъ, Бареръ и др., всѣ были тамъ, со многими другими, въ родѣ Толлиена, Коло д'Эрбуа, Бильо-Варенна, Барраса и др., до тѣхъ поръ менѣе извѣстными, которымъ, однако, вскорѣ суждено было сильно выдвинуться.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить одну замѣчательную черту конвента. Въ немъ проявилось первое сознательное признаніе принципа международности. Германскій атеистъ, интернаціоналистъ и гуманиарианецъ Анахарсисъ Кло-

отец и английскій свободный мыслитель и республиканецъ Томасъ Пэнъ были въ числѣ его членовъ. Приетлей изъ Бирмингама, великій химикъ, тоже былъ избранъ туда, но отказался принимать участіе въ засѣданіяхъ. Чтобы подчеркнуть международный характеръ революціи и произвести диверсію въ тылу непріятельской арміи, конвентъ 19 ноября выпустилъ манифестъ, приглашавшій всѣ народы возстать противъ притѣснителей и объявившій всяческую симпатію, а если возможно, то и активную поддержку со стороны французской республики.

Двумя главными партіями въ конвентѣ были жирондисты и монтаньяры. Жирондисты представляли собою партію мирнаго прогресса и были противъ всякихъ крупныхъ, т.-е. энергичныхъ мѣръ. Подобные люди, какими бы благами ни были ихъ намѣренія, и даже независимо отъ ихъ конечныхъ цѣлей, должны, въ концѣ концовъ, неизбѣжно становиться орудіями реакціи вѣдствіе своей робости и нерѣшительности. Жирондисты желали республики, руководимой профессиональнымъ среднимъ классомъ, юристами и литераторами (république doctrinaire). Главной ихъ опорой были провинціи, и самое названіе ихъ партіи произошло отъ департамента Жиронды, откуда явились ихъ нѣкоторые вожди. Среди послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть Кондорсе, Ролана, Луве, Ребекке, Петіюя, Барбару, Верньо и Бриссо. Нѣкоторые изъ нихъ, несмотря вообще на мирное настроеніе, дѣятельно принимали участіе въ подготовкѣ событій 10 августа. Какъ мы уже видѣли, Барбару вызвалъ изъ родного Марсея отрядъ марсельцевъ и предводительствовалъ ими въ день возстанія.

Другой руководящей партіей въ конвентѣ были монтаньяры, „люди горы“, названные такъ потому, что они сидѣли на верхнихъ скамьяхъ лѣвой половины зала; въ составъ ихъ входили депутаты Парижа, придерживавшіеся политики коммуны, большинство членовъ которой засѣдало также и въ конвентѣ. Робеспьеръ, Дантонъ,

Марать, все парижскіе депутаты и наиболѣе выдвинувшіеся революціонные вожди принадлежали къ „Горѣ“, находившей себѣ поддержку въ 48 „секціяхъ“ Парижа и въ предмѣстьяхъ, гдѣ парижское населеніе подавало свой голосъ. Монтаньяры придерживались непримиримыхъ революціонныхъ принциповъ (и, кромѣ того, стремились до известной степени къ установленію экономического равенства), твердой политики и строгой централизаціи, въ противоположность жирондистамъ, склонявшимся къ республиканству въ интересахъ средняго сословія, къ робкой и колеблющейся политикѣ и къ федерализму, т.-е. къ широкому мѣстному самоуправленію. Борьба между Горой и Жирондой была отчасти борьбой за преобладаніе между Парижемъ и департаментами.

Кромѣ монтаньяровъ и жирондистовъ, собственно, т.-е. кромѣ представителей вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ, составлявшихъ вмѣстѣ меньшинство въ конвентѣ, хотя и придававшее ему свой характеръ и диктовавшее ему его политику, — существовало еще большинство, такъ называемая Равнина, члены которой получили въ насмѣшку прозвище „лягушки съ болота“. Какъ и всякое почти большинство, Равнина представляла собою безформенную массу, полную индифферентизма и глупости, съ болѣе или менѣе реакціонными инстинктами, естественно склонявшими ее къ жирондистамъ, какъ къ болѣе „умѣренной“ партіи; но такъ какъ ея главной заботой было самосохраненіе, то она весьма поддавалась давленію извнѣ со стороны вооруженныхъ „секцій“ Парижа и предмѣстій, какъ это мы скоро увидимъ. Среди этихъ „лягушекъ съ болота“ нѣкоторыя лица не были лишены известной ловкости и выдвинулись впередъ при директоріи, когда миновали всѣ опасности народнаго возстанія.

Не прошло и нѣсколькихъ дней со времени начала засѣданій, какъ въ конвентѣ жирондисты объявили войну по поводу сентябрьскихъ убійствъ, обвиняя нѣкоторыхъ

монтаньяровъ въ подстрекательствѣ къ нимъ. Обвиненіе было направлено противъ Робеспьера и Дантона. Первая очередь была за Робеспьеромъ. Онъ обвиненъ былъ въ стремленіи къ диктаторству, и вся сила жирондистскаго краснорѣчія обрушилась на тощаго и похожаго на трупъ бывшаго адвоката изъ Арраса, но безрезультатно. Окончательныхъ обвиненій нельзя было привести противъ него. Во всякомъ случаѣ, знаменательно, что еще прежде, чѣмъ Робеспьеръ достигъ высшаго преобладанія, онъ уже могъ возбуждать противъ себя чувства такой сильной личной ненависти. Дѣло въ томъ, что Дантонъ гораздо больше былъ замѣшанъ въ такъ называемыхъ сентябрьскихъ убійствахъ, чѣмъ Робеспьеръ. Затѣмъ дошла очередь до Марата. Маратъ, искренность и полное самоотверженіе котораго представляютъ чуть ли не единственный примѣръ въ исторіи, имѣлъ несчастье обладать очень непривлекательной наружностью. Онъ страдалъ кожной болѣзнію, не сифилисомъ, какъ утверждали нѣкоторые писатели, но, повидимому, особымъ видомъ болѣзни, называемой чесоточнымъ зудомъ (scabies). Весьма вѣроятно, что онъ получилъ ее и, безъ всякаго сомнѣнія, значительно запустилъ и ухудшилъ вслѣдствіе полуголодной жизни въ подвалахъ, какую ему пришлось вести въ первый періодъ революціи. Жирондисты предъявили въ конвентѣ Марату обвиненіе, и когда онъ всталъ, чтобы защищаться, то на нѣкоторое время былъ подло покинутъ даже монтаньярами. „У меня много враговъ въ этомъ собраніи“, началъ онъ, вставая, чтобы возражать на обвиненія. „Всѣ! всѣ!“—вскричалъ конвентъ, какъ одинъ человѣкъ. Однако, Маратъ среди криковъ и шума продолжалъ свою защиту, пока, наконецъ, не одержали верхъ серьезность и краснорѣчіе его словъ, и онъ сѣлъ среди бури рукоплесканій. Жирондисты, хотя и обезкураженные, не теряли изъ виду своей цѣли погубить Марата. Среди этихъ взаимныхъ обвиненій и внутреннихъ неурядицъ Горѣ все-таки уда-

лось провести декретъ, объявлявшій республику единой и нераздѣльной, чѣмъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ федералистамъ-жирондистамъ.

XII.

Судъ надъ королемъ и казнь его.

Въ личныхъ счетахъ настало перемиріе на нѣкоторое время, и конвентъ принялся за обсужденіе новой конституціи, когда, по предложенію Горы, былъ признанъ неотложнымъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ королемъ. Народное недовольство изложеннымъ королемъ съ нѣкотораго времени продолжало расти. Изъ департаментовъ и парижскихъ секцій непрерывно поступали адреса съ требованіемъ его осужденія. Когда возникъ юридическій вопросъ о правѣ какого бы то ни было трибунала судить короля, комиссіей, назначенной для обсужденія этого вопроса, было признано, что хотя Людовикъ былъ неприкосновеннымъ въ качествѣ короля французскаго, но теперь, въ качествѣ простаго гражданина Людовика Капета, утратилъ эту неприкосновенность. Гора сильно напала на эту точку зрѣнія. Сень-Жюсть, Робеспьеръ и другіе заявили, что всѣ эти юридическія закорючки оскорбляютъ верховенство народа, что Людовикъ уже самымъ фактомъ возстанія былъ судимъ, и что осталось только сдѣлать приговоръ и казнить его. Какъ разъ въ это время за панелью въ Тюльери былъ найденъ желѣзный ящикъ, заключавшій въ себѣ доказательства дворцовыхъ интригъ съ Мирабо и съ аристократами-эмигрантами, показывавшія, такимъ образомъ, что война съ Австріей была возбуждена съ цѣлью обмануть страну и революцію. Конечно, это обстоятельство придадо еще большую силу требованію немедленнаго осужденія Людовика, какъ „измѣнника Франціи и виновника передъ человѣчествомъ“. Агитація сильно

поддерживалась въ секціяхъ и въ якобинскомъ клубѣ, и „умѣренная“ партія конвента сочла себя вынужденной до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ, уступить народнымъ требованіямъ. Конвентъ значительнымъ большинствомъ голосовъ высказался противъ предложенія крайней правой, настаивавшей на неприкосновенности короля, но также противъ монтаньяровъ, требовавшихъ приговора безъ суда. Постановлено было вызвать бывшего короля въ конвентъ. Затѣмъ былъ приготовленъ актъ, объявлявшій преступленія короля.

Тѣмъ временемъ Людовика строго охраняли въ Тамплѣ, куда онъ былъ заключенъ еще около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ. Незадолго передъ тѣмъ его отдѣлили отъ семьи, такъ какъ коммуна опасалась, что имъ будетъ задуманъ планъ бѣгства. Лишь одна служанка была оставлена для всей семьи. Людовикъ развлекался въ тюрьмѣ чтеніемъ Исторіи Англіи Юма, особенно той ея частью, которая касалась Карла I. Когда декретъ конвента былъ объявленъ, Сантерру, командиру національной гвардіи, было поручено привезти Людовика къ рѣшеткѣ національнаго собранія. Это произошло 11 декабря. Экипажу пришлось проѣзжать подъ дождемъ, среди криковъ толпы, по улицамъ, наполненнымъ войсками. По прибытіи экипажа къ мѣсту засѣданія конвента, парижскій мэръ Шабо и прокуроръ Шометтъ, сидѣвшіе всю дорогу вмѣстѣ съ королемъ, передали его Сантерру, ожидавшему у зданія. Послѣдній, взявъ Людовика за руку, подвелъ его къ рѣшеткѣ зала конвента. Барреръ, президентъ, послѣ минутнаго молчанія обратился къ королю со слѣдующими словами: „Людовикъ, французская нація обвиняетъ васъ; вы сейчасъ имѣете выслушать обвиненіе; Людовикъ, вы можете сѣсть“. Въ обвиненіи заключалось 57 пунктовъ, касавшихся деспотическихъ дѣйствій, заговоровъ, тайныхъ интригъ, бѣгства въ Вареннъ и т. д. Послѣ обвинительной рѣчи, длившейся три часа, Людовикъ снова

былъ отвезенъ въ тюрьму. Такъ какъ онъ требовалъ законнаго защитника, то конвентъ, послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ, постановилъ позволить старому другу короля Мальзербу и двумъ другимъ—Тронше и Дезезе, взять на себя эту обязанность. Въ день суда защитительную рѣчь провзнесъ послѣдній; аргументы ея сводились частью къ ссылкамъ на королевскую неприкосновенность, частью къ указанію заслугъ Людовика передъ народомъ. „Народъ, сказалъ Дезезе, желалъ, чтобы былъ уничтоженъ разорительный налогъ, и Людовикъ уничтожилъ его, народъ просилъ уничтоженія феодальныхъ повинностей, и Людовикъ ихъ уничтожилъ, онъ требовалъ реформъ, и Людовикъ на нихъ согласился“... и т. д.

Рѣчь заканчивалась краснорѣчивымъ обращеніемъ къ исторіи—произвести судъ надъ рѣшеніемъ конвента. Робкіе жирондисты, которые, какъ хорошо вѣдомо было извѣстно, прежде стояли за сохраненіе королю жизни, въ этотъ моментъ не нашли въ себѣ смѣлости высказаться рѣшительно въ ту или другую сторону. Они ограничились предложеніемъ объявить Людовика виновнымъ, но предоставить вопросъ о наказаніи разсмотрѣнію непосредственно народныхъ собраній. Предложеніе это, которое могло бы грозить междоусобной войной, встрѣтило сильный отпоръ со стороны Горы и было отклонено, и конвентъ, единодушно признавъ Людовика виновнымъ, занялся вопросомъ о наказаніи. Огромныя толпы народа собрались у зданія конвента и громко требовали смертнаго приговора. Послѣ сорокачасовыхъ дебатовъ было произведено окончательное голосованіе, и Людовикъ былъ осужденъ „на смерть безотлагательно“, т.-е. не позже, чѣмъ черезъ 24 часа, большинствомъ 26, при общемъ числѣ голосовавшихъ въ 271. Тщетно защитники короля указывали на незначительность большинства: Гора, впервые въ это время получившая преобладаніе въ конвентѣ, была непреклонна.

Въ понедѣльникъ 21 января 1793 года совершена была казнь. Людовикъ, еще наканунѣ простившійся съ семьей, былъ разбуженъ въ пять часовъ. Вскорѣ послѣ этого явился Сантерръ съ извѣщеніемъ, что пора ѣхать. Снаружи раздался ропотъ толпы и грохотъ пушки. Экипажу болѣе часа пришлось пробираться по улицамъ, оцѣпленнымъ войсками. Наконецъ, онъ достигъ площади Революціи, и Людовикъ взомель на эшафотъ. Онъ началъ говорить о своей невинности, но по знаку Сантерра голосъ его былъ заглушенъ боемъ барабановъ, палачъ схватилъ его, и черезъ минуту все было кончено.

Смерть Людовика быть можетъ и была необходима для безопасности республики въ это время, но все же невозможно не чувствовать сожалѣнія къ человеку, самой большой виной котораго были лишь слабость и добродушіе, дѣлавшія его игрушкой въ рукахъ жестокой, неразборчивой въ средствахъ и коварной женщины. Слѣдуетъ замѣтить по поводу декрета конвента, что не въ примѣръ жирондистамъ, смѣлый Томасъ Пэнъ до конца мужественно голосовалъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ всегда говорилъ раньше, т.-е. въ защиту жизни короля, рискуя тѣмъ своей собственной. Несмотря на это, благодарная благопрістойность (пытавшаяся впоследствии возвысить слабого Людовика до героя и мученика) съ тѣхъ поръ осыпала память бѣднаго Пэна самой низкой клеветой.

Законъ максимума и прогрессивный подоходный налогъ представляютъ собою двѣ единственныя мѣры непосредственно социалистическаго характера, которыя были когда-либо примѣнены на практикѣ и примѣнены съ полнымъ успѣхомъ. Тѣмъ болѣе странно, что первая изъ этихъ мѣръ, когда ее предлагаютъ въ наши дни, встрѣчаетъ со стороны многихъ социалистовъ равнодушное, если не подозрительное отношеніе. Это показываетъ лишь, что въ области экономіи, какъ и во многомъ другомъ, въ насъ крѣпки еще пережитки старыхъ

предразсудковъ и суевѣрій. Тѣ самые, кто преодолѣлъ старинныя буржуазныя ложныя взгляды на негодность и бесполезность внимательства въ священные законы политической экономіи путемъ непосредственнаго законодательнаго воздѣйствія на свободу производства, до сихъ поръ еще отмахиваются отъ прямого законодательнаго воздѣйствія на такъ называемую свободу обмѣна. Законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ—великолѣпная вещь, а законъ о максимумѣ, охраняющій рабочаго отъ притязаній монополій и стремленія промышленнаго и торговаго капитала поднять цѣны, ограждая себя въ то же время отъ послѣдствій конкуренціи, путемъ образованія „ринговъ“ и „корнеровъ“,—это что-то сомнительное и ненадежное! Въ настоящее время, конечно, законъ максимума принесъ бы мало пользы безъ закона о минимумѣ, т.-е. закона, устанавливающаго минимальную заработную плату, и, добавимъ мы въ скобкахъ, восьмичасовой рабочей день, вѣроятно, имѣлъ бы весьма сомнительное значеніе безъ проведенія двухъ только-что указанныхъ законовъ. Но во Франціи въ концѣ XVIII вѣка дѣло обстоитъ иначе. Мелкая промышленность (petite industrie) преобладала всюду, за исключеніемъ большихъ городовъ, гдѣ система крупныхъ мастерскихъ приобрѣла прочную почву, хотя и тутъ не замѣнивъ собой болѣе мелкаго производства. Поэтому одинъ законъ максимума могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Конечно, бѣдность и нужда продолжали существовать, но онѣ зависѣли по большей части отъ другихъ социальныхъ условий. Плохіе урожаи, опустошенія отъ иноземнаго нашествія низвели Францію на самый низкій уровень матеріальнаго благосостоянія. Законъ максимума спасъ ее. Благодаря двумъ франкамъ въ день, которые послѣдующимъ декретомъ конвента назначались каждому, участвующему въ первичныхъ собраніяхъ секцій (а во всей Франціи ихъ насчитывалось до 44 тысячъ), проблема о безработныхъ была

разрѣшена. Можно себѣ представить, каково было число безработныхъ во всѣхъ производствахъ, касавшихся предметовъ роскоши для потребленія богатыхъ классовъ; поэтому мѣра подобнаго рода была весьма существенна.

Результатъ внимательства конвента въ „законы политической экономіи“ хорошо выраженъ Карлейлемъ, когда онъ замѣчаетъ, что „ни въ одинъ періодъ исторіи 25-ти милліонное населеніе Франціи не страдало меньше, чѣмъ въ этотъ періодъ, называемый царствомъ террора“. Конечно, въ то время были возможны только подобныя палліативныя попытки и мѣры. Но слѣдуетъ отмѣтить очень крупный фактъ, что въ первый разъ въ исторіи ясно было выражено требованіе экономическаго и соціальнаго равенства въ противоположность чисто политическому и юридическому равенству. Крикъ этотъ часто заглушался, но черезъ короткіе промежутки времени раздавался снова. Партія Горы и якобинцевъ, заговоръ Бабефа, чартистское движеніе, іюньскіе дни 1848 года, коммуна 1871 года—все это различныя стадіи въ пробужденіи пролетаріата...

XIII.

Борьба на смерть между Горой и Жирондой.

Въ тотъ самый вечеръ, когда въ конвентѣ происходило окончательное голосованіе по поводу участіа короля, въ одномъ кафе бывшемъ королевскимъ гвардейцемъ былъ убитъ Лепелльтье де-Сентъ-Фаржо, бывший дворянинъ и депутатъ, голосовавшій съ большинствомъ. Въ слѣдующій четвергъ ему были устроены торжественныя похороны на общественный счетъ, и тѣло его было погребено въ Пантеонѣ великихъ людей. Конвентъ, муниципалитетъ и революціонныя общества въ полномъ составѣ провожали его. Это было послѣднимъ общимъ дѣйствіемъ различныхъ партій.

Вражда между Горой и Жирондой послѣ временнаго перерыва вспыхнула еще съ большей силой. Возрастала она еще и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а именно отъ все увеличивающагося недостатка жизненныхъ средствъ, особенно хлѣба. „Хвосты“ у булочныхъ принимали все болѣе и болѣе громадные размѣры, приводя къ вспышкамъ въ толпѣ и разрушенію лавокъ съ провизіей. Марать намекнулъ и далъ понять въ своемъ журналѣ, что нѣкоторыхъ изъ скупщиковъ, поддерживающихъ высокія цѣны на хлѣбъ, слѣдуетъ повѣсить у дверей булочныхъ. Толпы народа, въ карманьолахъ или въ лохмотьяхъ, почти сошедшія съ ума отъ голода, танцевали дикій танецъ подъ звуки популярной пѣсенки „Vive le son du canon“*). Днемъ и ночью можно было встрѣтить на улицахъ и въ переулкахъ группы этихъ революціонныхъ „гулякъ“.

Тѣмъ временемъ „звуки пушекъ“ продолжали раздаваться съ прежней силой къ чести и славлъ Франціи. Дюмурье вступилъ въ Нидерланды и завоевалъ ихъ, а якобинцы и другія революціонныя организаціи послали своихъ уполномоченныхъ въ эти вновь присоединенныя провинціи. Между тѣмъ, державы, крупныя и мелкія, видя, что сами онѣ и аристократически-монархическій порядокъ, представлятельными котораго онѣ являлись, разбиты по всей линіи, сплотились тѣснѣе и стали производить у себя новыя наборы солдатъ. Англія, Испанія, Італія, Австрія, Пруссія и мелкія германскія государства принялись за новыя огромныя вооруженія. Конвентъ, въ свою очередь, отвѣчалъ на это новымъ наборомъ арміи въ 300 тысячъ человѣкъ. Въ это же время Дантонъ и Марать потребовали и настаивали на томъ, что, поражая внѣшнихъ враговъ, не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія враговъ внутреннихъ. Они предложили, чтобы трибуналь, въ составѣ девяти человѣкъ, могъ

*) Да живетъ звукъ пушки.

производить судъ безъ участія присяжныхъ и безъ права апелляціи со стороны обвиняемыхъ. Такой трибуналъ былъ учрежденъ, но къ нему были присоединены присяжные. Какъ разъ въ эту пору Дюмурье потерпѣлъ нѣсколько неудачъ при своемъ вторженіи въ Голландію. Онъ былъ отозванъ обратно въ Бельгію, но это не удовлетворило Гору и якобинцевъ, которые давно уже поглядывали косо на Дюмурье, какъ на сторонника жирондистовъ, и все болѣе приходили къ убѣжденію, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ партіи и что причиной пораженія была измѣна. Жирондистскіе министры и генералы стали предметомъ самаго рѣзкаго неудовольствія. Чувства возбуждены были настолько, что составленъ былъ заговоръ съ цѣлью убить въ ночь на 10 марта вождей партій, засѣдавшихъ въ конвентѣ. Заговорщики, дѣйствительно, принялись за дѣло, но планъ не удался вслѣдствіе того, что о немъ заранѣе донесли намѣченными лицамъ. На слѣдующій день Вернье, крупный жирондистскій ораторъ, доложилъ о заговорѣ собранію, и крайнія партіи на нѣкоторое время потеряли кредитъ. Однако, извѣстія о распространеніи аристократически-роялистскаго возстанія въ Вандеѣ, въ департаментѣ Луары, быстро дали имъ возможность снова возстановить свое вліяніе.

Вандея представляла собою округъ, гдѣ не было большихъ городовъ, а, слѣдовательно, ни средняго класса, ни пролетаріата. Она была населена почти исключительно крестьянами, духовными и дворянствомъ, такъ что не имѣла никакого отношенія къ цѣлямъ революціи. Крестьянство все еще почитало своихъ старыхъ господъ и ненавидѣло новый средній классъ. Впрочемъ, непосредственной причиной возстанія послужилъ новый наборъ. Въ Парижѣ раздраженіе противъ „умѣренныхъ“ и „половинчатыхъ“ друзей революціи возросло болѣе, чѣмъ когда-либо. Новый революціонный трибуналъ усиливалъ свою дѣятельность. За дурными вѣстями изъ

Вандеи послѣдовали извѣстія о дальнѣйшихъ, еще болѣе серьезныхъ неудачахъ Дюмурье въ Бельгіи, а что всего хуже—несомнѣнно были установлены его интриги въ австрійцами для возстановленія монархіи въ лицѣ герцога Шартрекаго, младшаго сына Филиппа Орлеанскаго-Эгалите (двоюроднаго брата короля и члена партіи Горы). Этотъ герцогъ Шартрскій, бывшій въ это время лейтенантомъ Дюмурье, сталъ впоследствии „Людовикомъ-Филиппомъ, королемъ Франціи“. Дюмурье почти тотчасъ же открыто заявилъ о своемъ намѣреніи идти на Парижъ, чтобы сломить революцію. Но ему это не удалось такъ же, какъ и его предшественнику, Лафайету. Войска, хотя и были привязаны къ нему лично, колебались измѣнить республикѣ. То же самое происходило и съ офицерами. Конвентъ сталъ дѣйствовать энергично; онъ послалъ четырехъ уполномоченныхъ, въ числѣ ихъ военнаго министра, чтобы потребовать измѣнника-генерала на судъ конвента. Дюмурье не только отказался сдѣлать это, но даже передалъ депутатовъ, въ качествѣ заложниковъ, австрійцамъ. Послѣ дальнѣйшихъ неудачныхъ попытокъ склонить армию на свою сторону, онъ, выѣхавъ съ герцогомъ Шартрекимъ и нѣсколькими офицерами, напелъ убѣжище въ австрійскомъ лагерѣ, и съ тѣхъ поръ исторія его болѣе не знаетъ. Измѣна Дюмурье была послѣднимъ гвоздемъ, вбитымъ судьбой въ гробъ, въ которомъ окончательно были похоронены власть и вліяніе жирондистовъ. Существуетъ извѣстная пословица, что кого боги хотятъ погубить, того они лишаютъ сначала разсудка. Въ настоящемъ случаѣ мы видимъ тому примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, жирондисты еще до извѣстія о бѣгствѣ Дюмурье неосновательными нападками и инсинуаціями оттолкнули одного изъ вождей монтаньяровъ—Дантона, склонявшагося въ пользу примиренія между обѣими партіями. Теперь же, когда дезертирство Дюмурье въ теченіе многихъ дней уже служило предметомъ обсужденія и негодующихъ рѣчей во всѣхъ па-

рижских секціяхъ, имъ удалось средѣ сѣнь бурнаго безпорядка въ конвентѣ провести обвинительный декретъ, направленный противъ Марата по поводу упомянутой выше его статьи, касавшейся скупщиковъ. „Другъ народа“ предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ, при чемъ жирондисты тщетно пытались подтасовать присяжныхъ. Послѣ суда, длившагося два дня, онъ былъ оправданъ при кликахъ присутствующихъ и съ торжествомъ отнесенъ народомъ въ залъ конвента. Съ этой минуты дѣло жирондизма, по крайней мѣрѣ дѣятельность въ мирной и законной формѣ, было проиграно. Оставалась единственная надежда на возстаніе въ департаментахъ. Но и оно, какъ мы увидимъ, было осуждено на неудачу. Тѣмъ временемъ Кюстинъ, Дампьеръ и другіе генералы были посланы для реорганизациі арміи Дюмурье. Но въ теченіе слѣдующихъ недѣль главное вниманіе всѣхъ патріотовъ было направлено на одну цѣль—на ниспроверженіе жирондистской партіи.

XIV.

Вопросы экономического характера.

Среди этихъ препирательствъ Горѣ, въ виду тяжелаго экономического положенія, удалось провести нѣсколько важныхъ административныхъ мѣръ и двѣ крупныхъ мѣры экономического характера. Въ добавленіе къ „революціонному трибуналу“ были образованы два могущественныхъ комитета, которые, въ концѣ концовъ, на практикѣ приняли на себя всѣ исполнительныя обязанности диктаторскаго министерства. То были „Комитетъ общественной безопасности“, состоявшій изъ 21 члена, и „Комитетъ общественного спасенія“, изъ 9 членовъ, при чемъ сами министры были подчинены этимъ комитетамъ. Экономическими мѣрами были, во-первыхъ, за-

конъ максимума, благодаря которому сразу же были устранены недавно еще свирѣпствовавшіе голодъ и нужда. Законъ этотъ устанавливалъ опредѣленную, постоянную цѣну на хлѣбные продукты, продажа выше которой угрожала судебнымъ преслѣдованіемъ. Чтобы предупредить со стороны торговцевъ возможность совершеннаго отказа отъ продажи, они формально обязывались къ этому закономъ. Больше того, они обязывались доставлять точные отчеты о своихъ запасахъ и торговлѣ, которые, по желанію, могли быть „задержаны“ властями. Законъ этотъ вскорѣ былъ распространенъ на всѣ вообще жизненные припасы. Другой экономической мѣрой, проведенной черезъ конвентъ якобинцами и Горой, былъ прогрессивный подоходный налогъ. Кромѣ того, для военныхъ цѣлей у достаточныхъ классовъ былъ сдѣланъ принудительный заемъ въ размѣрѣ миллиарда. Жирондисты и Равнина, конечно, подняли крикъ по поводу этихъ вопіющихъ нарушеній „законовъ“ политической экономіи и правъ собственности, но партія средняго класса, хотя и господствовавшая номинально, въ дѣйствительности не обладала силой и была неспособна противостоять силѣ народныхъ требованій относительно рѣшительныхъ шаговъ въ направленіи большаго экономического равенства.

XV.

Паденіе Жиронды.

Если оставить въ сторонѣ законы, упомянутые въ предыдущей главѣ, которые съ трудомъ были проведены черезъ собраніе Горой, то шесть недѣль, протекшихъ со времени оправданія Марата до 2-го іюня, дня окончательнаго паденія власти жирондистовъ, не принесли съ собой ничего, кромѣ обостренія взаимнаго озлобленія

обѣихъ партій. Петиціи и депутаціи сыпались въ конвентъ съ требованіями изгнанія и даже осужденія на смерть двадцати двухъ главарей жирондистовъ. 10 мая конвентъ перенесъ свои засѣданія изъ стараго манежа въ Тюльери. Подъѣзды новаго зданія конвента постоянно осаждались санкюлотами („безптанниками“); названію это получила народная партія послѣ бунта 21 іюня 1792 г., когда въ процессіи среди другихъ эмблемъ фигурировала пара черныхъ брюкъ въ знакъ того, что рабочий классъ во Франціи нуждается даже въ этой принадлежности костюма. Наконецъ, жирондисты задумали рѣшительный ударъ. Гюаде (Guadet) внезапно выступилъ съ предложеніемъ немедленнаго закрытія коммуны, съ тѣмъ, чтобы временно она была замѣнена предсѣдателями секцій, затѣмъ о перенесеніи законодательства въ Бурусь по возможности безъ замедленія и о разсылкѣ этого декрета по провинціямъ черезъ эстафеты (нарочныхъ). Гора была застигнута врасплохъ, и возможно, что жирондисты имѣли бы успѣхъ, если бы у нихъ хватило смѣлости приступить къ дѣйствіямъ немедленно. Но они не рѣшились на это въ виду критическаго положенія дѣлъ на границѣ, хорошо зная, что результатомъ была бы междоусобная война. Въ самомъ дѣлѣ, сомнительно, удалось ли бы имъ получить большинство голосовъ въ собраніи при тогдашнихъ условіяхъ. Барреръ, въ видѣ компромисса, предложилъ учредить комиссію изъ 12 членовъ для разслѣдованія дѣйствій муниципалитета (городскаго управленія), пронсковъ якобинцевъ и для ареста подозрительныхъ лицъ. Его предложеніе было принято и комиссія учреждена. Подъ тѣмъ предлогомъ, что она открыла новый заговоръ, комиссія немедленно приказала арестовать нѣсколько видныхъ лицъ, въ томъ числѣ секретаря коммуны Гебера, издателя газеты „Père Duchesne“ (Отецъ Дюшень). Это сразу же вызвало бурное негодованіе народа. Депутаціи слѣдовали за депутаціями, требуя освобожденія Гебера.

Коммуна, во главѣ съ мэромъ, монтаньяромъ Пашемъ, вступила въ непрерывныя сношенія съ комитетами секцій, которые, вмѣстѣ съ клубами якобинцевъ и кордельеровъ, объявили свои засѣданія непрерывными.

27 мая началось возстаніе Парижа противъ конвента. Коммуна въ полномъ составѣ явилась въ конвентъ, требуя освобожденія Гебера, своего главнаго секретаря, и закрытія жирондистской комиссіи. Затѣмъ послѣдовали депутаты отъ секцій, всѣ съ требованіемъ закрытія комиссіи, а нѣкоторые—и ареста ея членовъ. Жирондистскій президентъ конвента, Инаръ, отвѣтилъ на эти требованія угрозой, что департаменты возстанутъ и сметутъ Парижъ съ лица земли, такъ что „со временемъ путникъ будетъ спрашивать, на какомъ берегу Сены стоялъ Парижъ“. Отвѣтъ этотъ послужилъ сигналомъ для общаго возстанія со стороны Горы.

Залъ засѣданій представлялъ собою сцену бурнаго смятенія, во время котораго обнажены были сабли и вытащены пистолеты и толпа хлынула въ залъ. Въ результатъ всего этого Инаръ принужденъ былъ покинуть президентское мѣсто, уступивъ его Геро де-Сешелю, монтаньяру и другу Дантона. Онъ тотчасъ же отвѣтилъ согласіемъ на предъявленныя требованія.

Этотъ день былъ днемъ побѣды для Горы; арестъ Гебера былъ отмѣненъ и комиссія закрыта при кликахъ народа. На слѣдующій день жирондистамъ съ самоубійственнымъ безуміемъ удалось при помощи незначительнаго большинства снова возстановить комиссію на томъ основаніи, что постановленія предыдущаго дня были неправильны съ формальной стороны. Настоящій вой негодованія со стороны клубовъ, секцій и муниципалитета былъ отвѣтомъ на это постановленіе. Робеспьеръ, Дантонъ, Марать, Шометтъ и Пашъ составили изъ себя комитетъ для организаціи движенія, 30-го клубы и секціи публично объявили себя возставшими, ихъ делегаты, въ числѣ 96, вошли въ Hôtel de Ville (городскую думу) и

для формы отмѣнили муниципалитетъ (какъ законное учрежденіе), но немедленно же возстановили всѣхъ его членовъ въ должности. Мэръ Пашъ отправленъ былъ къ конвенту, чтобы сообщить объ этомъ, а тѣмъ временемъ Генрію, новый командиръ національной гвардіи, обратился къ секціямъ, прося ихъ быть готовыми къ дѣйствию въ каждую минуту, при чемъ санкилотамъ было назначено по два франка въ день до тѣхъ поръ, пока они будутъ на службѣ. Рано утромъ на слѣдующій день, 31-го августа, раздался набатъ, забили барабаны, и вооруженныя секціи собрались и пошли на Тюльери.

Сигналомъ къ возстанію послужилъ выстрѣлъ изъ пушки, произведенный какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мэръ Пашъ дѣлалъ свой докладъ конвенту и, надо думать, пытался не дать ему замѣтить, что онъ, Пашъ, причастенъ ко всему происходящему. При зловѣщемъ звукѣ выстрѣла все собраніе пришло въ смятеніе. Дантонъ ринулся на трибуну съ требованіемъ вновь закрыть комиссію. Всѣ вожди монтаньяровъ сдѣлали то же самое. Большинство все еще колебалось. Въ это время непрерывными массами хлынули депутація, пока, наконецъ, всѣ проходы не были заняты возбужденными толпами. Со всѣхъ сторонъ раздавались громкія требованія закрыть комиссію, арестовать ея членовъ и другихъ главарей жирондистовъ. Пока происходило обсужденіе различныхъ предложеній по этому поводу, распространилось извѣстіе, что Тюльери окружено вооруженными силами и что конвентъ больше не свободенъ. Даже нѣкоторые члены Горы были возмущены этимъ „оскорбленіемъ“ „верховенства народа“. Наконецъ, было рѣшено, что собраніе выйдетъ въ полномъ составѣ на встрѣчу возставшимъ. Это было сдѣлано, при чемъ Геро де-Сеттель шелъ впереди. Они встрѣчены были Генрію, сидѣвшимъ верхомъ на лошади и предводительствовавшимъ вооруженной толпой съ саблями въ рукахъ. „Народу нужны не фразы“, сказалъ Генрію, „а арестъ двадцати двухъ измѣнниковъ“.

Двѣ пушки немедленно были направлены на членовъ конвента, которые благоразумно посѣщили удалиться. Но всѣ другіе выходы изъ Тюльерійскихъ садовъ были также заграждены сверкающими саблями и пиками, такъ что членамъ конвента не оставалось ничего иного, какъ вернуться въ залъ. Противъ требованій народа никто уже больше не возражалъ. Марать, бывшій душою всего движенія, продиктовалъ теперь съ трибуны имена подлежащихъ устраненію лицъ и форму резолюціи. Всѣ главари жирондистовъ, въ томъ числѣ двѣнадцать образованныхъ комиссію, были арестованы. Когда объ этомъ стало извѣстно въ толпѣ, то она тотчасъ же разсѣялась. Такъ погибъ жирондизмъ. Съ самаго 10 августа номинальная власть въ государствѣ принадлежала жирондистамъ, хотя въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, далеко не всегда бывало такъ. Съ этого же момента Жиронда стала опальной партіей, и члены ея, въ концѣ концовъ, считали себя счастливыми, если они могли найти во Франціи для себя уголокъ, чтобы скрыться.

XVI.

Санкилоты у власти.

Жирондисты, удаленные послѣдовательно изъ муниципалитета (городского управленія), якобинскаго клуба, министерства, и, наконецъ, изъ конвента, поставили свою послѣднюю карту, рѣшивъ поднять провинціи, стоявшія въ большинствѣ за нихъ. Никогда еще положеніе Франціи не было столь отчаяннымъ, какъ въ этотъ моментъ. Съ одной стороны—Вандея въ открытомъ и до этого момента уснѣшномъ возстаніи, европейская коалиція, наслышавшая во Францію съ трехъ сторонъ свои новыя войска, жирондистское возстаніе, вспыхивавшее тамъ и сямъ въ разныхъ пунктахъ страны. Жирондисты, послѣ своего пораженія въ Парижѣ, попытались объединиться

въ Канѣ, въ Нормандіи, городѣ, ставшемъ, такимъ образомъ, ихъ главной квартирой и центромъ заговора, пока послѣдній длился. Они вступили въ переговоры съ генераломъ Вимпфеномъ и роялистомъ, графомъ Пуизе. Однако, несмотря на сочувствіе департаментовъ, особенно средняго класса крупныхъ городовъ, планъ общаго движенія потерпѣлъ полную неудачу—отчасти отъ неумѣлаго веденія дѣла, недостатка согласія и интригъ роялистовъ, оттолкнувшихъ многихъ сочувствовавшихъ движенію, отчасти вслѣдствіе присутствія въ странѣ иноземныхъ вторгшихся войскъ, а отчасти, наконецъ, влѣдствіе энергичныхъ дѣйствій вождей революціонной партіи въ Парижѣ. Провинціи медлили и колебались, возставшіе разсѣялись, и лишь нѣсколько городовъ на югѣ остались за жирондистами. Во всякомъ случаѣ, возстаніе не удалось не отъ недостатка прекрасныхъ разговоровъ, потому что жирондисты, по обыкновенію, были очень краснорѣчивы въ своихъ угрозахъ, укладывавшихся всегда въ округленные періоды.

Въ это время молодая дѣвушка изъ „хорошей“ фамиліи въ Канѣ, Шарлотта Корде, возвращавшаяся много въ обществѣ жирондистовъ и слышавшая про Марата, какъ про вождя движенія противъ жирондистовъ, отправилась въ дилижансѣ въ Парижъ, не сообщивъ никому о своемъ намѣреніи. Тамъ, добившись свиданія съ народнымъ вождемъ подъ предлогомъ сообщенія свѣдѣній о заговорѣ въ Канѣ, она убила его. Марать, почти умиравшій въ это время, сидѣлъ въ ваннѣ, и его беспомощное положеніе сдѣлало его легкой добычей для кинжала. У него оказалось по смерти всего лишь нѣсколько су.

Будучи средняго ума, Марать заслужилъ себѣ безсмертіе въ исторіи единственной въ своемъ родѣ титанической силой характера.

Шарлотта Корде была судима и осуждена революціоннымъ трибуналомъ, сохраняя до послѣдней минуты

самообладаніе и нѣсколько театральную (!) манеру держать себя. Она была казнена на гильотинѣ 17 іюля, черезъ три дня послѣ убійства.

Смерть „друга народа“ произвела настоящую панику въ рядахъ революціонной партіи. Ни одинъ „патріотъ“ не остался безъ какого-нибудь предмета, взятаго на память о немъ. Имя его повторялось всякимъ революціонеромъ, а бюстъ его былъ увѣнчанъ во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Конвентъ единодушно присудилъ ему почестъ быть погребеннымъ въ Пантеонѣ. Положеніе бѣжавшихъ жирондистовъ было труднѣе, чѣмъ когда либо. Имъ пришлось бѣжать изъ Кана передъ комиссарами конвента. Якобинскіе делегаты производили чистку по всей странѣ, и революціонная власть въ Парижѣ проявляла почти нечеловѣческую дѣятельность. Единственными мѣстами, гдѣ пламя возстанія еще мерцало, были Лионъ, Марсель и Бордо,—все города, слишкомъ сильно скомпрометировавшие себя, чтобы надѣяться на прощеніе со стороны конвента; имъ (особенно Лиону) давно еще было суждено испытать на себѣ тяжелую руку мщенія санкюлотовъ.

Но, несмотря на неудачу жирондистскаго возстанія, положеніе дѣлъ мало улучшилось. Арміи, снова перешедшія всюду къ оборонительной тактикѣ, были дезорганизованы и пали духомъ. Все казалось крайне безнадежнымъ. Если Францію и можно было спасти, то это могъ сдѣлать только какой-нибудь кризисъ. Революционная власть въ Парижѣ состояла теперь изъ конвента (или, вѣрнѣе, Горы, господствовавшей теперь въ собраніи), двухъ комитетовъ (общественной безопасности и общественнаго спасенія), коммуны, или муниципалитета (городскаго управленія) и, наконецъ, изъ клубовъ якобинцевъ и кордельеровъ, особенно перваго, дебаты въ которомъ по важности и по вліянію почти не уступали дебатамъ конвента. Первичныя собранія 48 секцій, гдѣ каждый гражданинъ могъ свободно выражать свое мнѣніе,

находились почти всецѣло въ рукахъ санюлотовъ и, вмѣстѣ съ соединенными съ ними революціонными комитетами, играли тоже крупную роль въ общественныхъ дѣлахъ.

Это соединеніе народныхъ силъ и должно было извлечь Францію и революцію изъ той пропасти, въ которой онѣ находились. Упроченіе и сплоченіе новаго правительства было первой задачей, которую требовалось разрѣшить. Прежде всего принялись за конституцію, о которой такъ долго говорили, и Геро де-Сенелю поручили составить ее. Эта знаменитая конституція 93 года, въ теченіе долгаго времени считавшаяся послѣдней надеждой санюлотовъ, представляетъ собою, быть можетъ, наиболѣе послѣдовательно проведенную схему чистыхъ демократическихъ принциповъ. Она не только формально признавала народъ единственнымъ первичнымъ источникомъ власти, но и передавала осуществленіе этой власти непосредственно ему въ руки. Каждая мѣра должна была быть подвергнута обсужденію первичныхъ собраній секцій, которыхъ во Франціи насчитывалось 44 тысячи. Всѣ власти (чиновники) должны были подвергаться переизбранію черезъ возможно короткіе промежутки времени простымъ большинствомъ голосовъ. Центральный законодательный органъ — корпусъ долженъ былъ быть возобновляемъ ежегодно и состоять при делегатахъ первичныхъ собраній, снабженныхъ наказами своихъ избирателей.

Конституція эта прошла черезъ конвентъ и была принята значительнымъ большинствомъ „секцій“ по всей Франціи. Представители же упомянутыхъ 44 тысячъ секцій, явившись въ конвентъ, потребовали, въ виду критическаго момента, „ареста всѣхъ подозрительныхъ лицъ и общаго возстанія народа“. Дантонъ, въ сильной рѣчи, внесъ предложеніе, чтобы комиссарамъ первичныхъ собраній было поручено доставить свѣдѣнія объ оружій, провіантѣ, аммуниціи и произвести новый на-

боръ въ 400 тысячъ человекъ и чтобы конвентъ далъ клятву побѣдить или умереть. Это предложеніе было единодушно принято. Спустя нѣсколько дней Бареръ отъ имени комитетовъ предложилъ мѣры еще болѣе рѣшительныя. Все мужское населеніе въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ было поставлено подъ ружье и были произведены новыя реквизиціи. Вскорѣ составилось 40 армій, общей численностью до 1.200.000 человекъ. Комитетъ общественнаго спасенія, во главѣ съ Карно, какъ военнымъ министромъ, былъ неутомимъ въ энергичной организаціи обороны. Каждому члену секцій назначено было по 40 су въ день.

Изданъ былъ знаменитый законъ о подозрительныхъ лицахъ и произведены были громадные массовые аресты лицъ, подозрѣвавшихся къ жирондистамъ или роялистамъ. Среднему классу теперь приходится такъ же плохо, какъ прежде аристократамъ. Началось господство террора, вызванное тѣми же причинами, что и сентябрьскія убійства, — грозящимъ нашествіемъ извнѣ и измѣнническими кознями внутри. Какъ и раньше, лишь только предприняты были рѣшительныя дѣйствія, дѣла всюду пошли лучше, потому что хотя Тулонъ находился въ рукахъ англичанъ, зато Марсель и Бордо были отняты у возставшихъ жирондистовъ, а Лионъ осажденъ. Хотя конституція и была принята, но введеніе ея, въ виду критическаго момента, было отерчено, и фактически она никогда не вступала въ силу.

XVII.

Диктатура коммуны.

Революціонная власть въ Парижѣ, какъ мы уже сказали, была номинально раздѣлена между коммуной, во главѣ которой стояли Геберъ и Шаметтъ, двумя комитетами, въ составъ которыхъ входили Робеспьеръ,

Дантонъ, Карно и др., конвентомъ и народными клубами, вліяніе которыхъ, хотя косвенное и неофициальное, было никакъ не меньше, чѣмъ вліяніе самого представительнаго собранія. Въ періодъ отъ 10 августа 1792 г. до открытія конвента (21 сентября) вся власть сосредоточивалась почти всецѣло въ рукахъ коммуны, руководимой Дантономъ; съ 21 сентября по 2 іюня господствовало вліяніе конвента, какъ цѣлаго; въ періодъ со 2 іюня 1793 г. до конца года власть перешла, главнымъ образомъ, опять къ коммунѣ, руководимой гебертистами; затѣмъ до 27 іюля 1794 г. (паденіе Робеспьера) во Франціи диктовали комитеты, особенно комитетъ общественнаго спасенія. Во все это время клубъ якобинцевъ по большей части служилъ отраженіемъ господствующихъ въ Парижѣ мнѣній и настроеній правящихъ элементовъ. Въ теченіе революціоннаго періода, онъ подвергался нѣсколькимъ „чисткамъ“ (épurgations), при чемъ изъ него изгонялись группы членовъ, взгляды которыхъ не согласовались съ преобладающимъ настроеніемъ момента.

Почти одновременно съ крушеніемъ жирондѣтскаго возстанія и вступленіемъ войскъ конвента въ южные города, сталъ замѣчаться отливъ и въ вандейскомъ движеніи; попытка инсургентовъ взять Нантъ окончилась неудачей, и хотя возстаніе продолжалось еще нѣкоторое время, но оно уже не имѣло больше угрожающихъ размѣровъ. Революціонныя арміи, подъ начальствомъ новыхъ генераловъ—Моро, Гоша, Пинегрю, Келлермана, Журдана, почти всюду оставались побѣдительницами. Пруссаки и австрійцы, подъ начальствомъ принца Кобургскаго, лишились своего выгоднаго положенія на востокѣ, испанцы были отражены къ югу, а ганноверцы и англичане потерпѣли пораженіе на сѣверѣ. Такимъ образомъ, Франція вторично, благодаря героическому усилію, при помощи революціонныхъ новобранцевъ была спасена отъ грозившаго ей разгрома.

Побѣды Дюмурье 92 года были повторены въ болѣе крупномъ масштабѣ въ большой кампаніи, „организованной“ геніемъ Карно въ 93 и 94 годахъ.

Революція отвѣчала теперь коалиціи въ духѣ вызывающей угрозы Дантона: „соединившіеся короли грозятъ намъ, а мы въ качествѣ перчатки бросаемъ къ ихъ ногамъ голову короля“. Франція была превращена въ обширный лагерь. Но еще въ теченіе многихъ мѣсяцевъ французамъ не суждено было чувствовать себя спокойными. Страхъ передъ возможными превратностями и послѣдствіями вторженія и политическаго упадка стоялъ передъ ихъ глазами. И поэтому-то не ранѣе конца іюля 94 года реакція противъ „террора“ достаточно собралась съ силами, чтобы опрокинуть эту систему. Пока угрожала опасность извнѣ, общественное мнѣніе могло еще выносить гильотину, и въ тотъ періодъ, къ которому мы сейчасъ подошли, началась самая оживленная дѣятельность этого знаменитаго орудія. Законъ о подозрительныхъ, дававшій комитетамъ секцій полномочія арестовывать и заключать въ тюрьму всѣхъ подозрѣваемыхъ лицъ до представленія ихъ революціонному суду, быстро переполнилъ всѣ тюрьмы заключенными. Послѣ осужденія и смерти имущество казненныхъ переходило государству.

Коммуна была дѣйствительною главой революціонныхъ комитетовъ секцій какъ въ провинціи, такъ и въ Парижѣ. Она имѣла специальное войско въ 7 тысячъ человекъ подъ командой драматурга Ронсена, называвшееся „революціонной арміей“ и дѣйствовавшее подъ руководствомъ коммуны, а кромѣ того летучія колонны, состоявшія у нея на жалованьи и производившія „чистку“ въ разныхъ мѣстахъ страны. Коммуну можно считать представительницей интересовъ пролетаріевъ въ ихъ простомъ и чистомъ видѣ. Хотя обстоятельства времени, къ несчастію, заставили ее быть орудіемъ террора, тѣмъ не менѣе дѣятельность ея ни въ какомъ случаѣ не ограничивалась только этимъ. Коммуна очень

скоро показала, что въ ея глазахъ существованіе торговаго средняго класса было столь же несовмѣстимо съ благоденствіемъ народа, какъ и существованіе аристократіи.

Экономическое равенство было для коммуны сознательной цѣлью революціи. Тѣмъ не менѣе, Геберъ и Шометтъ занимались различными проектами палліативнаго характера, въ родѣ больничной и тюремной реформы. Они пытались ввести первоначальное свѣтское обученіе дѣтей въ каждой деревушкѣ Франціи. Законъ максимума (и принудительной продажи), по ихъ инициативѣ, былъ расширенъ и распространенъ почти на всѣ предметы общаго потребленія. Барышничество и скупщичество были воспрещены подѣ страхомъ суровыхъ наказаній. Законъ максимума былъ примѣненъ въ это время даже къ заработной платѣ, — мѣра, рассчитанная на общество, еще не вышедшее изъ рамокъ мелкаго производства, и проведенная съ цѣлью устранить такъ называемую „ренту съ умѣнья въ трудѣ“, хотя введена она была единственно въ видахъ содѣйствія лицамъ, состоявшимъ на правительственной службѣ по оборонѣ. Биржа была закрыта. Финансовые и торговые синдикаты были распущены. Бумажныя деньги, ассигнаціи должны были, согласно изданному постановленію, ходить по ихъ номинальной цѣнѣ.

Съ 5 октября вступилъ въ силу новый республиканскій календарь, выработанный астрономомъ Роммомъ, давшимъ нужныя вычисленія, совмѣстно съ остроумнымъ писателемъ Фабромъ д'Эглантинъ, придумавшимъ поэтическия названія для него. Новая эра должна была считаться съ провозглашенія республики, съ 21 сентября 1792 года, такъ что мѣсяцы республиканскаго календаря не совпадали съ обыкновеннымъ календаремъ. Три осеннихъ мѣсяца были — вандемьерь (мѣсяць сбора винограда), брюмеръ (мѣсяць тумановъ) и фримеръ (мѣсяць морозовъ); три зимнихъ мѣсяца — нивозъ (мѣсяць

снѣга), плувіозъ (мѣсяць дождей) и вантозъ (мѣсяць вѣтровъ); три весеннихъ мѣсяца — жерминаль (мѣсяць почекъ и сѣмянъ), флореаль (мѣсяць цвѣтовъ) и преріаль (мѣсяць луговъ); наконецъ, три лѣтнихъ мѣсяца — мессидоръ (мѣсяць жатвы), термидоръ (мѣсяць жаровъ) и фрюктидоръ (мѣсяць плодовъ). Недѣли въ семь дней были упразднены, а вмѣсто нихъ было установлено счисленіе по декадамъ (періодъ въ десять дней).

Но наиболѣе извѣстна коммуна установленіемъ новаго культа — культа разума. Согласно съ привычками мысли XVIII вѣка, особенно во Франціи, съ ея приверженностью къ классицизму, явилась сама собою мысль о поклоненіи разуму. И вотъ, по настоянію Шометта, коммуной было постановлено устроить праздники и торжества въ честь разума. Нѣсколько дней спустя процессія гражданъ и гражданокъ въ фантастическихъ костюмахъ явилась въ конвентъ и послѣ пѣнія гимна въ честь разума началу танцовать карманьолу, причемъ многіе члены конвента присоединились къ нимъ. Въ тотъ же самый день, но нѣсколько позже, прокуроръ Шометтъ, во главѣ коммуны и предсѣдателей секцій, явился опять въ конвентъ; они несли на носилкахъ мадмуазель Кандейль — танцовщицу, въ красномъ колпакѣ и голубомъ плащѣ, увѣнчанную дубовыми вѣнками и изображавшую собой богиню разума. Большая часть членовъ конвента встала и, поцѣловавъ богиню разума, двинулась въ одинъ изъ соборовъ, гдѣ провозглашенъ былъ новый культъ при звукахъ музыки, среди дѣвушекъ, одѣтыхъ во все бѣлое. Подобныя же церемоніи имѣли мѣсто и въ другихъ церквяхъ Парижа. Комиссары коммуны скоро установили новый культъ по всей Франціи, отъ Антверпена на сѣверѣ до Марсея на югѣ. Всюду слышались гимны въ честь разума и во славу „свободы, равенства и братства“. Надъ кладбищами появились надписи: „Смерть есть вѣчный сонъ“. Все прошлое какъ будто миновало безвозвратно и все обновилось.

Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить, что „богиня разума“ была лишь символомъ, не больше, а не предметомъ поклоненія сама по себѣ, какъ говорили нѣкоторые. Разсматриваемая съ правильной точки зрѣнія идея поклоненія разуму, хотя нѣсколько педантичная, вовсе не была дурной и отталкивающей.

XVIII.

Т е р р о р ь .

Благодаря смѣлому презрѣнію коммуны къ такъ наз. законамъ политической экономіи, благодаря ея массовымъ реквизиціямъ и принужденію, поддержаннымъ ея „революціонной арміей“, которыми она заставила торговцевъ и фермеровъ продавать припасы не выше извѣстной цѣны, внушавшая серьезныя опасенія нужда, вызванная обстоятельствами времени, значительно уменьшилась. Тѣмъ не менѣе, и революціоннымъ комитетамъ, учрежденнымъ во всѣхъ секціяхъ Франціи, и комиссарамъ, наблюдавшимъ за провинціями и снабженнымъ военными силами, и, наконецъ, арміи коммуны подъ начальствомъ Ронсена было не мало трудовъ по охранѣ закона „максимума“ отъ нарушеній. Теперь коммуна свободно отпускала хлѣбъ каждой семьѣ. Аресты въ Парижѣ и провинціяхъ продолжали идти быстрымъ темпомъ. Къ концу октября въ однихъ только тюрьмахъ Парижа находилось до 3.000 человекъ, такъ какъ революціонные комитеты, образованные въ каждой секціи, имѣли право арестовывать всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ реакціонныхъ стремленіяхъ.

14 октября королева Марія-Антуанета предстала передъ революціоннымъ судомъ и послѣ двухдн. внаго разбирательства, въ виду подавляющихъ очевидныхъ доказательствъ, была осуждена за низкую измѣну Франціи и за кровавые планы противъ Парижа. Да и

пора уже было этой ужасной женщинѣ получить возмездіе по заслугамъ. Когда страна за нѣсколько лѣтъ до начала революціи находилась въ глубокой нищетѣ, она только и думала о томъ, чтобы тратить вмѣстѣ съ своей пріятельницей, принцессой де-Ламбаль (погибшей во время сентябрьскихъ убійствъ), баснословныя суммы изъ народнаго богатства на драгоценности, балы и теплыя мѣстечки для своихъ любимцевъ. Если кто-нибудь въ ея присутствіи рѣшался обратить вниманіе на какое-нибудь вопіющее злоупотребленіе, ему неизмѣнно закрывали ротъ замѣчаніемъ: „Да, но намъ нужно же развлекаться“. Лишь послѣ того, какъ, благодаря ея заботамъ, финансы достигли крайняго состоянія упадка, чему она способствовала въ значительной мѣрѣ своей преступной расточительностью, лишь тогда она стала интересоваться общественными дѣлами. Цѣлью ея было снова достать средства для своихъ развлеченій, и когда революціи разразилась и положеніе дѣлъ все меньше и меньше обѣщало возможность пріобрѣтенія драгоценностей и т. д., ея ненависть къ новому порядку вещей, лишившему ее всего этого, не знала границъ; съ этихъ поръ ея единственная надежда была на иноземное вторженіе, которое залило бы революцію кровью всей Франціи и снова отдало бы народъ въ ея руки. Что же касается бѣднаго слабовольнаго Людовика, то онъ совершенно былъ опутанъ сѣтями своей жены.

Она не была лишена нѣкотораго актерскаго искусства и передъ революціоннымъ трибуналомъ держала себя соотвѣтствующимъ образомъ. Будь она артисткой, она могла бы хорошо зарабатывать въ мелодрамѣ. Большое негодованіе вызвало ея дурное обращеніе къ сыну, дофинну, въ чемъ обвинилъ ее Геберъ. Здѣсь судеть достаточно указать, что существуютъ документы, доказывающіе, что обвиненіе не лишено было основаній, хотя точно установить это, конечно, невозможно по самому существу вещей. Фактъ тотъ, что къ Маріи-Антуа-

нетъ едва ли возможно прилагать обыкновенную мѣрку материнскихъ чувствъ. Она была продуктомъ испорченной придворной жизни XVIII вѣка, явленіемъ, какое, будемъ надѣяться, никогда больше не повторится въ исторіи.

Что же касается дофина, то слѣдуетъ предостеречь читателей относительно лживыхъ свѣдѣній объ обращеніи съ нимъ, особенно относительно гнусныхъ обвиненій противъ молодого сапожника Симона, заботамъ котораго онъ былъ ввѣренъ. Всѣ современные свидѣтельства показываютъ, что бѣдный ребенокъ пользовался всеми нужными заботами и хорошимъ уходомъ и вниманіемъ, но, унаслѣдовавши золотушное или сифилитическое предрасположеніе отъ обѣихъ родителей и ослабленный къ тому же, вслѣдствіе различныхъ причинъ, которыя не мѣсто разбирать здѣсь, онъ не былъ жильцомъ на этомъ свѣтѣ и, несмотря на всѣ заботы, умеръ въ слѣдующемъ году въ Тамплѣ.

24 октября предстали передъ судомъ 22 жирондиста. Послѣ пятидневнаго разбирательства они были осуждены и казнены на 6-й день. Валазе, одинъ изъ нихъ, закололъ себя кинжаломъ, услышавъ приговоръ, но тѣмъ не менѣе тѣло его было отправлено на гильотину вмѣстѣ съ его товарищами. Прибывъ на площадь Революціи, они обняли другъ друга и умерли съ гнѣвомъ Марсельезы. Доказательства ихъ соучастія въ возстаніи департаментовъ были полныя. Они играли на крупныя ставки и проиграли. 73 другихъ жирондистскихъ депутатовъ находились нѣкоторое время въ тюрьмѣ, такъ какъ были скомпрометированы бумагами, найденными въ домѣ депутата, котораго Шарлотта Корде посѣтила во время своего пребыванія въ Парижѣ. Впрочемъ, съ казнью 22 жирондистовъ, жирондизмъ, какъ опредѣленная партія, окончательно исчезаетъ со страницъ исторіи. Здѣсь же, кстати, слѣдуетъ замѣтить, что жирондисты находились въ значительной мѣрѣ подъ влияніемъ Вольтера, тогда какъ Гора, какъ партія, проводила идеи Руссо.

Тѣмъ временемъ палъ Лионъ, послѣдній оплотъ роялизма и жирондистовъ, а Тулонъ былъ взятъ обратно у англичанъ, которымъ былъ данъ раньше. Оба города испытали на себѣ страшную месть революціонныхъ партій. Колло д'Эрбуа, состоявшій одновременно членомъ коммуны и комитета общественного спасенія, дѣйствуя совмѣстно съ Кутономъ, послѣдователемъ Робеспьера, въ качествѣ комиссара, приказалъ произвести массовыя избиенія въ первомъ изъ указанныхъ городовъ. Билло Вареннъ, товарищъ Колло, былъ также вожакомъ-руководителемъ террора. Лебонъ дѣйствовалъ съ гильотиной въ Аррасѣ. Дантонистъ Фреронъ обрекалъ на смерть гекатомбы жертвъ въ Марселѣ и Тулузѣ, а Талльекъ—въ Бордо. Въ Нантѣ другой комиссаръ, Каррье, организовалъ ужасныя поyades (массовыя потопленія), при которыхъ лица, заподозрѣнные въ роялизмѣ или умѣренныхъ взглядахъ, помѣщались въ лодки съ фальшивымъ дномъ и топились въ Луарѣ. Иногда въ этихъ случаяхъ обнаженныхъ мужчину и женщину связывали вмѣстѣ. Это называлось „республиканской свадьбой“. Революціонные комиссары или проконсулы разбѣжжали иногда по городамъ, возя за собой гильотину. Все это возмутительно, ужасно, безчеловѣчно,—скажутъ мнѣ, и это дѣйствительно такъ. Но все это нисколько не возмутительнѣе другихъ подобныхъ же событій, происходившихъ въ инныя эпохи, какъ, напр., ужасныя поступки версальцевъ въ Парижѣ въ 1871 году.

XIX.

Паденіе гебертистовъ.

Послѣ 10 августа и послѣдовавшихъ за нимъ событій, душой которыхъ былъ Дантонъ, этотъ послѣдній сталъ испытывать неудачи. Его мирные переговоры съ Англійей не привели ни къ чему, его попытки примирить

Гору съ Жирондой также не имѣли успѣха; со времени 2 июня онъ даже въ самомъ конвентѣ пересталъ играть значительную роль и, наконецъ, удалился съ молодой женой на нѣсколько недѣль въ свой родной городъ Арсасъ на Обѣ, откуда возвратился нѣкоторое время спустя, чтобы вмѣстѣ съ другомъ своимъ Демуленимъ начать походъ противъ системы террора. Слѣдуетъ замѣтить, что незадолго передъ тѣмъ былъ преобразованъ клубъ кордельеровъ, во главѣ котораго прежде стоялъ Дантонъ, при чемъ на этотъ разъ въ составъ клуба входили сплошь гебертисты. Въ началѣ декабря Камилль Демулени сталъ издавать новый журналъ „Старый башмачникъ“, съ жестокимъ сарказмомъ нападавшій на террористовъ, особенно на коммуны. Сначала Робеспьеръ одобрялъ выражавшіеся тамъ взгляды и чувства и даже просматривалъ и исправлялъ корректуры первыхъ номеровъ. Ему нравилось, что на гебертистовъ ведется такое рѣзкое нападеніе. Робеспьеръ, этотъ фатъ и педантъ, послѣдователь Руссо, былъ смертельно оскорбленъ атеизмомъ коммуны и самъ незадолго передъ тѣмъ произнесилъ въ якобинскомъ клубѣ громовыя рѣчи противъ почитанія разума. Питая честолюбивыя намѣренія стать французскимъ Вашингтономъ и рѣшившись добиться официальнаго признанія себя таковымъ со стороны европейскихъ державъ, онъ желалъ выступить передъ ними въ роли умѣреннаго человѣка, противящагося всякимъ излишествами, и тѣмъ добиться ихъ благосклонности. Кромѣ того, у комитета общественнаго спасенія было давно соперничество съ коммуной по поводу вліянія послѣдней, которое она имѣла благодаря своей „революціонной арміи“. Тѣмъ не менѣе, два товарища Робеспьера по комитету, Билло-Варенинъ и Колло д'Эрбуа, приходили въ ярость даже при мысли о смягченіи „террора“, и вообще это новое теченіе встрѣтило мало поддержки. Робеспьеръ, пользовавшійся тогда огромнымъ вліяніемъ, вдругъ испугался, какъ бы ему не показаться

слишкомъ умѣреннымъ, и вслѣдствіе этого въ его отношеніяхъ къ Демулени и прочимъ приверженцамъ Дантона стала проявляться нѣкоторая холодность.

Тѣмъ временемъ, гильотина ежедневно продолжала свою неустанную работу, и много славныхъ головъ пало уже подъ ея ударами. Среди нихъ укажемъ на Филиппа Орлеанскаго-Эгалите, бывшаго члена Горы и двоюроднаго брата короля; онъ былъ арестованъ какъ только сдѣлалось извѣстнымъ объ интригахъ Дюмурие съ сыномъ и обвиненъ вмѣстѣ съ жирондистами, но казнь его совершилась лишь въ это время. Въ ноябрѣ предъстала передъ судомъ и госпожа Роланъ. Она была осуждена и отправлена на площадь Революціи вмѣстѣ съ бѣднымъ типографомъ, котораго она старалась утѣшать дорогою. Прибывши туда, она потребовала перо и чернила, чтобы записать „странныя мысли, возникшія у нея“. Госпожа Роланъ была замѣчательная женщина, но, не говоря уже о ея политикѣ, cadaго отталкивали отъ нея ея постоянные педантизмъ и позировка, а еще болѣе ядовитая ненависть злословія на своихъ противниковъ. Она была первостепенная интриганка и практически вела тактику жирондистской партіи.

Бальи, первый мэръ Парижа при новомъ порядкѣ, былъ также въ числѣ казенныхъ. Пострадалъ также Барнавъ, вождь конституціоналистовъ въ учредительномъ собраніи.

Трупъ жирондиста Петіона, заступившаго послѣ Бальи мѣсто парижскаго мэра, былъ найденъ около этого времени въ лѣсу близъ С.-Эмильона, наполовину съѣденный волками. Головы бывшихъ министровъ и генераловъ также то и дѣло падали подъ ножомъ гильотины.

Но вернемся къ раздорамъ среди правительственныхъ партій. Въ немногихъ словахъ дѣло обогаяло слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны были гебертисты — представители коммуны и террора, съ другой стояли

приверженцы Дантона, представлявшие в значительной части партию конвента, враждебные и коммуны, и террору, желавшие немедленного установления конституции и полного господства конвента. Между этими двумя партиями находились оба комитета, при чем преобладал комитет общественного спасения. Члены комитетов в большинстве относились враждебно к власти коммуны, стоявшей у них на дороге, но были сторонниками системы террора или желали позволить конвенту устранить или ослабить их влияние.

Робеспьер послѣ нѣкотораго колебанія сталъ на сторону своего комитета—какъ противъ приверженцевъ Дантона, съ которыми онъ былъ до сихъ поръ въ дружескихъ отношеніяхъ, такъ и противъ гебертистовъ, къ которымъ всегда относился болѣе или менѣе враждебно. Борьба длилась отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ, и немало бурныхъ собраній происходило по поводу этой драмы „не на животь, а на смерть“ между санкюлотами, дантонистами и членами комитета въ клубѣ кордельеровъ, якобинцевъ и въ „секціяхъ“. Со времени преобразованія въ іюль комитета общественного спасенія, когда въ него вошли Билло-Вареннъ и Колло д'Арбуа, дантонисты потеряли свое влияние въ обоихъ комитетахъ. Походъ противъ гебертистовъ начался упраздненіемъ революціонныхъ армій въ провинціяхъ и декретомъ, запрещавшимъ коммуны посылать въ провинцію своихъ агентовъ; за этимъ послѣдовали соединенныя нападенія какъ въ самомъ конвентѣ, такъ и внѣ его на каждое дѣйствіе и каждую мѣру коммуны со стороны дантонистовъ, Горы и комитетовъ: якобинскій клубъ продолжалъ служить ареной борьбы между Робеспьеромъ и гебертистами. Тутъ Робеспьеръ по цѣлымъ ночамъ громилъ атеистическую нетерпимость, говорилъ, что атеизмъ аристократиченъ, такъ какъ нѣкоторые аристократы были атеистами, забывая, однако, указать на тотъ фактъ, что они хотѣли сохранить атеизмъ и

свободомысліе въ качествѣ исключительной привилегіи своего класса. Онъ говорилъ о необходимости вѣры въ высшее существо, какъ мстителя за угнетенную невинность, и т. д.

Накопецъ, между Робеспьеромъ и его товарищами по комитету, Билло и Колло, состоялось соглашеніе. Они должны были выдать своихъ старыхъ друзей гебертистовъ, а онъ—дантонистовъ. Предполагавшееся возстаніе, начатое „секціей“, носившей названіе „Маратъ“, въ пользу гебертистовъ не удалось, такъ какъ для этого былъ упущенъ удобный моментъ. Вслѣдствіе этого Гебертъ, Ронсенъ, Винсенъ, Клоотцъ, Моморо и другіе, уже ранѣе удаленные изъ клуба якобинцевъ, были арестованы и послѣ суда, назначеннаго лишь для виду, на котормъ они были обвинены въ полученіи денегъ отъ англійскаго правительства съ цѣлью дискредитировать республику, были отправлены 24 марта 1794 года на гильотину. Нѣсколько дней спустя очередь дошла и до бѣднаго Шометта.

Черезъ недѣлю Дантонъ, возвратившійся въ Парижъ по настоятельнымъ просьбамъ своихъ друзей и безуспѣшно пытавшійся уладить дѣло съ Робеспьеромъ, также былъ потребованъ въ революціонный трибуналъ.

Это былъ крупный и рѣшительный ударъ со стороны Робеспьера. Личное влияние Дантона въ соединеніи съ его ораторскимъ талантомъ почти уже обезпечили ему оправдательный приговоръ, какъ вдругъ Робеспьеръ спеціальнымъ закономъ, спѣшно проведеннымъ черезъ конвентъ, закрылъ ему ротъ, и Дантонъ вмѣстѣ съ своими друзьями Камилломъ Демуленомъ, Филиппо, Геро де-Сетеллемъ и другими былъ отправленъ на гильотину. Такъ революція, поистинѣ подобно Сатурну, пожирала своихъ собственныхъ дѣтей.

Когда мы въ первый разъ встрѣтились съ Робеспьеромъ, онъ былъ уже педантомъ и фатомъ, и при этомъ отталкивающимъ, но все-таки повидимому, руководился

въ своихъ дѣйствіяхъ такими же честными дѣлами, какъ и всякій другой вождь. Его заслуги дѣлу революціи въ ея критическіе моменты были дѣйствительны и неоспоримы. Но зародыши честолюбія и личные мотивы, всегда замѣчавшіеся въ немъ и раньше, росли съ ходомъ событій, такъ что въ періодъ, къ которому мы теперь подошли, онъ превратился въ чудовище, руководимое одной цѣлью—сдѣлаться диктаторомъ, и гstownъ былъ всѣхъ и вся принести въ жертву для достиженія этой цѣли. Убійство такихъ друзей, какъ Дантонъ и Демуленъ, съ которыми онъ работалъ въ самомъ тѣсномъ общеніи съ начала революціи, не имѣетъ себѣ въ исторіи равнаго примѣра по низости и предательству.

XX.

Правленіе Робеспьера.

Старая коммуна была теперь свергнута и всякая независимость въ конвентѣ заглушена. Нѣкоторая инициатива оставалась теперь только у комитета общественнаго спасенія, да и то въ незначительной степени по крайней мѣрѣ, во внутреннихъ дѣлахъ, такъ какъ вся власть и вліяніе перешли къ Максимилиану Робеспьеру, и его сторонникамъ. Главнымъ изъ нихъ были Кутонъ и Леба въ Парижѣ, С.-Жюсть и Лебонъ въ качествѣ комиссаровъ въ провинціяхъ. Городское управленіе (муниципалитетъ), послѣ того какъ большинство прежнихъ его членовъ были изгнаны или сложили свои головы на гильотинѣ, наполнено было подчиненными креатурами Робеспьера. Бельгійскій архитекторъ Флервоlesко замѣнилъ преданнаго ему и благороднаго Паша въ качествѣ мэра Парижа. То же самое происходило всюду. Клубъ кордельеровъ былъ закрытъ. Клубъ якобинцевъ удалось Робеспьеру низвести до степени своего приспѣшника. Конвентъ былъ не лучше. Одного взгляда „Непод-

купнаго“ (какъ называли Робеспьера) было достаточно, чтобы устранить всякую оппозицію.

Ростъ террора принялъ ужасающіе размѣры во всей Франціи, особенно же въ Парижѣ. Робеспьеръ руководилъ самъ департаментомъ полиціи. 22 преріаля (10 іюня) изданъ былъ по настоянію диктатора свирѣпый законъ, по которому лица, привлекаемые къ революціонному суду, раздѣленному теперь на четыре секціи, лишались права защиты. Это значило, что если прежде одна треть обвиняемыхъ получала оправданіе, то съ этого момента осуждались всѣ заключенные, въ крайнемъ случаѣ на основаніи общаго и неопредѣленнаго обвиненія въ „заговорахъ въ тюрьмѣ“, если ужъ ничего нельзя было противъ нихъ выставить. Женщины и мужчины судились теперь общественнымъ обвинителемъ (прокуроромъ) Фуке де-Тенвилемъ и судьями революціоннаго трибунала группами въ 50-60 человекъ сразу. Было бы ошибкой думать, что страдали, главнымъ образомъ, только зажиточные люди. Напротивъ, изъ 2750 жертвъ Робеспьера только 650 принадлежали къ высшимъ и среднимъ классамъ. Повозки, съ утра до вечера вращавшіяся между площадью Революціи и предмѣстьемъ С.-Антуана, были наполнены рабочими. Въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль правленія тирана въ одномъ Парижѣ было казнено 1125 человекъ. Такъ это преступное чудовище потопило самую революцію въ крови своихъ жертвъ. Марать уже предвидѣлъ послѣдствія самообожанія Робеспьера, когда во время рѣчи послѣдняго въ конвентѣ прошепталъ на ухо своему сосѣду, Дюбуа-Крансе: „Съ такими взглядами онъ сдѣлаетъ больше вреда, чѣмъ всѣ тираны вмѣстѣ взятые“.

Намѣреніе стать верховнымъ жрецомъ новой религіи возникло въ умѣ Робеспьера со времени паденія гебертистовъ. Послѣ многихъ рѣчей на эту тему въ якобинскомъ клубѣ, Робеспьеръ 18 мая, наконецъ, поднялся на трибуну въ конвентѣ и потребовалъ изданія декрета,

что „французскій народ признаетъ бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души“, а также устройства праздника въ честь этого Существа. Въ своей рѣчи онъ остановился на различіи между чистымъ деизмомъ и обычнымъ суевѣрнымъ культомъ, заявивъ, что вовсе не важно, доказуемо ли или просто вѣроятно и допустимо существованіе божества, что „въ глазахъ законодателя истина есть все, что полезно въ мірѣ и на практикѣ“, и т. д.

Потянулись депутаціи отъ новой робеспьеровской коммуны, отъ якобинцевъ и отъ секцій съ петиціями, чтобы конвентъ разрѣшилъ имъ возстановить культъ Бога и безсмертія. Постановленіе это было принято громомъ аплодисментовъ въ томъ самомъ конвентѣ, который 6 мѣсяцевъ передъ тѣмъ аплодировалъ введенію атеистическаго поклоненія разуму.

Нѣсколько дней спустя было произведено два покушенія на убійство, одно—оставшееся подъ сомнѣніемъ, другое несомнѣнное. Первое на Колло д'Эрбуа, на порогѣ его дома; второе—на самого Робеспьера. Къ нему въ его отсутствіе явилась молодая женщина, Секлія Рено, и пожелала видѣть его; она была арестована, и при ней были найдены кинжалы. Она была казнена на гильотинѣ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Одновременно съ ней были казнены на площади предмѣстья С.-Антуана, этого большого рабочаго квартала, 54 человекъ, одѣтые въ красное.

Наконецъ, насталъ знаменательный день 20 преріала (8 июня), назначенный для праздника въ честь Высшаго Существа. Конвентъ, якобинцы, секціи въ праздничныхъ костюмахъ двинулись цѣлой процессіей, при чудной лѣтней погодѣ, изъ Тюльерійскихъ садовъ; во главѣ процессіи шель Робеспьеръ въ небесно-голубомъ фракѣ и темныхъ брюкахъ, неся въ рукахъ огромный букетъ хлѣбныхъ растений, плодовъ и цвѣтовъ, заимствовавъ эти символы изъ язычества. Приблизившись къ импро-

визированному алтарю, на которомъ находились аллегорическія фигуры, долженствовавшія изображать атеизмъ, анархію и т. д., Робеспьеръ поджегъ ихъ факеломъ. Они исчезли, а изъ подъ ихъ пепла, благодаря особому механическому приспособленію, появилось изображеніе Высшаго Существа. „Неподкупный“ произнесъ цѣлыхъ три рѣчи, но надежды лицъ, ожидавшихъ, что онъ объявитъ о прекращеніи террора, рушились при его словахъ: „Будемъ сегодня веселиться, а завтра вновь примемся за борьбу съ врагами революціи“. Всѣ понимали, что это значить, и два дня спустя изданъ былъ упомянутый выше чудовищный законъ, и терроръ вошелъ въ свою послѣднюю и самую острую стадію своего развитія. Это разочарованіе народа въ своихъ надеждахъ послужило началомъ паденія популярности Робеспьера внѣ правительственныхъ сферъ. Подавленная ненависть и зависть давно уже возрастали противъ него въ конвентѣ, а въ комитетѣ общественного спасенія онъ былъ на ножкахъ со всѣми, кромѣ своихъ приспѣшниковъ. По поводу закона преріала комитетъ въ послѣдній разъ явился передъ конвентомъ во всемъ цѣломъ, объединенномъ. Фуке Тенвиль, общественный прокуроръ, самъ явился въ конвентъ съ жалобой на новый законъ, говоря, что онъ представляетъ собою просто доведеніе до вѣдѣности системы террора; ему отвѣтили, что законъ этотъ проведенъ былъ при протестѣ со стороны многихъ по настоянію Робеспьера. Отношенія были настолько натянуты, что съ этихъ поръ Робеспьеръ рѣдко посѣщалъ заведенія комитета, появлялся рѣдко даже въ самомъ конвентѣ, предоставивъ все Сень-Жюсту, Кутону и Леба. Раньше онъ аккуратно посѣщалъ якобинскій клубъ. Теперь онъ иначе не выходилъ изъ дому, какъ подъ охраной якобинцевъ, вооруженныхъ дубинками. Въ это время произошелъ одинъ случай, которымъ воспользовался Бареръ съ цѣлью высмѣять диктатора. Кромѣ того, Бильо-Вареннъ и Колло д'Эрбуа, прива-

занные еще къ старой коммуны и какъ сторонники культа разума, были оскорблены культомъ Высшаго Существа. „Tu commences à m'embêter avec ton Être Suprême“, сказали однажды Бильо въ сторону по поводу какой-то рѣчи Робеспьера. Для Робеспьера вопросъ ставился теперь вполне опредѣленно: aut Caesar, aut nullus—или пань, или пропаль.

XXI.

Термидоръ.

Для Робеспьера стало вопросомъ жизни и смерти низвергнуть враждебныхъ ему членовъ комитетовъ и добиться признанія себя диктаторомъ. Сенъ - Жюсть нѣсколько разъ пытался сдѣлать это въ интересахъ друга въ комитетѣ общественного спасенія, но безуспѣшно. Этотъ Сенъ - Жюсть, между прочимъ, былъ, вѣроятно, самымъ искреннимъ и горячимъ изъ всѣхъ сторонниковъ Робеспьера. Еще не достигнувъ 25 лѣтъ, онъ уже оставилъ въ революціи свой слѣдъ. Его большіе поэтическіе глаза, стройная и полная достоинства фигура, длинные темные волосы доставили ему прозвище „апокалиптического“. Надо было дѣйствовать безъ замедленія. Весь цѣликомъ комитетъ общественной безопасности и большинство комитета общественного спасенія были противъ Робеспьера. Слѣдовало попытаться счастья у конвента, а въ случаѣ неудачи объявить возстаніе во главѣ съ якобинцами и коммуной. И тѣ, и другіе были заранѣе приготовлены къ необходимости прибѣгнуть къ силѣ, если это потребуется для ихъ вождя, и былъ, дѣйствительно, составленъ заговоръ, руководителями котораго являлись Сенъ-Жюсть, Кутонъ, образовавшіе съ Робеспьеромъ такъ называемый триумvirатъ, мэръ Флерьо, „національный агентъ“ Пейанъ, Дума, президентъ и Коффиналь, вице-президентъ рево-

люціоннаго трибунала. Сенъ Жюсть очень поспѣшно былъ отозванъ Робеспьеромъ съ сѣвера, куда онъ былъ посланъ съ порученіемъ къ арміи. Узнавъ положеніе вещей, онъ посоветовалъ немедленно же произвести государственный переворотъ. Однако это было неосуществимо. Слѣдовало сначала попробовать почву въ конвентѣ, иначе не было бы никакого предлога для возстанія. И вотъ, рано утромъ 26 іюля (8 термидора) Робеспьеръ снова явился въ конвентъ и открылъ засѣданіе длинной и ловкой рѣчью, въ которой сдѣлалъ доносъ на комитеты и защищалъ себя во имя народнаго верховенства. Онъ закончилъ совѣтомъ произвести общую „чистку“ какъ въ комитетахъ, такъ и въ конвентѣ.

Робеспьеръ сѣлъ среди гробоваго молчанія. Ни одна го аплодисмента, ни слова одобренія не послѣдовало на его вызовъ. Тогда поднялся членъ конвента Лекуартъ и предложилъ отпечатать и распространить его рѣчь. Это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе, но все-таки прошло.

Члены комитетовъ, молчавшіе до сихъ поръ, приняли вызовъ. Они, въ свою очередь, напали на Робеспьера. Въ результатѣ, постановленіе объ отпечатаніи и распространеніи его рѣчи было приостановлено и передано въ комитеты для разсмотрѣнія. Робеспьеръ, удивленный неожиданнымъ сопротивленіемъ, покинулъ засѣданіе нѣсколько обезкураженный, не потерявъ, однако, окончательно надежды.

Вечеромъ онъ отправился въ якобинскій клубъ, снова прочелъ тамъ свою утреннюю рѣчь, которая, конечно, была встрѣчена громовыми аплодисментами. Комитеты, въ свою очередь, засѣдали всю ночь. Ни съ той, ни съ другой стороны ничего не было упущено за это время, чтобы обезпечить себѣ побѣду. Комитеты и Гора вели усѣпшныя переговоры съ Раванной, чтобы въ конвентѣ дѣйствовать сообща. До полудня слѣдующаго дня, 27 іюля (9 термидора),

Робеспьера бывший комиссаръ Таллиенъ выступилъ съ обвиненіемъ противъ и потребовалъ, чтобы „покрывало было сдернуто съ заговора“. Таллиенъ со всѣхъ сторонъ встрѣтилъ поддержку. Затѣмъ Вильо-Вареннъ заговорилъ о „подтасованныхъ“ (raeked) собраніяхъ якобинцевъ, объ угрозахъ противъ представителей народа и т. д. Въ этомъ мѣстѣ рѣчи Вильо весь конвентъ всталъ со своихъ мѣстъ и поклонялся, среди громовыхъ аплодисментовъ находившейся на галлереяхъ публики, защищать верховныя права народа. Всѣ глаза затѣмъ устремились на Робеспьера, который, наконецъ, бросился къ трибунѣ. Но ему не дали говорить. Крикъ „долой тирана!“ раскатами пронесся по всему залу. Таллиенъ, въ рѣзкой и непримиримой рѣчи, потребовалъ тогда ареста Генрію, командира обновленнаго парижскаго войска, а Вильо — ареста другихъ приверженцевъ Робеспьера. Обѣ эти мѣры были приняты конвентомъ. Робеспьеръ снова и снова попытался защищаться, но голосъ его тонулъ въ крикахъ: „Долой тирана“ и заглушался звономъ колокольчика президента. Онъ обернулся къ Равиннѣ, онъ обращался къ публикѣ на галлереяхъ, но нигдѣ не встрѣчалъ сочувствія, всюду видѣлъ враждебныя лица. Наконецъ, въ изнеможеніи онъ упалъ на стулъ съ пѣной у рта.

„Кровь Дантона душитъ этого негодяя“, вскричали одинъ изъ членовъ Горы. Со всѣхъ сторонъ требовали ареста Робеспьера. Его братъ, Августинъ Робеспьеръ, Кутонъ, Леба и Сень-Жюсть всѣ пожелали раздѣлить его участь и были, наконецъ, переданы въ руки жандармовъ. Въ тотъ моментъ, когда это стало извѣстно, въ Hôtel de Ville (городской думѣ), гдѣ засѣдали вмѣстѣ съ коммуной мэръ Пейанъ и Генрію, тотчасъ же были отданы приказанія закрыть входы, собраться секціямъ, ударить въ набатъ, забить въ барабанъ и объявить возстаніе. Артиллеристы получили приказы явиться на Гревскую площадь, у городской думы, а за революцион-

ными комитетами были отправлены гонцы, чтобы они дали клятву сражаться за возстаніе. Тѣмъ временемъ арестованные депутаты были освобождены своими сторонниками на пути въ тюрьму и съ торжествомъ отведены въ Hôtel de Ville (городскую думу).

Якобинцы, объявившіе свои засѣданія непрерывными, образовали подчиненный центръ возстанія. Генрію, бросившійся по улицамъ съ пистолетомъ въ рукѣ, призывая къ возстанію, былъ схваченъ двумя депутатами, и его уже вели къ комитетамъ, какъ его освободилъ Коффиаль во главѣ двухсотъ артиллеристовъ. Команду надъ ними тотчасъ же принялъ самъ Генрію и расположилъ ихъ въ боевой позиціи вокругъ конвента.

Собраніе, на нѣсколько часовъ прервавшее свои засѣданія, собралось снова. Было семь часовъ. „Граждане“, сказалъ президентъ, „для насъ насталъ моментъ умереть на свсемъ посту“. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе конвента было, повидимому, безнадежно. Почти тотчасъ же Генрію отдалъ приказъ стрѣлять, но.. странное дѣло: артиллеристы, бывшіе до этой минуты на сторонѣ инсургентовъ, заколебались, стали въ нерѣшительности и, наконецъ, отказались повиноваться. Въ рукахъ этихъ двухсотъ человекъ находилась судьба Франціи. Генрію поспѣшилъ къ городской думѣ. Тогда настала очередь конвента перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Отвѣтъ секцій на призывъ коммуны былъ тоже не вполне удовлетворителенъ. Дѣло въ томъ, что движеніе послѣднихъ двухъ дней было внезапнымъ даже и для Парижа и началось изъ-за раздоровъ внутри правительства, съ которымъ народъ былъ плохо знакомъ. Кромѣ того, непопулярность Робеспьера стала теперь общей. Хотя секціи и собрались въ девять часовъ, но ограничились тѣмъ, что послали къ коммунѣ за дальнѣйшими свѣдѣніями и справками.

Въ то время, какъ собравшіяся секціи обсуждали

вопросъ въ разныхъ кварталахъ города, къ нимъ явились делегаты отъ конвента и сообщили о дѣйствительномъ положеніи вещей. Онѣ не колебались болѣе, но, воружившись, немедленно, двинулись, только не на Гревскую площадь, но къ Тюльери, гдѣ, конечно, были встрѣчены съ большимъ энтузіазмомъ. Небольшой отрядъ съ нѣсколькими орудіями былъ оставленъ для охраны конвента, а прочіе отравились съ цѣлью напасть на главный центръ возстанія—городскую думу (Hôtel de Ville). Толпы, собравшіяся на улицахъ при звукахъ набата, видя что секціи не приходятъ, постепенно разсѣялись, и мѣсто передъ думой значительно спустило. Делегаты конвента объявили инсургентовъ виѣ закона, послѣ чего все разошлось по домамъ.

Въ это время изъ Тюльери явились вооруженныя секціи и съ крикомъ: „Да здравствуетъ конвентъ!“ заняли все входы. Инсургенты сразу поняли, что все пропало. Робеспьеръ попытался застрѣлиться, но пулей лишь раздробилъ себѣ черепъ. Братъ его бросился внизъ съ третьяго этажа. Леба застрѣлился изъ пистолета, Кутонъ зарѣзался. Коффиналь столкнулъ Генрио изъ окна въ водосточную трубу и попытался спастись. Одинъ только Сень-Жюсть съ достоинствомъ и спокойствіемъ ожидалъ своей участи.

Было около часа ночи. Заговорщики сначала были отравлены въ комитетъ общественной безопасности. Робеспьеръ лежалъ на носилкахъ въ ужасныхъ мученіяхъ, а окружающіе осыпали его насмѣшками, упреками и оскорбленіями, припоминая ему все его преступленія. Затѣмъ ихъ отвезли въ тюрьму Консьержи, а оттуда на слѣдующій день они явились предъ революціоннымъ трибуналомъ съ другими своими сообщниками. Они были осуждены и казнены въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера. Огромныя толпы народа съ криками, свистомъ и насмѣшками загроутили улицы, чтобы

посмотрѣть на осужденныхъ. Слышались неслышные намеки на будущее безсмертіе души Робеспьера.

Передъ домомъ, гдѣ прежде жилъ Робеспьеръ, процессія остановилась. Все глаза обратились на него, одѣтаго въ свой небесно-голубой сюртукъ, и насмѣшки, издѣвательства и упреки наполняли воздухъ. Ожесточеніе и ненависть, нараставшія въ теченіе послѣднихъ недѣль, вдругъ прорвались наружу и наши себѣ выходъ. Въ моментъ паденія у него было едва ли болѣе двухсотъ или трехсотъ настоящихъ приверженцевъ во всемъ Парижѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы смягчить или вовсе упразднить терроръ въ тотъ моментъ, когда, по минованіи опасности отъ иноземнаго вторженія, онъ уже не находилъ поддержки въ общественномъ мнѣніи, Робеспьеръ усилилъ его, при томъ же слишкомъ очевидно ради своихъ собственныхъ честолюбивыхъ цѣлей. Такимъ образомъ, онъ очень быстро превратился изъ самаго популярнаго въ самаго ненавистнаго человѣка для всей Франціи. Битва у Флерюса 26 іюня помогла Франціи снова завоевать Бельгію и устранила послѣднюю возможность иноземнаго вторженія. Поэтому все, кромѣ слѣбныхъ защитниковъ системы террора, рѣшились покончить съ нимъ, такъ какъ національная опасность, вызвавшая его появленіе, миновала.

Робеспьеру послѣднимъ пришлось взойти на эшафотъ. Когда палачъ Самсонъ сорвалъ окровавленную повязку, поддерживавшую его челюсть, ужасный крикъ боли вырвался у него. Это былъ единственный признакъ жизни, который онъ подавалъ со времени своего ареста. Въ тотъ моментъ, когда голова его пала подъ ножомъ гильотины, громъ рукоплескавій, длившійся нѣсколько минутъ, громко и далеко разнесся въ вечернемъ воздухѣ.

Такова была знаменитая революція „Термидора“.

XXII.

Реакція начинается.

Для нас теперь ясно, что падение Робеспьера означало конец террора, но приверженцы этой системы и комитеты не могли видеть этого. Бильо Варенн, Колло д'Эрбуа и Бареръ все еще рассчитывали проводить подобные мѣры, хотя и при помощи другихъ способовъ революціоннаго правленія. Но они съ каждымъ днемъ все больше и больше утрачивали свое вліяніе. Терроръ былъ упраздненъ и примѣненъ только къ „хвосту“ Робеспьера, членамъ коммуны, нѣкоторымъ главнымъ приверженцамъ его, якобинцамъ и т. д., которые въ теченіе немногихъ дней были казнены въ количествѣ около 150 человекъ. При томъ чувствѣ облегченія, какое овладѣло „санкюлотами“, подобно всѣмъ остальнымъ, когда они почувствовали себя освобожденными изъ-подъ Дамоклова меча Фуке де-Тенвиля и отъ безконечныхъ возвышенныхъ разговоровъ о „добродѣтели“, „суровости“, „неподкупности“, какими Робеспьеръ и его сторонники измучили всѣхъ,—они мало думали о томъ, что, въ сущности, былъ уже близокъ конецъ и самой революціи, поскольку она касалась рабочихъ классовъ Франціи. Дѣйствительно, реакція началась еще четыре мѣсяца назадъ, уничтоженіемъ гебертистовъ, партіи старой коммуны. Когда революція начинаетъ истреблять своихъ наиболѣе воодушевленныхъ сторонниковъ, судьба ея очевидно уже завершена. Робеспьеръ обвинялъ гебертистовъ въ коммунизмъ и безбожіи. Для человѣка, придумавшаго Верховное Существо и „декларацию правъ“, согласно которой „право собственности есть право всякаго гражданина пользоваться и располагать, какъ ему угодно, своимъ имуществомъ“, которая предупреждала также, „что торговля не должна встрѣчать препятствій“ и что никакая собственность не можетъ быть конфискована, даже съ общественными цѣлями, „безъ уплаты

справедливаго вознагражденія“,—для такого человѣка гебертисты были, безъ сомнѣнія, опасны. Говоря коротко, Робеспьеръ желалъ республики жеманнаго и чопорнаго средняго класса, типичнымъ представителемъ котораго былъ онъ самъ. Гебертисты же, особенно люди въ родѣ Шометта и Анахариса Клоотца, каковы бы ни были ихъ ошибки и заблужденія, стремились къ переменамъ и преобразованіямъ, болѣе заслуживающимъ борьбы и отстаиванія, чѣмъ только что указанныя. Идеалы были значительно болѣе широки и возвышенны, хотя идеи смутны и неопредѣленны. Да и какъ онѣ могли быть иными столѣтіе назадъ, когда крупная промышленность едва лишь возникала. Что же касается террора, то Робеспьеръ замѣнилъ нерегулярныя и послѣдовательныя дѣйствія коммуны въ этомъ отношеніи систематическимъ планомъ бойни, позволявшимъ ему съ удобствомъ отдѣлываться отъ личныхъ враговъ. Однако, даже Робеспьеръ не рѣшился настаивать на отмѣнѣ закона максимума и другихъ мѣръ, проведенныхъ подъ вліяніемъ коммуны съ цѣлью обезпечить сносное существованіе для рабочаго класса, хотя эти мѣры и противорѣчили выставленнымъ имъ принципамъ свободной торговли. Это осталось сдѣлать „термидоріанцамъ“.

Члены комитетовъ приняли помощь конвента при испроверженіи Робеспьера и его партіи. Но скоро оказалось, что конвентъ помогъ такой же рѣшимости избавиться отъ диктаторства комитетовъ, какъ сами комитеты—отъ диктаторства Робеспьера. На слѣдующій же день начались нападки на комитеты. Предложено было упраздненіе революціоннаго трибунала. На Барера, попытавшагося отстоять его, посыпались упреки въ томъ, что до 10 августа онъ былъ конституціоннымъ роялистомъ (стоялъ за конституціонную монархію). Тѣмъ не менѣе, пока конвентъ ограничился изданіемъ декрета, возбуждавшаго обвиненіе противъ Фуке Тенвиля, и отмѣной закона преріала.

Затѣмъ сами комитеты были преобразованы, и власть ихъ была сокращена. Парижская коммуна никогда уже не могла болѣе подняться со времени своего второго пораженія при Робеспьерѣ. Все подозрѣнные раньше лица мало-по-малу были освобождены изъ тюремъ. Но реакція не остановилась на упраздненіи террора. Она начала переѣдывать и разрушать всю работу „санкюлотовъ“. Прежде всего, вмѣсто ежедневныхъ собраній секцій имъ было позволено собираться одинъ разъ въ десять дней. Затѣмъ отмѣнена была ежедневная выдача въ двадцать су ихъ бѣднымъ членамъ. Далѣе, была отмѣнена законъ о максимумѣ. Были привлечены къ суду Лебонъ и Каррье (организаторъ нантскихъ потоплений — *pouyades*). Вскорѣ послѣ этого большинство прежнихъ членовъ комитетовъ или смирились или были исключены, а ихъ мѣста заняты термидоріанцами.

Фреронъ, бывшій членъ Горы, а теперь реакціонеръ, выпустилъ воззваніе, въ которомъ предлагалъ молодымъ людямъ высшихъ и среднихъ классовъ вооружиться тяжелыми дубинами для противодѣйствія санкюлотамъ. Предложеніе было съ жаромъ принято, и изобрѣтенъ былъ новый фантастическій костюмъ въ противовѣсъ карманьоль (особая фуфайка), костюму народной партіи. Открытая грудь, длинные волосы, надавшие сзади локонами, такъ называемые *cadnettes*, и низкіе башмаки составляли костюмъ *à la victime* (костюмъ жертвы) золотой молодежи, какъ она называлась. Каждый день происходили уличные драки между нею и якобинцами. Послѣдніе, хотя послѣ паденія Робеспьера и подверглись обычной „чисткѣ“ и, какъ подобаетъ, отправили въ конвентъ депутацію съ поздравленіемъ по поводу смерти „тирана“, чувствовали, однако, что отношенія ихъ къ господствующей партіи становятся все хуже и хуже.

Конвентъ уже давно упразднилъ обширную федерацію (союзъ) клубовъ, главой которой былъ якобинскій клубъ въ Парижѣ, произвольно воспретивъ дальнѣйшія

сношенія между центромъ и его провинціальными отдѣленіями. Въ то же время конвентъ отклонилъ также дальнѣйшій приемъ всякихъ депутацій. Тѣмъ не менѣе, клубъ продолжалъ служить центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивалось всякое революціонное вліяніе въ Парижѣ. Была произведена попытка освободить Каррье, хотя и неудачная, но породившая страшное смятеніе и поведшая къ временному приостановленію со стороны конвента засѣданій якобинскаго клуба. Однако, члены его, несмотря на это, собрались на слѣдующій день, но на собраніе попала „золотая молодежь“ и разогнала якобинцевъ. Тогда конвентъ немедленно закрылъ клубъ (12 ноября).

У термидоріанцевъ вначалѣ не было популярнаго революціоннаго имени, которое можно было бы противопоставить имени Робеспьера, и вотъ они избрали Марата. Дѣло въ томъ, что ему, по прощамъ Робеспьера изъ личной зависти, до сихъ поръ не были оказаны почести перенесенія его тѣла въ Пантеонъ, пресужденныя ему конвентомъ послѣ его смерти. Но незадолго передъ этимъ имя и репутація Марата, какъ все вообще, что имѣло нѣкоторое отношеніе къ пролетарской сторонѣ революціи, впало въ полную опалу реакціонной партіи; бюсты Марата всюду были разбиты, и имя его стало съ тѣхъ поръ прозвищемъ, синонимомъ злодѣя, по крайней мѣрѣ до сравнительно недавняго времени.

Декретъ объ изгнаніи дворянъ и священниковъ былъ отмѣненъ. Семьдесятъ три члена конвента, протестовавшіе въ свое время противъ изгнанія жирондистовъ, были освобождены изъ тюрьмы и возвращены въ конвентъ. Памятникъ, воздвигнутый противъ „Инвалидовъ“ (военнаго госпиталя) въ честь побѣды Горы надъ Жирондой, былъ разрушенъ. Вскорѣ послѣ этого немногіе изъ оставшихся вождей жирондистовъ, вышедшіе изъ своихъ убіжищъ, гдѣ они скрывались, были обратно приняты въ конвентъ, усиливъ своимъ присутствіемъ „умѣренную

партію“, образовавшуюся изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ различныхъ партій. Въ январѣ 1795 года церкви снова были открыты для христіанскаго богослуженія, хотя здѣсь соблюдалась извѣстная предосторожность, и значительныя ограниченія, касающіяся распространенія религіозныхъ вѣрованій, были сохранены. Продовольствіе арміямъ доставлялось теперь путемъ договоровъ и подрядовъ, а не путемъ отчасти реквизиціи, налагаемой на частную собственность, какъ до тѣхъ поръ. Конфискованныя имущества заподозрѣнныхъ и казненныхъ во время террора лицъ возвращались въ первомъ случаѣ имъ самимъ, а во второмъ—ихъ ближайшимъ родственникамъ.

XXIII.

Реакція усиливается.

Реакція съ каждымъ днемъ все усиливалась. Невѣжество новаго „блага террора“ въ Парижѣ обрушилось теперь на другихъ вождей, кромѣ Каррье и Лебона, которые оба погибли на гильотинѣ. Эти другіе были наши старые знакомые Бильо Варенинъ, Колло д'Эрбуа и Бареръ, вмѣстѣ еще съ однимъ членомъ комитета—Вадье. Сочувствующая имъ демонстрація, организованная рабочими предмѣстій С.-Антуанъ и С.-Маркъ, несколько не помогла дѣлу. 21 марта (1 жерминаля) они предстали передъ конвентомъ, и разбирательство длилось девять дней.

Несмотря на благородную защиту обвиненныхъ со стороны уцѣлѣвшихъ въ конвентѣ членовъ Горы, дѣло клонилось къ ихъ осужденію, когда еще разъ вѣрные рабочіе кварталы попытались отстоять ихъ и толпой хлынули къ конвенту съ криками: „Хлѣба, конституціи 93 года и свободы патріотовъ!“ Эта попытка тоже окончилась неудачей. Впрочемъ, быть можетъ, страхъ передъ народнымъ недовольствомъ помѣшалъ конвенту произвести

надъ обвиняемыми смертный приговоръ въ это время. Онъ ограничился тѣмъ, что осудилъ ихъ на ссылку въ Кайенну, гдѣ Колло заболѣлъ желтой лихорадкой и умеръ; а Бильо развлекался воспитаніемъ негровъ и ручныхъ попугаевъ.

Затѣмъ дошла очередь до Фукье Тенвиля и членовъ революціоннаго трибунала. Они были осуждены и казнены въ началѣ мая. „Гдѣ теперь тѣ вереницы жертвъ, которыя ты отправлялъ на гильотину?“—насмѣшливо воскликнулъ одинъ изъ толпы, когда Фукье поднимался на эшафотъ. „Негодная каналья“, отвѣтилъ онъ, „развѣ теперь, безъ нихъ, твой хлѣбъ сталъ дешевле?“ Дѣйствительно, экономическое положеніе было ужасно. Отмѣна закона о максимумѣ и принудительный курсъ (сращеніе денегъ) породили отчаянный кризисъ. Стоимость 5.000 франковъ ассигнаціями упала до 20 франковъ серебромъ или золотомъ. Барышничество, мошенничество и эксплуатація всевозможнаго рода достигли высшихъ предѣловъ. Никогда голодная смерть не поглощала столькожъ жертвъ, какъ въ это время. Смерть на гильотинѣ смѣнилась теперь смертью отъ голода. Толпы у булочныхъ были даже больше, чѣмъ передъ революціей. Съ горестью оглядывались предмѣстья С.-Антуанъ и С.-Маркъ на то время, когда при коммунахъ и комитетахъ у нихъ были и извѣстный достатокъ, и власть.

Последнее народное возстаніе (если не считать неудавшагося заговора Бабефа) произошло 20 мая (1 преріала) этого же, 1795 года, и представляло изъ себя определенное и хорошо организованное движеніе. Но и оно ни къ чему не привело за недостаткомъ вождей и прочной силы. Главными требованіями попрежнему были: „Хлѣба, конституція 93 года, освобожденія всѣхъ арестованныхъ патріотовъ!“ Предмѣстья въ полномъ вооруженіи двинулись на конвентъ, который былъ захваченъ врасплохъ, такъ какъ ежедневно повторявшіеся беспорядки помѣшали ему во-время замѣтить подгото-

вление вооруженнаго и организованнаго возстанія. Двери были выбиты и санкюлоты ворвались внутрь конвента. Обитые сначала, они вернулись вновь въ большемъ количествѣ и стали стрѣлять въ предсѣдателя, Буассе д'Англа. Одинъ изъ депутатовъ, Феро, бросившійся впередъ, чтобы прикрыть его, былъ зарубленъ саблями и голова его надѣта на пику. Всѣ депутаты бѣжали, исключая группы, составлявшей ядро прежней Горы, въ числѣ около 60. Раммъ (составитель республиканскаго календаря) занялъ мѣсто предсѣдателя, и всѣ требованія инсургентовъ были быстро проголосованы и приняты одно за другимъ.

Тѣмъ временемъ, „секціямъ“ занятыхъ кварталовъ, не принимавшимъ участія въ возстаніи, было общено обо всемъ происшедшемъ, и онѣ преспокойно окружали Тюльери. Въ концѣ концовъ, организованный стрядъ золотой молодежи ворвался въ зданіе и штыками выгнать оттуда смутившихся инсургентовъ. Депутаты вернулись на свои мѣста. Всѣ только что проведенные декреты были отменены. Члены Горы были арестованы, какъ соучастники инсургентовъ, и тайно высланы изъ Парижа. Но санкюлоты не считали себя окончательно побитыми. На слѣдующій день они снова собрались во внѣшнихъ предмѣстьяхъ и двинулись къ конвенту, на этотъ разъ захвативъ съ собою пушку. Внутреннія городскія секціи, также съ оружіемъ въ рукахъ, двинулись на Карусельную площадь, чтобы защищать конвентъ. Пушка, привезенная изъ предмѣстій, уже была направлена на Тюльери, когда конвентъ послалъ делегатовъ для переговоровъ съ инсургентами. Ихъ требованія встрѣтили какъ будто благопріятный пріемъ, но окончательно ничего общаго не было. Этого, однако, было достаточно, чтобы санкюлоты перестали быть насторожѣ. Не имѣя за собой рѣшительной коммуны или энергичнаго к мандира, какъ это было 31 мая 1793 года, они ушли назадъ, удовлетворившись нѣсколькими неопредѣленными

примирительными фразами. Этотъ шагъ оказался роковымъ какъ для самаго возстанія, имѣвшаго въ началѣ дня полныя шансы на успѣхъ, такъ — какъ показали дальнѣйшія событія — и для всего дѣла демократіи.

Нѣсколько дней спустя убійца Феро, привлеченный къ суду и осужденный на смерть, на пути къ мѣсту казни былъ освобожденъ народомъ и съ триумфомъ отнесенъ въ предмѣстье. Тогда конвентъ приказалъ отобрать у нихъ оружіе. Внутреннія городскія секціи окружили на слѣдующій день рабочіе кварталы, чтобы привести въ исполненіе декретъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны предмѣстій это имъ удалось. Предмѣстья сдались безусловно вмѣстѣ съ оружіемъ и пушкой.

Рабочіе классы Парижа были низведены теперь до степени невооруженной толпы, и организованное возстаніе стало для нихъ теперь невозможно и отошло въ область преданія. Роялизмъ снова вошелъ въ моду. На защиту его стали открыто выступать въ газетахъ, общественныхъ собраніяхъ и даже въ самомъ конвентѣ, хотя здѣсь онъ оставался въ меньшинствѣ. Тѣмъ временемъ „бѣлый терроръ“ свирѣпствовалъ въ провинціяхъ еще хуже, чѣмъ въ Парижѣ. Особенно югъ сталъ ареной массовыхъ избіеній всѣхъ заподозрѣнныхъ въ сочувствіи революціоннымъ принципамъ. Банды возвратившихся „эмигрантовъ“ и молодыхъ людей достаточныхъ классовъ, носившія названія „товарищество Иисуса“, „товарищество солнца“ — убивали всѣхъ дѣйствительныхъ или только подозрѣваемыхъ революціонеровъ, какихъ только они могли найти. Якобинцы за послѣднія недѣли арестовывались массами. Двери въ тюрьмахъ были выбиты и всѣ „санкюлоты“ перебиты. Въ Лионѣ триста якобинцевъ были заперты въ сарай, который былъ затѣмъ подожженъ, и такъ какъ кругомъ стояла плотная цѣпь людей, то они сгорѣли всѣ до одного. Въ Тарантонѣ сотни жертвъ были сброшены со скалы въ Рону. Такое положеніе вещей тянулось въ теченіе нѣсколькихъ не-

дѣль безъ малѣйшихъ попытокъ со стороны властей остановить измѣненіе. Многіе писатели, подробно и усердно распространявшіеся по поводу „ужасовъ Французской революціи“ и злодѣяній „черни“, благоразумно проходили молчаніемъ еще болѣе отвратительные ужасы реакціи и подвиги среднихъ классовъ. Весьма достойно замѣчанія, что многіе изъ наиболѣе ярыхъ реакціонеровъ эпохи термидора были нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наиболѣе яркими революціонерами и, во многихъ случаяхъ, какъ это было съ Фрерономъ, Фуше и Тальскомъ, наиболѣе свирѣпыми дѣятелями „террора“.

Въ Парижѣ ободренные своей безнаказанностью роялисты подѣ конецъ даже задумали возстаніе противъ конвента, находя, что имъ едва ли удастся образовать въ немъ себѣ большинство. Ближайшимъ случаемъ къ тому представлялись условія, при которыхъ конвентъ долженъ былъ быть распущенъ. Новая конституція, принятая имъ, была очень похожа на конституцію 1791 года. Въ нее, конечно, снова введенъ былъ имущественный цензъ для избирателей и косвенная (не прямая) подача голосовъ, двѣ палаты, совѣтъ пятисотъ и сенатъ изъ 250 членовъ, и все это завершалось исполнительнымъ комитетомъ, или Директоріей, изъ 5 членовъ, имѣвшей власть назначать шесть министровъ. Избирательное раздѣленіе Франціи было преобразовано въ анти-демократическомъ направленіи. Благодаря такой конституціи роялисты расчитывали получить большинство въ слѣдующемъ парламентѣ и были горько разочарованы, когда конвентъ постановилъ, что двѣ трети новаго собранія должны быть избраны изъ числа его собственныхъ членовъ. Отсюда—огорченіе роялистовъ и возстаніе зажиточныхъ и хорошо вооруженныхъ роялистскихъ секцій противъ конвента 5 октября 1795 г. (13 вандемьера III года республики), подавить которое Баррасомъ было поручено молодому артиллерійскому офицеру, по имени Наполеонъ Бонапартъ. Возложенную на него

задачу молодой артиллерійскій офицеръ выполнилъ надлежащимъ образомъ вечеромъ въ тотъ же день при помощи хорошо направленного орудія.

XXIV.

Заговоръ Бабефа и конецъ Французской революціи.

Возстаніе, бывшее въ вандемьерѣ (октябрѣ), вызвало нѣкоторую задержку въ реакціи, которая до этого времени безпрепятственно разрасталась.

Большинство конвента какъ ни боялось возврата настоящаго революціоннаго правленія, слишкомъ тѣсно политически и экономически было связано съ революціей, чтобы допустить полное возвращеніе къ старому режиму (порядку). Оно желало плутократической республики (республика богатыхъ), въ которой деньги заняли бы мѣсто прежнихъ привилегій и зажиточные средніе классы взяли бы въ свои руки власть, принадлежавшую прежде старому дворянству и королю. И новая конституція, съ ея „совѣтомъ пятисотъ“, „сенатомъ старѣйшихъ“, „Директоріей“, избирательной системой, основанной на имущественномъ цензѣ, повидимому, превосходно была расчитана на это. 26 октября національный конвентъ объявилъ себя распущеннымъ, просуществовавъ три года и одинъ мѣсяць, были произведены новые выборы, и вскорѣ послѣ этого установлена Директорія.

Однимъ изъ послѣдствій событій 5 октября (13 вандемьера) явилась болѣшая терпимость по отношенію къ народной партіи, многіе изъ членовъ которой въ этотъ достопамятный день взяли за оружіе для борьбы съ общимъ врагомъ—роялистами. Демократы учредили клубъ въ Пантеонѣ съ цѣлью обсужденія политическихъ вопросовъ, и новое правительство, т.-е. Директорія, нѣко-

торое время оставляло его совершенно въ покоѣ. Главой этого клуба былъ Грахъ Бабефъ, прозванный „трибуномъ (защитникомъ) народа“. Во время террора онъ занималъ въ правительствѣ невидный постъ и до сихъ поръ не игралъ никакой важной роли въ революціи.

Народу въ Пантеонѣ съ каждымъ днемъ собиралось все больше и больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и вліяніе Бабефа. Члены клуба рѣшились, наконецъ, являться на засѣданіе вооруженными, и скоро стали распространяться слухи о готовящемся возстаніи. Директорія встревожилась и 26 февраля 1796 г. (8-го вантоза въ IV годъ республики) внезапно закрыла Пантеонъ и запретила дальнѣйшія собранія клуба. Послѣдователи Бабефа, въ ихъ числѣ остатки старой коммуны и комитетовъ, а также всѣ старые якобинцы задумали тогда настоящій заговоръ и постарались привлечь на свою сторону „поллицейскій легіонъ“, но и здѣсь Директорія перехитрила ихъ, немедленно обезоруживъ и распустивъ этотъ отрядъ. Бабефисты (какъ ихъ называли) стали тогда собираться тайно въ зданіи, называемомъ ими „Храмомъ Разума“, и стали принимать мѣры къ подготовленію организованнаго возстанія и нападенію на правительство. Въ короткое время имъ удалось объединить большую часть революціонныхъ элементовъ Франціи.

Рѣшено было образовать новый конвентъ, ядро котораго должны были составить остатки партіи Горы, уцѣлѣвшіе отъ казней, ссылокъ и измѣны. Вооруженныя банды должны были внезапно двинуться изъ разныхъ пунктовъ на Директорію и совѣты. Бабефисты были увѣрены въ войскахъ, расположенныхъ въ Гренельскомъ лагерѣ, и офицеръ по имени Гризель былъ посвященъ въ ихъ планы. Все было подготовлено къ ночи, въ которую рѣшено было начать возстаніе. Предполагалось выставить два знамени, одно съ надписью „Конституція 1793 года, свобода, равенство и общее счастье“, а другое съ девизомъ: „Тѣ, кто захватываютъ высшую власть,

должны быть преданы смерти свободными людьми“. Уже заранѣе былъ условленъ сигналъ для начала дѣйствій. Внезапно вожаки были захвачены и арестованы въ помѣщеніи, гдѣ они совѣщались (10 мая). Они были преданы Гризелемъ. Бабефъ, находясь въ тюрьмѣ, писалъ членамъ Директоріи, предлагая имъ компромиссъ. Тѣмъ не менѣе, онъ и другіе инициаторы заговора привлечены были къ новому верховному суду въ Вандомѣ.

Пока они все еще ожидали суда, 7 сентября ихъ приверженцы въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, произвели вооруженное нападеніе на Люксембургъ, дворецъ Директоріи, но были отбиты гвардіей, стоявшей тамъ для его защиты. Отсюда они направились въ Гренельскій лагерь, въ надеждѣ призвать къ возстанію войска, но не имѣли успѣха и здѣсь, встрѣтивъ рѣшительный отпоръ. Произошла ожесточенная свалка, кончившаяся полнымъ пораженіемъ инсургентовъ, оставившихъ на мѣстѣ столкновѣнія много убитыхъ. Это была послѣдняя попытка демократіи завоевать себѣ прежнее положеніе.

Почти всѣ вожди и организаторы бабефистскаго движенія были казнены по приговору военныхъ судовъ, и множество другихъ лицъ было арестовано и изгнано изъ Франціи. Самъ Бабефъ и Дарте, бывшій секретарь Лобона, послѣ мужественной защиты на судѣ, въ которой они открыто высказывали свои принципы, закололи себя кинжалами, услышавъ приговоръ. Цѣли Бабефа и его послѣдователей были вполне опредѣленно и явно коммунистическими, чего нельзя сказать ни про одну изъ революціонныхъ партій. Самъ Бабефъ (котораго, вмѣстѣ съ Маратомъ, Шометтомъ, Клоотцемъ и Пашемъ можно считать однимъ изъ благороднѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ народныхъ вождей эпохи), хотя и былъ по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ первымъ утолическимъ социалистомъ, предвосхитилъ, однако, одинъ изъ основныхъ принциповъ новѣйшаго социалистическаго движенія, а именно—необходимость захвата политической власти.

Съ окончательнымъ уничтоженіемъ, въ сентябрѣ 1796 года, партіи Бабефа, послѣ чего французская демократія не могла уже болѣе оживиться и вытунить въ новомъ движеніи, Французская революція, какъ опредѣленное событіе исторіи, можетъ считаться оконченной. Съ момента созыва генеральныхъ штатовъ въ маѣ 1789 года до сентября 1796 года прошло лишь немногимъ больше семи лѣтъ, но что пережили за это время Франція и Европа! Съ тѣхъ поръ, когда Камилль Демуленъ произносилъ свою знаменитую рѣчь въ садахъ Пале Рояля въ жаркій июльскій день 1789 года, когда революціонный пылъ казался былъ направленъ на общую всѣмъ, единую цѣль—сколько партій погибло, сколько энтузіазма встухнуло и погасло.

Вмѣстѣ съ неудавшейся попыткой бабефистовъ, революціонный пылъ испустилъ послѣдній вздохъ. Буржуазія (средніе классы) побѣдила: время пролетаріевъ, несмотря на краткосрочное обладаніе властью въ теченіе революціонныхъ годовъ, еще не пришло.

Событія, послѣдовавшія за гибелью бабефистскаго движенія, можно разсказать въ немногихъ словахъ. Населеніе Парижа и другихъ крупныхъ городовъ постепенно погрузилось въ обыденную частную жизнь, полную суроваго труда, и перестало интересоваться общественными дѣлами. Зажиточные классы занялись всякаго рода спекуляціями и сумасбродствами. Новая республика среднихъ классовъ съ каждымъ днемъ по видимому все упрочивалась. Она достигла процвѣтанія внутри подъ директоратомъ Барраса и его товарищей, въ числѣ которыхъ былъ Карно, и извѣнъ при новомъ главнокомандующемъ, Бонапартѣ. Завоеваніе слѣдовало за завоеваніемъ. Новыя республики, по образцу французской, точно грибы послѣ дождя появились въ Голландіи, Лигурии, Ломбардіи, Сардиніи, Швейцаріи и т. п. Однако, новые выборы въ маѣ 1797 г. дали въ совѣтахъ роялистское большинство, вслѣдствіе чего Баррасъ и

большая часть членовъ Директоріи въ сентябрѣ, когда дѣло дошло до кризиса, должны были прибѣгнуть къ помощи арміи подъ командой генерала Ожеро, чтобы подѣйствовать страхомъ на законодательныя учрежденія. Это удалось, и большое число ихъ членовъ, въ томъ числѣ остатки прежней партіи Дантона, были изгнаны за роялистскія интриги съ цѣлью ниспровергнуть республику. Карно и Бартеlemi были удалены изъ Директоріи.

Послѣдняя фактически стала диктаторствовать, при чемъ главнымъ диктаторомъ былъ Баррасъ.

Большинство державъ, утомленныя неудачной войной рады были заключить миръ. Англія вскорѣ оказалась одной, ведущей войну. Но Директорія, безъ денегъ, и имѣя всю опору лишь въ арміи, не могла достигнуть полного прекращенія военныхъ дѣйствій. Бонапартъ, покончивши съ войной на материкѣ, вернулся въ это время въ Парижъ самымъ популярнымъ человекомъ Франціи. Баррасъ, чувствуя, что его присутствіе въ странѣ опасно, предложилъ ему сразу же взять на себя задачу усмирить Англію. Онъ съ готовностью согласился, и результатомъ былъ блестящій походъ въ Египеть, предпринятый имъ въ видахъ на Индію. Выборы 1798 г., оказавшіеся не въ примѣръ предшествовавшему году слишкомъ радикальными, чтобы понравиться Директоріи, были отмѣнены, но выборы слѣдующаго, 1799 г., имѣли такой же исходъ.

Тѣмъ временемъ составила новая коалиція державъ, главную роль въ которой играла Россія. Непопулярная Директорія не могла долше противостоятъ общественному мнѣнію. Между различными партіями начались ни къ чему не приведшіе переговоры и правительство внутри страны находилось въ полномъ замѣшательствѣ, когда на сценѣ внезапно появился Бонапартъ, оставившій армію подъ начальствомъ Клебера. Тотчасъ же составилъ заговоръ, руководимый

старымъ конституціоналистомъ Сійесомъ, съ цѣлью передать диктаторскую власть въ руки удачливаго генерала. Сенать, обманутый сообщеніемъ о возникшемъ якобы въ департаментахъ якобинскомъ возстаніи, грозившемъ будто бы скоро достигнуть Парижа, согласился издать декретъ о перенесеніи засѣданій обѣихъ законодательныхъ палатъ во дворець въ Сень-Клу, около Парижа, и поставить Бонапарта во главѣ военныхъ силъ столицы.

Это было 9 ноября 1799 года (18 брюмера VII г. респубки). На слѣдующій день законодательныя учрежденія перешли въ Сень-Клу. „Совѣтъ старѣйшихъ“ собрался въ „Марсовой галлерей“, одной изъ залъ дворца, а совѣтъ пятисотъ—въ „Оранжевъ“. Совѣтъ пятисотъ единодушно поклялся въ вѣрности существующей конституціи, отказавшись утвердить властей, назначенныхъ „Совѣтомъ старѣйшихъ“. Бонапартъ былъ удаленъ съ криками: „Долой тирана!“ и т. д. Его братъ, Люсьенъ Бонапартъ, предсѣдательствовавшій здѣсь, вида, что ничего нельзя сдѣлать, вышелъ изъ собранія и обратился къ войскамъ, заявляя, что собраніе загнано меньшинствомъ, обважившимъ кинжалы. Тогда Наполеонъ отдалъ приказъ войскамъ очистить „Оранжеву“, что и было немедленно исполнено. Такъ возникло Консульство. Отъ него до принятія императорской короны въ 1804 г. было всего одинъ шагъ.

XXV.

Национальная собственность.

Нельзя надлежащимъ образомъ оцѣнить ходъ Французской революціи, не принявъ въ соображеніе результаты конфискаціи собственности дворянства и духовенства. Въ конституціи Директоріи 1795 г. (III годъ республики) мы читаемъ въ параграфѣ 374: „Француз-

ская нація заявляетъ, въ видѣ гарантіи общественнаго довѣрія, что послѣ законнаго присужденія національныхъ имуществъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, законно пріобрѣтшее ихъ лицо не можетъ быть лишено правъ владѣнія“. Та же статья, лишь слегка видоизмѣненная, введена въ консульскую конституцію 1800 и въ конституцію имперіи 1804 года. Въ этихъ параграфахъ заключается больше, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Они являются результатомъ и санкціей цѣлаго ряда переходовъ національной собственности, благодаря которымъ зажиточная плутократія утвердилась на развалинахъ старой феодальной аристократіи Франціи.

Прежде всего, подлежала продажѣ церковная собственность. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что она сохранялась для бѣдныхъ, но прежде всего ею распорядились не для этой цѣли, а для уменьшенія государственнаго долга и для спасенія государства отъ финансоваго разоренія. Продажа началась въ 1789 году, а наибольшее оживленіе ея падаетъ на періодъ съ августа 1790 года до января 1791 года. Французскія, англійскія, голландскія компаніи спорили другъ съ другомъ изъ-за добычи, и лишь сравнительно мало участковъ пришлось на долю крестьянства, такъ какъ не установлено было никакихъ ограниченій для количества земли, переходившей въ руки одного покупателя. Продажи производились тѣмъ легче, что уплачивать надо было сравнительно незначительный процентъ покупной суммы. Когда насталъ срокъ для второго платежа, то денегъ, принимая во вниманіе значительные размѣры покупокъ, въ большинствѣ случаевъ оказывалось недостаточно. Это заставило многихъ спекулянтовъ сочувствовать революціи и всѣхъ ихъ—паставать на войнѣ съ иноземными державами, такъ какъ оба эти обстоятельства могли послужить достаточными поводами для отсрочки платежей. Война была, дѣйствительно, объявлена въ апрѣлѣ 1792 года, а въ августѣ пала монархія. Послѣ этого событія

рѣшено было, что земли и собственность эмигрировавших аристократовъ, попавшія теперь на рынокъ, не должны продаваться массами, огульно, какъ это было съ церковной собственностью, но должны быть надлежащимъ образомъ раздѣлены на мелкіе участки, которые на благоприятныхъ и легкихъ условіяхъ могли бы быть арендованы или куплены мелкими землевладѣльцами.

Впрочемъ, эта уступка со стороны среднихъ классовъ была просто слѣдствіемъ ихъ страха передъ грозившимъ иноземнымъ нашествіемъ. Лишь только армія Дюмурие отбѣсила непріателя, какъ конвентъ объявилъ, что распредѣленіе общественныхъ земель должно быть отложено на неопредѣленный срокъ въ виду трудности этой операціи. Въ теченіе зимы 92—93 г. движимыя имущества эмигрантовъ перешли въ руки спекулянтовъ и комиссіонеровъ путемъ позорной продажи. Злоупотребленія были настолько вопіющіе, что конвентъ рѣшилъ вступить, но безъ особенныхъ результатовъ. Послѣ паденія жирондистовъ снова было предписано распредѣленіе земель между крестьянами. Но тутъ началась новая большая война, и вся Франція на нѣкоторое время превращена была въ военный лагерь. Исключительныя мѣры были лозунгомъ момента, и поэтому произошло сравнительно мало передачъ мелкихъ земельныхъ участковъ. Это, однако, не помѣшало дальнѣйшей конфискаціи земель и движимыхъ имуществъ дворянъ и подозрительныхъ лицъ продолжаться еще въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ прежде. Но теперь уже различные агенты правительства, благодаря своему умѣнию обдѣлывать дѣла, составили себѣ обширныя состоянія въ департаментахъ изъ этихъ земель и имуществъ. Двѣ трети домовъ въ Парижѣ были теперь „національной собственностью“. Конвентъ издалъ декретъ, чтобы извѣстное количество имуществъ, цѣнностью въ одинъ миллиардъ, было сохранено для гражданъ солдатъ, вер-

нувшихся послѣ войны. Этотъ миллиардъ — едва ли объ этомъ стоитъ и упоминать — такъ до ко. ца и остался однимъ лишь обѣщаніемъ.

Комитетъ общественнаго спасенія въ началѣ 94 года приступилъ къ продажѣ конфискованныхъ земель, но, рекомендуя, чтобы при этомъ былъ принятъ принципъ правильнаго распредѣленія, не сталъ, однако, настаивать на немъ, вслѣдствіе чего обширныя пространства общественной земли продавались цѣликомъ, огуломъ, какъ и прежде, но на этотъ разъ перешли во владѣніе новаго класса грабителей, а именно — поставщиковъ на армію, уже составившихъ себѣ круглыя состоянія благодаря контрактамъ, заключаемымъ съ государствомъ. Послѣ термидора все это продолжалось еще въ болѣе широкомъ размѣрѣ.

Робеспьеръ черезъ своего агента Сень-Жюста провѣлъ декретъ, чтобы нуждающіеся патриоты были вознаграждены изъ имуществъ „враговъ революціи“, но этотъ декретъ проведенъ былъ съ единственной цѣлью поддержать его популярность среди народа; доказательствомъ тому служитъ фактъ, что онъ никогда не пытался привести его въ исполненіе.

Наступило 9 термидора, а городской рабочей классъ такъ и не притронулся къ имуществамъ эмигрантовъ, духовенства или подозрительныхъ лицъ, крестьянству же пришлось удовольствоваться немногими клочками и подачками въ видѣ распредѣленія общинныхъ земель. Барреръ сказалъ, что они чеканили монеты на площади Революціи, но ужъ, конечно, рабочей классъ нельзя обвинять въ участіи въ этихъ неблаговидныхъ барышахъ. Такимъ образомъ, даже въ то время, когда народныя массы были номинально у власти, среднему классу удалось „облагородить революцію“.

Послѣ возстанія термидора торговля „національной собственностью“ продолжалась еще съ болѣе широкимъ безстыдствомъ. Однако, когда былъ отмѣненъ законъ мак-

симула, плутократія сошла на это время гораздо болѣе въ своихъ интересахъ устроить нѣкоторую продѣлку съ деньгами, чѣмъ покупать землю, хотя и по нищенской цѣнѣ. Благодаря фактически неограниченному выпуску бумажныхъ денегъ имъ удалось свести стоимость ассигнацій чуть не къ нулю. Барышничество необходимыми жизненными припасами, особенно зерновымъ хлѣбомъ, бывшее непосредственной причиной различныхъ возстаній послѣ термидора вплоть до заговора Бабефа, служило также громаднымъ источникомъ прибыли. Открытіе биржи, отказъ признать конфискованныя земли обезпеченіемъ вынужденныхъ ассигнацій послѣдовали затѣмъ въ обычномъ порядкѣ вещей, при чемъ послѣднее представляло случай самаго безстыднаго надувательства. Устроены были лотереи, на которыхъ разыгрывалась „національная собственность“. Одинъ депутатъ имѣлъ даже безстыдство предложить отобрать земли, уже распределенныя между крестьянствомъ. Это, впрочемъ, показалось слишкомъ рискованнымъ. Тѣмъ временемъ поѣзды армій Бонапарта открыли новое широкое поприще для всякихъ видовъ спекуляціи при помощи „контрактовъ“ на доставленіе припасовъ для войскъ. Прекращеніе войны повстинѣ было бы горстью для развивавшейся французской плутократіи. При Директоріи эксплуататоры снова набросались на еще нетронутыя территоріи. Теперь все было въ ихъ рукахъ. Ничего они не оставили въ покоѣ, чтобы свести на-нѣтъ рыночную цѣну этой собственности. Суммы, выплачиваемыя обезцѣненными бумажными деньгами, принимаемыми по ихъ номинальной цѣнѣ, были во многихъ случаяхъ прямо смѣхотворны.

Но, оказывается, не всё еще средства и способы грабежа были исчерпаны. Поставщики для армій отказались принимать въ уплату ассигнаціи, но стали настаивать на томъ, чтобы значительныя суммы были занесены въ ихъ кредитъ въ книгахъ національнаго долга, желая, такимъ образомъ, навсегда сѣсть на шею фран-

цузскому народу. Депутаты, агенты правительства, генералы, поставщики на армию—все въязалось въ свалку, стараясь извлечь все возможное изъ создавшагося положенія вещей. Въ ихъ глазахъ массы французскаго народа были годны только для двухъ цѣлей: работать на родинѣ за нищенскую плату, недостаточную для того, чтобы поддержать человеческое существованіе (кромѣ, развѣ, самыхъ здоровыхъ), и служить вундернымъ мясомъ за предѣлами Франціи. Обширныя земельныя владѣнія феодальной аристократіи, дома и недвижимая собственность въ городахъ перешли, такимъ образомъ, въ руки другихъ господъ, болѣе молкаго пошиба. Новый средний классъ Франціи упрочился и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Повстинѣ Французская революція оказалась успѣшной для него. Теперь онъ достигъ вершинъ своихъ честолюбивыхъ цѣлей, оставалось опрокинуть лѣтницу, помогшую ему взобраться. Домашній очагъ, тронъ и алтарь должны быть восстановлены на новыхъ основаніяхъ: „мы“ должны покончить съ революціей и всеи ея дурными путями! Но республика, спасенная (такими путями—это все равно) отъ вторженія въ нее „простого народа“, казалась многимъ при существующихъ обстоятельствахъ недостаточной гаранціей для вновь созданнаго „порядка“. Военный диктаторъ, умѣвший задавить возстаніе въ самомъ зародышѣ, вотъ кто былъ подходящимъ человѣкомъ для такого положенія, и имя его было Наполеонъ Бонапартъ.

XXVI.

Заключеніе.

Французская революція вполне опредѣленнымъ образомъ заканчиваетъ одну изъ эпохъ всемірной исторіи. Собственно средніе вѣка закончились 16-мъ столѣтіемъ.

Но они оставили послѣ себя пережитки въ видѣ централизованныхъ и, якобы, абсолютныхъ монархій, преобладавшихъ въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, въ видѣ старыхъ способовъ производства и промышленности, продолжавшихъ держаться съ небольшими измѣненіями въ деревенскихъ округахъ и мелкихъ городахъ; въ видѣ неизмѣнно сохранявшихся, по крайней мѣрѣ, въ теченіе столѣтія, предрасудковъ и привычекъ мышленія, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія; однимъ словомъ, повторяемъ, въ видѣ пережитковъ вѣншихъ формъ цивилизаціи стараго міра, увядшихъ подобно осеннимъ листьямъ. Превращеніе феодальной іерархіи въ централизованную монархію не вполнѣ освободило средній классъ; система сложнаго труда или мануфактурная система, водворившаяся въ производствѣ, не произвела въ немъ замѣтнаго или сильнаго переворота; доктрины эпохи возрожденія только придали якобы научную, или систематическую форму старымъ привычкамъ мысли.

Политическія, нравственныя и соціальныя перемены, прившедшія къ повѣйшей эпохѣ, конечно, происходили все это время, и для добросовѣстнаго наблюдателя были замѣтны, но не носили рѣзкаго характера.

Французская революція заканчиваетъ вполнѣ эту эпоху. Даже больше. Она составляетъ пограничную линію между современнымъ міромъ и всѣми прежними вѣками. Едва она миновала, какъ на исторической сценѣ появился электрическій телеграфъ. Въ то же время въ головѣ изобрѣтателей работала мысль о паровой машинѣ, и послѣдніе годы истекавшаго столѣтія увидѣли первую изъ фабричныхъ машинъ въ мануфактурахъ сѣверной Англій. Новыя шоссеиныя дороги, каналы и другія „усовершенствованія“ появились въ различныхъ областяхъ и направленіяхъ. Прошло 2—3 десятилѣтія или немного больше, и крупной промышленности суждено было начать переворотъ въ производствѣ

и распределеніи; еще такой же срокъ—и желѣзная дорога стала измѣнять лицо земли и вѣншую сторону человеческой жизни въ другихъ отношеніяхъ.

Однимъ словомъ, начиная съ Французской революціи, мы быстрыми шагами, почти скачками приближаемся къ современному міру.

Городъ Парижъ является типичнымъ примѣромъ и выразителемъ этого прогресса. Сто слишкомъ лѣтъ назадъ, въ 1789 году, онъ представлялъ собою (въ противоположность Лондону, истребленному въ своемъ средневѣковомъ видѣ пожаромъ 1665 года) во всѣхъ смыслахъ средневѣковый городъ, какимъ онъ описанъ Гюго въ романѣ „Соборъ Парижской Богоматери“, городъ феодальныхъ крѣпостей, огороженныхъ высокими стѣнами мѣсть, извилистыхъ, узкихъ, немощеныхъ улицъ. Комитетъ общественнаго спасенія въ 1793 г. началъ производить въ немъ перестройки, отчасти съ цѣлью дать работу нуждавшимся рабочимъ. Шли постепенно перемены за переменами, пока, наконецъ, въ 1859 г., Гаусманъ, при Наполеонѣ III, совершенно не разрушилъ остатковъ стараго Парижа, и не построилъ городъ въ современномъ его видѣ, городъ, показавшійся бы Дантону, Робеспьеру или Марату столь же чужимъ, какъ какой-нибудь Санъ-Франциско. Парижъ, строившійся вѣками, погибъ въ прежнемъ своемъ видѣ менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ. Но что справедливо относительно Парижа, то справедливо и относительно Европы, относительно всей существующей цивилизаціи. Европа 1789 года была въ главныхъ чертахъ Европой конца среднихъ вѣковъ—эпохи возрожденія, но уже въ послѣдней стадіи упадка. Въ дѣйствительности она умерла еще два вѣка тому назадъ и, подобно загнившему мертвену Эдгара По, разлетѣлась въ куски при внезапномъ конвульсивномъ пробужденіи послѣ того, какъ объявила себя мертвой. Никакая „реставрація“ не могла уже вернуть прошлаго обратно. За это время успѣлъ вырасти но-

вый миръ нашихъ дней, съ его наукой, изобрѣтеніями, интенсивнымъ самосознаніемъ, и поставилъ непреодолимые преграды между нами и нашими наивными и простодушными предками. Старая „веселая Англія“, на примѣръ, Англія хороводовъ и матчъ съ призами, миновала безвозвратно. Въ политикѣ царство буржуазіи съ его угнетеніемъ, основаннымъ на хитрости и лицемеріи, устранило возможность продолжительнаго возврата къ болѣе грубымъ и прямымъ способамъ феодальнаго господства.

Въ ходѣ Французской революціи слѣдуетъ отмѣтить также нѣсколько другихъ, менѣе крупныхъ пунктовъ. Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду одну черту этого періода, на которую мы уже указывали, а именно—постоянное обращеніе къ классическимъ образцамъ и до известной степени механическія попытки заставить исторію повторяться, стремленіе воспроизводить во Франціи XVIII вѣка республики древней Греціи и Рима. Головы всѣхъ долны были „Жизнеописаніями великихъ людей“, Плутарха. Всѣ люди, какъ бы мало они ни знали вообще, повидямому, имѣли все-таки хотя поверхностное представленіе о римской исторіи. Почти каждая рѣчь и каждый номеръ газеты этой эпохи испещрены ссылками на Коріолана, Катона, Цицерона, Брута или Цезаря. И, дѣйствительно, римская исторія была для Французской революціи почти тѣмъ же, чѣмъ для англійской при Карлѣ I были еврейскія лѣтописи, содержащіяся въ Библии. „Мы“, или, точнѣе, современная наука и историческая критика, „измѣнили все это“. Мы теперь уже не ищемъ въ прошломъ образца для жизни современнаго или будущаго общества. Доктрина эволюціи (ученіе о развитіи) научила насъ, что человѣческое общество, какъ и все остальное, растетъ и развивается и что хотя соотвѣтственныя и похожія другъ на друга фазы могутъ повторяться въ исторіи, мы все же не можемъ одинъ періодъ ставить

въ примѣръ другому, словно между ними не было промежуточнаго развитія или будто экономическія, умственныя и политическія условія остались тѣми же или могли быть сдѣланы тѣми же.

Другая сторона революціи учить насъ о дѣйствительности силы меньшинства. Самъ терроръ (какъ бы мы ни смотрѣли на него съ точки зрѣнія его справедливости или законности), нельзя этого отрицать, поддерживался въ теченіе почти двухъ лѣтъ сравнительно незначительнымъ, но энергичнымъ меньшинствомъ во всѣхъ городахъ Франціи. Въ это меньшинство (якобинцевъ) существовала расплывчатая масса съ инертной симпатіей къ дѣламъ санкулотовъ и увѣренностью въ необходимости сильныхъ мѣръ въ виду труднаго положенія. Кроме этого, существовала еще широкая масса съ инертной тупостью и безразличіемъ, конечно, запуганная и подавленная. Дѣятельные же враги революціи были приведены къ молчанію.

Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что большинство крупныхъ кризисовъ въ теченіе Французской революціи были связаны съ положеніемъ дѣлъ на границахъ. „10-е августа“ и сентябрьскія убійства были отвѣтомъ на манифестъ герцога Брауншвейгскаго о походѣ иноземныхъ армій на столицу. „31-е мая“ было непосредственно вызвано вторженіемъ новой коалиціи и дезорганизаціей армій Дюмурье и его измѣны. Наконецъ, „9-е термидора“ и уничтоженіе „террора“ послѣдовали послѣ того, какъ исчезли всякіе слѣды опасности отъ иноземцевъ, благодаря битвѣ при Флерюсѣ.

Необыкновенный энтузіазмъ, съ которымъ мы встречаемся во Французской революціи, беззавѣтная готовность всѣхъ какъ предавать смерти другихъ, такъ и самимъ идти на смерть,—могутъ насъ привести къ предположенію, что люди той эпохи были расой прирожденныхъ героевъ или чудовищъ или того и другого вмѣстѣ. Однако, это не такъ: средніе люди и тогда не были ни

тѣми, ни другими. Они были лишь продуктами социальныхъ силъ, лежавшихъ внѣ ихъ контроля. Чувство пресобладающей, подавляющей важности общественныхъ интересовъ все увлекало за собою. До революціи эти люди, вѣроятно, не были ни болѣе отважны, ни болѣе свирѣпы, чѣмъ мы сами. Подобная же смѣлость и такая же свирѣпость можетъ проявиться у всякаго человѣка съ характеромъ при подобныхъ же обстоятельствахъ. Даже Робеспьеръ, какъ указываетъ Карлейль, вѣроятно, былъ не хуже и не лучше, чѣмъ другіе адвокаты. Но у него честолюбіе, въ концѣ концовъ, стало господствовать надъ всей его личностью. Отчасти это зависѣло отъ того, что онъ (этого нельзя отрицать) былъ безпорочнымъ человѣкомъ (принимая слово „порокъ“ въ его обычномъ смыслѣ). Дѣло въ томъ, что лишь очень исключительные люди могутъ быть свободными отъ обычныхъ человѣческихъ пороковъ. Робеспьеръ же, конечно, не принадлежалъ къ числу такихъ людей. Съ его аскетическими понятіями въ духѣ Руссо о республиканскомъ ригоризмѣ, онъ подавилъ всѣ свои естественныя страсти и аппетиты, влѣдствіе чего всѣ нездоровые элементы его характера, не находя себѣ другого выхода, направились въ сторону самообожанія и болѣзненнаго честолюбія. Первое условіе для уравновѣшеннаго человѣка— это умѣть распорядиться съ тѣмъ количествомъ пороковъ, какимъ природа надѣлила его. Ложная нравственность учитъ подавлять ихъ. Но это онъ рѣдко можетъ сдѣлать, а если это ему и удастся, то въ ущербъ всему его характеру или, по крайней мѣрѣ, его отличительнымъ чертамъ. Сдерживая съ себя одѣяніе порока, онъ сдерживаетъ вмѣстѣ съ нимъ свою собственную кожу. Обычно бываетъ однако, что люди не совершенно освобождаются отъ порока, а только направляютъ его въ другое, отводное русло. Если же порокъ сосредоточивается, скопляется, то дѣло плохо. Когда весь порокъ сосредоточивается на какой-нибудь одной изъ естествен-

ныхъ страстей, то человѣкъ становится пьяницей, сатиромъ, обжорой, картежникомъ и т. д. Робеспьеръ же закрылъ всѣ обычные выходы для своихъ пороковъ. Онъ и его аскетическіе товарищи громили гебертистовъ и дантонистовъ за „разнузданность“ ихъ жизни. Но не имѣя обычныхъ выходовъ, его пороки все-таки проявились, но въ формѣ свирѣпаго безсовѣтнаго честолюбія, безпримѣрнаго въ исторіи.

Рядовыхъ дѣятелей революціи, по указаннымъ выше причинамъ, трудно характеризовать, примѣняя къ нимъ обычныя нравственныя мѣрки. Лучшіе изъ нихъ допускали такія дѣйствія, которыя мы, сидя теперь спокойно въ своихъ кабинетахъ, безусловно не можемъ одобрить,— худшіе изъ нихъ проявляли много истинной и безкорыстной преданности дѣлу народа. Если-бъ отъ насъ потребовали назвать пять человѣкъ, цѣли которыхъ, быть можетъ, были самыя чистыя, мы указали бы Марата, Шометта, Клоотца, Паша и Бабефа. Дантонъ, даже если оставить въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, что онъ былъ подкупленъ, былъ только политикомъ, интересовавшимся социальными вопросами лишь постольку, поскольку они непосредственно затрагивали политическое положеніе.

Результатомъ Французской революціи явился, какъ мы видѣли, современный міръ крупнаго капитала и свободной торговли и всего, что связано съ этимъ переворотомъ, въ противоположность старому міру земледѣлія и привилегій. Въ бурѣ внѣшнихъ событій мы иногда склонны позабывать о произведенной въ эпоху террора комитетами конвента административной работѣ, работѣ въ области народнаго просвѣщенія и законодательства, содѣйствовавшей созданію новой правительственной системы. Даже „кодексъ Наполеона“ былъ основанъ на работѣ Мерлина де-Дуэ и его комиссіи. Во Франціи была особенно грандіозна политическая и юридическая сторона всякаго переворота; въ Германіи—фи-

философская и литературная, въ Англіи — промышленная и торговая. Въ то время, какъ французскіе политики учреждали республику, германскіе политики трудились надъ созданіемъ философскаго мышленія XIX вѣка, а англійскіе изобрѣтатели — надъ новыми способами производства и передвиженія. Но между тѣмъ, какъ средне-вѣковая организація общества держалась прочно цѣлыми столѣтіями, современная уже обнаруживаетъ признаки приближающагося разложенія. Почему это? Мы отвѣтимъ: потому, что она уже въ самомъ началѣ своего возникновенія по природѣ своей заключала въ себѣ сѣмена разложенія. Капиталистическая система по необходимости питается сама собой. Конкуренція, жизненный нервъ ея, также неуклонно разрушаетъ ея жизнь. Можетъ быть, „открытіе Африки“ и другихъ неиспользованныхъ еще территорій дастъ возможность системѣ продержаться еще нѣсколько десятилѣтій, но конецъ ея, во всякомъ случаѣ, недалекъ.

11892

